мое время обратиться к дружбе между школьниками. Она ведь тоже формирует наш характер, наши чувства, она — генеральная репетиция любви.

«Я не знаю, почему дают какой-то монополь воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы. Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она — страстная дружба. Со своей стороны дружба между юношами имеет всю горячность любви и весь ее характер: та же застенчивая боязнь касаться словами своих чувств, то же недоверие к себе, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое желание исключительности», — писал А. И. Герцен.

«Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Обратите внимание: не про родителей спрашивают, не про возлюбленную. Про друга. Они сходятся не по чувственному влечению, не по долгу-обязанности, которыми определяются родственные связи. Нет. Полная свобода волеизъявления при взаимном избрании, при установлении статуса отношений, при расторжении союза. И никаких специальных законов, норм и правил, судов и контроля. Все на добровольно-договорных началах. Такой стиль все больше начинает утверждаться в отношениях между детьми и родителями, между мужьями и женами. Не случайно мы определили семью как кровное содружество. Но до полного торжества этого принципа еще далеко.

Повторим: уроки школьной дружбы — замечательное испытание юной души на искренность, честность, верность, самоотверженность, терпимость, т. е. на самые важные для хорошего человека и семьянина свойства. Поэтому-то дальновидные взрослые так внимательно приглядываются к зарождающейся привязанности между подростками. А родители — и ревниво. Ведь мы уже заметили: в этом возрасте, как бы ни было тепло в родном гнезде, оперившийся птенец делает попытки покинуть его, пусть недалеко он улетает и не надолго. Ему интересней совершать самостоятельные кружения с приятелем, в ком он нашел родственную душу. Не секрет и то, что на определенном этапе жизни нередко влияние такого друга оказывается сильнее воздействия сородичей. Отсюда и приведенная выше поговорка.

Трудно себе вообразить человека, который не стремился бы обрести искреннего, идеального друга. Образ этого друга на удивление однотипен при всей несхожести жаждущих дружбы. Он, конечно, чуткий, честный, все понимающий с полуслова, безоглядный в помощи, щедрый в удаче, тот, кому все доверишь и на кого можно во всем положиться.

«Основа дружбы заключается в полном согласии воли, вкусов и мнений» (*Цицерон*).

Однако редко кому выпадает удача найти такого единомышленника сразу, готовым, без, что называется, примерки, без проб и ошибок, без того, чтобы себя или друга переменить, прежде

чем выработаются общие стремления, желания, интересы. Поэтому справедливей было бы говорить не о том, что друга *находят*, а о том, что друга *создают* «по образу и подобию своему».

Может быть, отмечаемая исследователями нерасторжимая дружба близнецов основывается именно на врожденном абсолютном сходстве их натур. Обыкновенные братья и сестры имеют нередко очень разные характеры и установки. Отсюда — споры, ссоры, ревность и соперничество, которых лишены в подавляющем большинстве близнецы.

Идеальная дружба и рисуется как отношения близнецов. Все вместе, все поровну. Но идеал на то и идеал, что к нему стремятся многие, а достигают единицы из самых упорных. В обыденной жизни приходится довольствоваться отношениями, далекими от абсолюта и совершенства. И дружба — не исключение. Она, впрочем, как и любовь, нередко основывается не только на общности натур, но и на их противоположности, на том, что люди дополняют друг друга, а не уподобляются один другому. И на этом основании строятся прочные и длительные душевные связи.

Вот известный пример из биографии великих людей. Дружба Пушкина с Пущиным основывалась скорей на дополнении разных воль, вкусов, мнений, характеров. Пущин любил и восхищался живостью нрава, искристым талантом своего соседа по лицейскому дортуару. Пушкина привлекали в его друге особая нравственная красота и рыцарское благородство, твердость правил.

Вот прочитайте аттестацию, которую дает Ивану Пущину наблюдательный наставник-иезуит Мартын Пилецкий-Урбанович: «С весьма хорошими дарованиями, *всегда прилежен и ведет себя благоразумно*. Благородство, воспитанность, добродушие, скромность, чувствительность, с мужеством и тонким честолюбием, *особенно же рассудительность* — суть отличные его свойства. В *обращении приятен, вежлив и искренен, но с приличною разборчивостью и осторожностью*». (Курсив наш.— *Т. А.*)

Скажите, можно ли угадать в этом психологическом портрете сходство с самым дорогим для Пущина человеком — А. С. Пушкиным? Ничего общего:

...волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой...

А объединили их: «дум высокое стремленье», мечты о «вольности святой».

Характер дружбы определяется, естественно, характером личностей, соединенных этим чувством. В значительной мере — направленностью их жизненных стремлений, идеалов. Классические примеры убеждают: не бывает высокой, светлой, преданной дружбы у людей никчемных, с мелкими и темными жизненными установками. В нашей литературе, кинофильмах часто воспевается фронтовая дружба. Она возникает порой внезапно, во время

одного сражения, выполнения одного задания, потому что в условиях предельного напряжения, риска человек проявлялся сразу и до дна. Это с той поры в наш обиход вошли слова, которые мы произносим, когда хотим сказать, что доверяем кому-то безоглядно и полностью: «С ним можно идти в разведку».

Вот уже десятки лет фронтовые товарищи поддерживают сердечные связи, живя иной раз за тысячи километров друг от друга. И встречи их — «праздник со слезами на глазах». Праздник и поучение для молодых людей, кто никогда не попадал в экстремальные обстоятельства, кто не переживал ежедневного хождения на грани между жизнью и смертью. Юношество воочию убеждается: нет святее уз товарищества, основанного на святой цели — защите отечества, чести и свободы рода человеческого. Исторический опыт позволяет поспорить с утверждениями, вроде такого: «В счастье легко найти друга, в несчастье же — в высшей степени трудно» (*Демокрит*).

На всю жизнь сохраняли сердечную тягу друг к другу и те, кто вместе голодал и холодал, возводя первогиганты нашей индустрии. И нынешние молодые строители КАМАЗа, БАМа, хотя и не знают тягот и нужды, что пришлось вынести их предшественникам, приобретают верных соратников, с кем действительно без оглядки пойдут и в разведку, и на полюс, и на край света. И опять же потому, что соединила их, испытала на прочность общая высокая и благородная цель.

«Люди обычно называют дружбой совместное времяпрепровождение, взаимную помощь в делах, обмен услугами — одним словом, такие отношения, где себялюбие надеется что-нибудь выгадать» (*Ф. Ларошфуко*).

Очень строгое суждение высказано о вещах, которые мы воспринимаем как вполне привычные и даже достойные, не правда ли. Что дурного в том, что один из друзей оказывает услугу, а другой ее принимает, будучи полезным в другой сфере и в иное время? А взаимопомощь — разве она не обязательна и в дружбе, и в любви? И не на ней ли держится равенство, равноправие и прочие благородные явления нашего общежития? А совместное времяпрепровождение — разве не естественно стремление друзей быть как можно больше вместе?

Подобные высказывания выдающихся умов человечества, а вы их найдете в книгах немало, нередко вызывают смятение в юных душах, сомнение в собственной способности к дружбе высокой, чистой, бескорыстной и сомнение в характере привязанности собственных друзей и приятелей, если они вдруг обращаются к нам с просьбами о помощи, охотно принимают наши услуги.

Как вырваться из этого противоречия? Наверное, один из возможных способов — уяснить для себя внутренние мотивы тесных дружеских отношений. Коли цель близости — духовная общность, бескорыстные стремления, ничто не унизит и не иска-

зит отношений: ни услуги, ни взаимопомощь. Напротив, они сделают душевные порывы реальностью, не словами, а делом, пусть на первых порах малозначительным. Но коли услуги, поддержка есть цель, то, конечно, это не дружба, а деловые отношения. Хотя со временем, кто знает, могут и своекорыстные отношения превратиться в искреннее содружество. Такое превращение никак нельзя исключать. Ведь наши отношения, как мы уже заметили, не есть что-то застывшее, раз навсегда данное. Меняются люди, меняются и их взаимосвязи. Оттого нет надобности спешить с суровым приговором несовершенству отношений, которые складываются в детстве и отрочестве. Вы ведь и выбору друзей и самой дружбе выучитесь в процессе дружеского общения. А оно может иметь разные проявления: тут может быть и дружба-служба, и дружба-соперничество, и дружба-компанейство, и дружба-исповедальность. Тогда каждая из потребностей находит удовлетворение в разных, а не в одном человеке.

Дружба-служба. Едва ли не самый приметный вид общения между подростками, резко отличающимися физической силой и силой характера, способностями, уровнем культуры. В каждом классе, наверное, найдется подобный симбиоз: один из приятелей — защита и опора более слабому, а тот — верный паж, соратник своего покровителя. Способный, авторитетный, яркий вожак охотно делится своей славой, своим умением с менее даровитым, скорее позволяя с собой дружить, нежели открывая сердце для подлинного содружества. Здесь соратник — скорее фон для выдающейся личности. Однако настолько необходимый, что расстаться с ним невозможно. «Король» без свиты, как известно,— не король. И в конце концов, бывает, не разобраться: кто кому в большей мере надобен.

Основой для подобного сообщества всегда служат преимущества одного (иной раз превосходство даже материального порядка: обладание, к примеру, модными вещами, музыкальной аппаратурой, «дисками» и прочими заманчивыми для данного возраста «игрушками») и неудовлетворенные потребности другого. У взрослых тоже встречается такой вид дружбы.

Есть и такая особенность вашего возраста: в эту пору увлекает все энергичное, яркое, громкое, эффектное. «Тихие» достоинства — доброта, сострадание, совестливость, скромность мало ценятся, скорее даже кажутся признаками слабости. Отсюда безжалостные насмешки над застенчивыми «маменькиными сынками», снисходительное пренебрежение чувствительными скромницами. Их обычно зачисляют в «свиту».

Персонажи пьесы В. Розова «Традиционный сбор», бывшие одноклассники, встретившись через три десятка лет, не могли узнать и вспомнить некоторых своих товарищей и подружек не потому, что те неузнаваемо изменились, а потому, что их так и не узнали за все годы совместной учебы. Они-то и были «фоном» для выдающихся личностей этого выпуска. Но именно одна такая

вот «серая птичка», Лида, потом получила полновесную пятерку за честно, достойно и трудно прожитую жизнь, хоть и лишенную внешнего громкого успеха. Жизнь, пройденную без шатания по кривым дорожкам, не знающую измен, в том числе — самой себе.

Дружба-соперничество. Здесь сходятся натуры равносильные. Их постоянно тянет друг к другу, в особенности если круг увлечений и занятий у них схож. Им бы быть всегда рядом — повели бы за собой класс. Но их отношения неустойчивы: сейчас вместе затевают какую-то акцию, вдруг — споры, игра самолюбий, жажда лидерства, безоговорочного подчинения разводят их в разные стороны. Возникают вокруг них группы и фракции соратников. Тоскуют, досадуют, но пойти на примирение не спешат. Как это у поэта Е. Евтушенко:

Со мною вот что происходит:
Ко мне мой старый друг не ходит,
А ходят в праздной суете
Разнообразные не те.

И все же совсем разойтись тоже нет сил. Разве что общее увлечение девочкой поставит точки над *i*. А такое нередко случается у схожих натур.

Кстати, встретившись через годы, школьные друзья-соперники зачастую становятся подлинными товарищами: нет надобности «делить сферы влияния», они уже поделены временем и жизнью.

Дружба-компанейство. Калейдоскоп парней и девочек, объединенных внешкольным интересом. Здесь дружат не кто-то с кем-то, а скопом. Объединяет их увлечение театром, техникой, спортом, природой. Вне этих занятий — каждый сам по себе, но вот сошлись — на эстраде ли, в спортивном зале, на технической станции, в оранжерее или на собачьей площадке — нет ближе товарищей.

А есть еще один вид компаний, большинству из нас тоже хорошо известный. В них подбор идет по общему пристрастию к одинаковым вещам, удовольствиям, забавам, порой весьма опасным и сомнительной порядочности. Всей толпой на танцы, в парк, на улицу. Вместе не страшны нападки ребят из соперничающей группы, вместе легче устанавливать контроль над округой и навязывать одиночкам свою волю.

Как правило, такого рода компанейство чревато всякого рода бедами. Наряду с чувством некоторой безопасности и уверенности в силе оно порождает и страх: отвечать придется не только за собственные промахи, но и за проступки тех, кого «заносит на поворотах».

В подобной компанейской общности больше условностей, чем в отношениях двоих. Нередко маленькая община вырабатывает свой кодекс и бывает строго беспощадна к нарушителям этих правил. Войти в нее бывает непросто, а выйти — вовсе трудно.

В некоторых группах и небезопасно: «стая» не жалует тех, кто от нее откалывается. (Эта ситуация воспроизведена в фильме «Чучело».)

Помните наш разговор о возрастной потребности испытать себя на смелость, на риск, опасность? Еще много веков назад было замечено, что никогда один подросток не ввяжется в рисковое дело, что ему непременно нужны соумышленники, которые друг друга словно бы подталкивают, накручивают, заводят собственное и сообщников лихое настроение. Общие грешки, сомнительные дела и забавы тоже могут свести людей накрепко, хотя эти связи из самых уязвимых. Вырос человек из «трудного» возраста — и нет его в компании; нашел себе иных покровителей, не менее сильных, но более порядочных, переехал жить в другой район — и тут обычно связи рвутся, если, конечно, «игры» не зашли слишком далеко.

Об этих связях-дружбах взрослые, как правило, не любят вспоминать. Тут много стыдного, досадного, необъяснимого с высоты и устойчивости зрелого состояния. О похождениях и проделках в такого рода «артели» даже от школьных друзей и подруг порой скрывают те, кто попадает в нее из любопытства, безволия, слепого подражания. Хотя у большинства из старшеклассников частенько бывает свое доверенное лицо, исповедник или исповедница, но даже им неведомы все «подвиги» друзей.

Вот еще один вид дружбы. Никакими делами, увлечениями не связаны между собой люди — одной потребностью поговорить по душам с полной убежденностью, что будут правильно поняты, что останутся в сохранности доверенные тайны, которых к старшим классам накапливается предостаточно. Заметим: в исповедниках у подростков, как правило, оказываются люди старшего возраста, нередко — любимые учителя. Самые рисковые темы в таком случае — не запрет. И доверие огромное и даже готовность слушаться, а не только слушать. Автору этих строк в недолгий, но счастливый срок работы в школе довелось заслужить особое доверие некоторых учениц. Пачки писем-исповедей до сей поры согревают сердце сквозящей в них страстной жаждой знать правду о жизни, о самих себе, своих сверстниках и близких.

Еще в те годы, да и потом мучил вопрос: отчего и мы в детстве и последующие поколения ребят охотно доверяются сверстникам-приятелям, учителям, неизвестным работникам редакций, кому они пишут о том, что смущает душу, только не самым родным? Не знаю, примете ли вы такое суждение: ребят останавливает предположение, что у столь разумных, положительных, правильных людей, какими обычно предстают перед ними их собственные папы и мамы, ничего подобного в жизни произойти не могло. И они не поймут, не простят заблуждений и грехов незрелости. Да и сами взрослые порой создают такую преграду недосягаемости и строгости, что переступить ее — смелости надо набраться. Но давайте вспомним, что таимся мы от родных, когда надо

скрыть незначительные проделки. Когда же крепко допечет, мы знаем твердо, где наша опора и защита. Вот что пишет известный исследователь психологии юношеской поры, доктор философских наук И. С. Кон: «При опросе группы крымских старшеклассников мальчики, отвечая на вопрос, с кем они предпочли бы проводить свободное время, поставили родителей на шестое, последнее, а девочки — на четвертое место: компания сверстников для них явно предпочтительнее. Зато отвечая на вопрос: «С кем бы ты стал советоваться в сложной житейской ситуации?» — и те, и другие поставили на первое место мать, на втором месте у мальчиков оказался отец, у девочек — друг (подруга). Иначе говоря, с товарищами приятно развлекаться, с друзьями — делиться переживаниями, но в трудную минуту лучше обратиться к маме».

Надо нам обратить внимание и на такую общую черту подросткового возраста: соединение в характерах, в поведении противоположных свойств, настроений, стремлений. Нет в жизни человека периода более противоречивого. Девочка-девушка и мальчик-юноша мучительно и болезненно рвут путы родственной, родительской опеки и одновременно охотно надевают на себя тяжкие кандалы правил и требований дружеской компании. В этом возрасте все хотят заявить себя взрослыми людьми и все делают для того, чтобы по внешнему виду, по платью и прическе, по манере поведения, по вкусам и пристрастиям резко отличаться от взрослых. Стремятся к непохожести, индивидуальности, жаждут выделиться из толпы сверстников и одновременно — слиться с ними, быть признанными, «своими» в приятельском кругу. «Подростки (да и юноши)— настоящие рабы «нормы». Они убеждены в том, что на все случаи жизни должны быть универсальные правила, и очень боятся в чем-то отстать от сверстников»,— пишет И. С. Кон. Для вас, выходит, легче противостоять требованиям взрослых (в том числе учителей), нежели требованиям приятелей, а значит, нет особой смелости и заслуги говорить старшим «нет!». Сказать дружкам «нет!», когда их требования противоречат совести и правде,— вот истинная доблесть в эти годы. Лев Толстой не случайно называл эту пору «пустыней отрочества»: путь без четких нравственных ориентиров, блуждание в потемках. Но, увы, и его дети не миновали этой пустыни.

«Тяжело переживала я свои отроческие годы. Много нелепого и мучительного вставало в неустоявшемся сознании... Поднялись вопросы, никогда не приходившие в голову ребенку, каким я была до сих пор. Вопрос жизни и смерти; отношение к религии, к Родине, к родителям...; вопрос денег, искусства, отношения полов — во всем приходилось разобраться. И разобраться самой, одной. Чужой опыт был мне не нужен.

В ранней молодости чувствуешь себя всесильной и в своей гордой самонадеянности не хочешь ни чьих советов и указаний, хочешь все решить самостоятельно». Вот признание дочери Льва

Толстого Татьяны, которое подтверждается и свидетельствами ее братьев, Сергея и Ильи. А, казалось бы, уж им ли испытывать трудности, им ли в гордом одиночестве разбираться со сложнейшими вопросами бытия, коли рядом — великий человечище, за советами к которому тянулись умнейшие люди всей страны. Так нет же, до всего хотели дойти сами. И как дети простых смертных, мучились духовной жаждой, живя в оазисе, путались, миражи принимали за реальность, корили себя за отсутствие четких принципов, за импульсивность и случайность реакций и поведения. Не устояли они и перед заразительным влиянием сверстников.

Татьяна Львовна вспоминала об отце: «Он говорит, что главная часть нашей жизни проходит в том, чтобы стараться быть похожей на Фифи Долгорукую, и что мы жертвуем самыми хорошими чувствами для какого-нибудь платья. Я ему сказала, что я со всем этим согласна и что я умом все это понимаю, но что душа моя остается совсем равнодушной ко всему хорошему, а вместе с тем так и запрыгает, когда мне обещают новое платье или новую шляпу. Папа говорит: «Тогда носи платья, какие хочешь... но принцип, который ты поняла и имеешь в голове, все-таки сделает свое».

Конечно, старшие дети Льва Толстого с меньшими потерями одолели «пустыню отрочества». Отец до наступления опасного возраста приучил их к постоянному самоисследованию, самооценке, к преодолению слабостей. Тут заслуга человека, который сам не забыл пережитого когда-то душевного напряжения и кризиса и, пытаясь, как и все родители, предостеречь детей от повторения собственных ошибок, находил в душе столько великодушия, что прощал их за непослушание, за то, что на своем опыте хотели они прочувствовать все боли и радости этого труднейшего периода. Хотя старший из детей Толстого, Сергей, в своих воспоминаниях расскажет: его отцу тоже было тяжело примириться с тем фактом, что сын, безоглядно принимающий к исполнению рекомендации своих учителей по учебным предметам, не следует советам отца в вопросах человеческих отношений.

... — Что дадут излагаемые здесь сведения о сложностях нашего характера в пору перехода от детства к отрочеству и юности? — спросите, наверное, вы.

Прежде всего понимание истоков конфликтности, напряженности в отношениях с родными: не мама и папа стали другими, хуже, как иной раз в этот период вам кажется, а вы сами меняетесь. Перемены эти болезненны для всей семьи, хотя и естественны, как рост зубов, например. А еще знание разумное, критическое отношение к собственным чувствам и поступкам не позволит незаслуженно ранить самых дорогих, тоже переживающих (и переживших) ваши страсти родителей. Когда и старшие, и младшие будут знать не только то, что сейчас происходит с растущим человеком, но и во что обратятся потом нынешние поиски

себя, можно будет избежать многих бед, за которые приходится иной раз платить неудавшейся судьбой. Может быть, наконец, смягчатся некоторые ошибки юности.

Здесь уместно привести слова А. С. Макаренко о том, какую роль играют отношения с друзьями и близкими в подготовке растущего человека к «взрослой» любви: «Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполовой любви, тем благороднее будет и любовь половая».

Вот почему еще раз справедлива пословица о друге: «Скажи, кто твой друг...» Ее можно соотнести с характеристикой личности и в других ее ролях и проявлениях. Скажи мне, кто твой друг, какие свойства души тебя с ним связывают, какие интересы при этом удовлетворяются, какие у вас приняты правила и нормы общения, и я скажу, какой ты будешь семьянин. Будешь ли ты помыкать, унижать любящее, преданное существо или ценить и уважать его. Будешь ли ты прятаться за чужую спину от опасности или примешь удары судьбы на себя, защищая дорогого человека, и т. д.

Вы, наверное, обратили внимание, что в нашем разговоре о дружбе мы почти не различаем характер отношений ваших сверстников по половому признаку. Дружат подростки — и все. А девочка с мальчиком или однополые личности, будто бы все равно. А на самом деле и мы, старшие, и вы, юные,— все отлично знают, что это не все равно. Иначе не возникало бы столько споров по поводу: могут ли дружить по-настоящему ровесник и ровесница.

К девятому классу вы на эту тему уже прекратили дискуссии: это заботы шести-семиклассников. У вас все более или менее определилось. Но так ли уж окончательно вы это себе уяснили? И не возникнет ли снова эта проблема, когда новые отношения потребуют четкой формулировки?

Мальчик с девочкой дружил,
Мальчик дружбой дорожил.

Многие из вас помнят стихи С. В. Михалкова, в которых рассказывается, как умерла чистая, честная и открытая дружба из-за плоских шуток, злых смешков и шепотков.

Как товарищ, как знакомый,
Как приятель, он не раз
Провожал ее до дома,
До калитки в поздний час.

В этой ситуации все узнаваемо, похоже на то, что доводилось переживать каждому. И все же не совсем точно. Ни товарища, ни приятеля, тем более знакомого никто не провожает «до калитки в поздний час». Не провожаются и друзья-мальчишки, и подружки-девчонки. «Привет!» И разошлись по домам. В харак-

тере двуполой дружбы присутствует элемент полового поведения: провожать своего друга девочка не станет ни при каких обстоятельствах, да и мальчик ей этого не позволит, портфель поднести, влезть в драку и иные «подвиги» совершает одна сторона, а другая с благодарностью их принимает, отвечая ласковым вниманием, сочувствием.

Что и спорить, между девочкой и мальчиком, как и между мужчиной и женщиной, могут быть самые разнообразные отношения — товарищеские, приятельские, соратников и коллег. И могут быть эти связи глубокими, деятельными, ответственными. Но с дружбой все сложнее. Она ведь все-таки страсть.

Видимо, двуполая дружба в отрочестве и юности есть всего лишь стадия, переходный этап между товариществом, приятельскими отношениями и любовью. Именно хрупкость этого состояния, его неопределенность, беззащитность требуют особо бережного и чуткого внимания и со стороны сверстников, и тем более со стороны взрослых. И тут совершенно прав поэт: только дураки и пошляки способны насмешничать и дразнить тех, кто переживает такую прекрасную и светлую пору дружеского участия и заботы, которая во многом определит мир чувств будущих женщины и мужчины. И тут скорее нужно оглядываться на дразнилу, чем на тех, в кого он тычет пальцем: что-то неладно у него в душевном развитии.

С. В. Михалков привел эти стихи в книге «Все начинается с детства». И, видимо, сознавая, что у читателя непременно возникает сомнение: а была ли то настоящая дружба, если от глупых насмешек она умерла, привел письмо одного своего юного читателя, который рассказал, что он продолжает дружить с девочкой, несмотря на все обидные прозвища. Надо признать, что любое чувство, любые человеческие отношения проверяются разного рода испытаниями, без них не узнать, чего эти чувства стоят. По всей видимости, испытание общественным мнением, тем более насмешливым, одно из самых тяжких. Недаром говорят, что «злые языки страшнее пистолета». Их выстрелы нередко сражают и весьма стойких взрослых людей, не то что юных отроков, слабо стоящих на земле.

Будем же все взаимно бережными. Такие благородные чувства, как дружба, товарищество — величайшие из достояний человечества.

Первая любовь

Вы, наверное, уже догадались, почему после предыдущего раздела не последовало домашнего задания. Столько в нем заключено вопросов, обсуждаемых вами ежедневно, что нам кажется, и без специального задания вы продолжите со своими сверстниками начатый разговор, может быть, откроете новые грани и варианты дружеских отношений.

Мы же переходим к теме, которая особенно глубоко задевает и волнует ваших сверстников. Какое из многочисленных сердечных влечений, томлений души мы называем первой любовью? Когда она возникает и чем отличается от второй, третьей? Ведь коли есть «первая», должно быть и продолжение в счете. Иначе можно говорить лишь о единственной, какую испытывает, например, герой фильма «Прошу в моей смерти винить Клаву К.», влюбившийся в девочку еще в детском саду и пронесший неослабевающее чувство через многие годы — до вступления в юношескую пору, где мы его и оставляем. И вполне может статься, эта привязанность будет длиться вечно.

Такая любовь — мечта, идеал всех времен и народов. Однако, как и идеальная дружба, — удел избранных, счастливцев. В большинстве же случаев [illegible] рассказы о первой любви в воспоминаниях зрелых [illegible] светлой грустью. Потому что она имела свое прекрасное [illegible] ранний расцвет и, увы, неизбежный конец. Иначе, [illegible] бы по-другому.

Пожалуй, и оценить, [illegible] что это, мы можем лишь спустя многие годы. Потому что сердце человеческое начинает свою таинственную и волнующую работу очень рано. И первой нашей любовью-восторгом, по сути, является не красивая девочка или интересный мальчик, а наши мамы-папы. Об этом говорили еще древние философы. И наш современник американский доктор Бенджамин Спок, книги которого о воспитании детей и подготовке молодых людей к браку широко известны в мире, уверяет: дети от трех до шести лет создают себе романтический идеал мужчины и женщины, прообразом которого являются мама и папа. Последующие увлечения будут бессознательно соотноситься с этим эталоном.

Если ребенку не повезло, не было у него и у родителей взаимной нежной привязанности, то идеал свой он будет искать, уже отталкиваясь от родительского образа, т. е. будет искать «антимаму» или «антипапу».

Ну, а сколько сердечных потрясений мы испытываем в школьные годы, задолго до встречи с Ней (с Ним)? И можно ли считать, что все это — не важно для нашего опыта? Например, кто из взрослых не вспоминает время от времени сильные волнения, пережитые в первых классах, когда самой-самой замечательной, красивой, доброй (для девчонок и мальчишек равно) была первая учительница. И так хотелось, чтобы она любила, отличала только тебя!

Одна пожилая женщина признавалась: до сей поры она помнит, как плакала от ревности, когда учительница гладила по голове других, как ненавидела ее мужа за грубый тон, с которым он обращался к кумиру первоклашек, и все придумывала месть и козни, чтобы он «отвязался» от своей жены. Очаровывало в учительнице все: внешний облик, голос, улыбка, походка. Когда же память и фотографии теперь воспроизводят подлинный, не идеализирован-

ный портрет, то никакого сходства с тем, что рождали детское воображение и влюбленность, не обнаруживается. Все, как и во взрослой любви: та же способность к самообману, та же ревность и жертвенность.

Потом место учительницы занимает какой-нибудь киногерой, певица, актриса, спортсмен (спортсменка). Начинается поклонение другого рода, но не менее длительное и страстное. Идет погоня за фотографиями, магнитофонными записями, статьями, майками, сумками с изображением «идола». Отказывают себе во всем необходимом, лишь бы еще раз увидеть (услышать) того, кто поразил воображение и сердце. Но и это увлечение проходит, новый кумир затмевает прежнего. Но разве все это не похоже на Первую Любовь?

А не миновавшая ни одно поколение шестиклассников игра в свидания, записочки, тайны, которые обычно известны всем. И тоже ревность, клятвы, ссоры, слезы. На другой же день — все забыто.

О том, что старшеклассники могут быть сразу увлечены несколькими своими сверстницами (сверстниками) да еще взрослыми из числа родительских друзей знакомых, мы уже говорили. И редко кому точно удается взвесить-оценить степень подлинности, глубины, долгосрочности очередного увлечения.

— Позвольте,— скажете вы.— Но ведь нынче и десятилетним ребятишкам известно, чем отличается любовь от всей этой детской игры воображения.

Пожалуй, не известно. Не только детям, даже взрослым сомнительно: что есть что? Помните, А. Герцен называл основной особенностью первой любви то, что она «забывает различие полов». Многие поэты и литераторы возражают против такого утверждения, хотя им тоже известно: желание физической близости, ласк и поцелуев может означать вовсе не пришествие Любви, но лишь наступление полового созревания.

Нам придется прервать наши рассуждения, чтобы договориться о том, какое же содержание мы впредь будем вкладывать в это емкое до необъятности слово — «любовь». В русском языке одним словом обозначаются столь несоизмеримые понятия, как пристрастие к какому-то блюду, к вещи, к дому, увлечение делом, искусством, привязанность к родным, к избраннице (избраннику), служение идее, родному краю. Все эти чувства и отношения именуются любовью. Хотя мы и сознаем разницу в содержании слова, но при таком его многозначии вполне возможны казусы вроде выражения: «Я люблю пить чай с женой и вареньем». Чтобы нам четко представлять, о каком именно чувстве идет речь, давайте постараемся разграничить это понятие.

Известный советский исследователь обсуждаемой нами проблемы, писатель Ю. Б. Рюриков эпиграфом к книге «Три влечения» взял такое определение любви, извлеченное из древневосточного любовного трактата: «Три источника имеют влечения человека:

душу, разум и тело.
Влечения душ порождают дружбу.
Влечения ума порождают уважение.
Влечения тела порождают желание.
Соединение трех влечений порождает любовь».

(«Ветки персика»)

Как видно, любовь человеческая есть нерасторжимое единство физического, духовного и интеллектуального влечения, направленного на один объект. При этом писатель в своей книге предостерегает от предпочтения одного из трех влечений в ущерб двум другим. По его мнению, в любви все равнозначно, равноценно. Разграничение этих влечений на ранги — низшие и высшие — следствие многовекового господства христианской религии в морали и обычаях европейских народов. Христианство всеми средствами, в том числе через все виды искусства, насаждало взгляд на телесные потребности как на греховные, грязные, постыдные.

Гуманисты-атеисты усиленно боролись с такой установкой, принижающей естественные человеческие чувства. Однако и они считали одни физические потребности, не облагороженные светом души и сердца, не регулируемые разумом, явлением низшего порядка. Кстати, и в цитате из восточного трактата духовное и интеллектуальное влечение поставлено не случайно на первое место.

Из курсов анатомии и из цикла бесед по половой гигиене вам известно, что все мы испытываем разнообразные физиологические потребности: в еде-питье, в чистом воздухе, в укрытии, в чередовании сна и бодрствования, напряжения и расслабления, наконец, в продолжении своего рода. Это первичные и всеобщие потребности, присущие не только человеку, но и животным. Но есть еще потребность в ласке, внимании, заботе, потребность самому о ком-то заботиться, кого-то ласкать, опекать. Испытывают их лишь высокоорганизованные существа.

Желание телесной, сексуальной близости в этом реестре потребностей у животных играет подчиненную, служебную роль: оно лишь средство для осуществления такой важнейшей цели, как продолжение рода. В человеческом общежитии эти так называемые животные инстинкты, как правило, социализированы, окультурены воспитанием. Чем выше развитие общества, в котором явилось на свет человеческое дитя, чем выше духовная культура его ближайших родственников, тем сложнее будет форма проявления природных потребностей и инстинктов.

Люди утоляют свои желания и потребности, ориентируясь на правила и нормы, предписанные окружением. Некоторые меняют эти правила, но тоже не столько изобретают новые, сколько перенимают принятые у других людей.

Поправки в характер бытового поведения вносят, естественно, темперамент, своеобразие конкретного индивида, масштаб и сила личности. У одного физические потребности подавляют ду-

шевные стремления. И тогда даже про сильную, энергичную, вроде бы независимую личность, как пушкинский Алеко, с сожалением говорят:

> Но, боже! как играли страсти
> Его послушною душой!

Известны и противоположные явления: возвышенные идеалы подавляют чувственные влечения, и любовь не получает земного воплощения. Если бы все мы и всегда испытывали только бесполое влечение, род человеческий перевелся бы. Да и сама жизнь обеднилась бы, утратила многие радужные краски. Оглянемся на мать-природу: она украшает все живое в пору брачного соединения в самые пышные убранства, оглашает мир прекрасными песнями и страстными звуками. Красота земли — это зримое воплощение любви.

Но снова приходится нам признавать, что живая жизнь намного сложнее любой самой правильной теории и схемы. В практике человеческих отношений редко встретишь равноценно и равнозначно выраженные влечения. Что-то всегда преобладает, что-то менее сильно выражено. Тогда можно говорить о наличии нескольких типов «любовей»: когда преобладает желание — это любовь-страсть; когда преобладает сердечное влечение — это любовь-уважение, есть еще и любовь-долг. Конечно, подобное деление весьма условно и каждый из вас может назвать свое чувство какими-то иными словами, но смысл, содержание понятий будет приближаться к приведенным.

Когда начинаешь сознавать всю многоликость чувства, именуемого любовью, перестаешь удивляться несогласованности высказываний о ней мудрецов и поэтов, переходивших от священных песнопений к проклятиям.

«В любви, как и в ненависти, могут быть соединены самые разнообразные чувства: и страдание, и наслаждение, и радость, и печаль, и страх, и смелость, и даже гнев и ненависть». (*К. Д. Ушинский*).

Вы обратили внимание, что триада составляющих подлинную любовь — желание, дружба, уважение — весьма сходна с той триадой, которая нами определена как гармоническая основа личности: сочетание «хочу, могу и должен».

Надо признать, что на протяжении супружеской жизни чувство это может преображаться, переходить из одного состояния в другое. В. Г. Белинский обозначил «времена года» у любви: «Любовь имеет свои законы развития, свои возрасты, как жизнь человеческая. У нее есть своя роскошная весна, свое жаркое лето, наконец, осень, которая для одних бывает теплою, светлою и плодородною, для других холодною, гнилою и бесплодною».

По всей вероятности, это может означать, что в начале возникших сердечных связей у молодых людей преобладает любовь-страсть, постепенно она может перерасти в любовь-дружбу, а затем — в любовь-уважение. Как бы ни была прекрасна весна, но

цветы, соловьиные трели, безоблачное сияние небес не могут длиться вечно. Вся красота любви в природе, как известно, не самоцель, но средство для воспроизводства жизни. И опадают цветы, и умолкают сладкоголосые птицы, чтобы в тишине и упорном старании творить чудо зарождения плодов, птенцов, потомства.

Приведенные здесь высказывания В. Г. Белинского и К. Д. Ушинского вы найдете в сборнике афоризмов «Симфония разума» в разделе, посвященном любви. Здесь же есть и другие высказывания великого критика о любви. Собрав их воедино, вы сможете обнаружить некоторое противоречие в его взглядах на природу этого чувства.

Вот эти афоризмы:

«Всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь бы она была в сердце, а не в голове».

«Сердце имеет свои законы — правда, но не такие, из которых легко было бы составить полный систематический кодекс».

«Нельзя отрицать влияния нравственных качеств на чувство любви, но когда любят человека, любят его всего, не как идею, а как живую личность, любят в нем особенно то, чего не умеют ни определить, ни назвать».

«Человек не зверь и не ангел; он должен любить не животно и не платонически, а человечески».

«Истинно человеческая любовь может быть основана только на взаимном уважении друг в друге человеческого достоинства, а не на одном капризе чувства и не на одной прихоти сердца».

«Для любви нужно разумное содержание, как масло для поддержки огня».

Наверное, вам тоже бросилась в глаза различная оценка роли разума в сердечном влечении. От полного отрицания через предположение о необходимости — к утверждению. Если применить временну́ю градацию самого Белинского к этой смене отношений, то легко можно распознать, какое суждение было высказано в пору «роскошной весны», какое — летом, а какое — зрелой осенью. При этом совсем не обязательно, чтобы определенное мнение точно соответствовало паспортному возрасту самого человека или возрасту его брака.

Как и в природе, в чувствах наших смена «времен года» случается даже на протяжении сравнительно короткого времени и ритмично (о биоритмах любви мы поговорим особо). И тогда можно заметить, что любящее сердце сегодня испытывает весеннюю тревогу и истому, а через месяц — глядь — похолодание успокоительное нашло, а там — светлая грусть и почтительное удивление сменяется нетерпеливым раздражением, которое, в свою очередь, уступает место чувству вины и сострадания. И человек, не подготовленный к таким «температурным» и временным колебаниям, вполне может разувериться в подлинности своей любви. Она ведь, по романтическим представлениям, должна гореть ровным и высоким пламенем, без спадов и колебаний, при любой погоде.

А в жизни так бывает чрезвычайно редко, если вообще случается. Разве что это огонь, который зажжен в наглухо отгороженном от живой жизни укрытии.

Итак, от общего определения любви человеческой вернемся к чувству, которое мы называем Первой Любовью.

Мы уже знаем, что Герцен характеризовал это чувство как неосознанное и не отягощенное плотским желанием томление сердца.

Из стремлений у влюбленного самое сильное — смотреть и видеть и не отводить глаза от нестерпимо светоносного лика, слушать и не слышать, различать только музыку любимого голоса и его тональность: ласковую, строгую, сердитую. Осязать, прикасаться и бояться прикосновений, как удара шаровой молнии. Как головка подсолнуха направлена к солнцу, так все чувства влюбленного обращены к одному источнику жизненной энергии.

Первая любовь отличается от всех последующих тем, что подобные ощущения, состояния юному человеку прежде были неведомы, и он не только открывает для себя другого человека в его красоте и притягательности, но — и прежде всего — открывает себя самого. «Что со мной творится?» — вот недоумение, радость и страх, которые больше всего волнуют юношу и девушку.

Первая любовь лишена бытовизма. Она, если вдуматься, не бывает неразделенной, поскольку она — самодостаточна. Главная потребность: видеть, слышать, дышать одним воздухом с любимым существом — легко удовлетворяется и без согласия самого объекта влечения.

Пожалуй, полное и прекрасное воплощение это чувство нашло в известном стихотворении Пушкина:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил, безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим

Хотя стихи и написаны не юношей — зрелым человеком, испившим чашу страстей, но так устроено сердце великого поэта: оно может много раз пережить свет и высоту, на которую не всякий смертный поднимется однажды. Здесь все: и зыбкость чувства (была ли любовь — нет ли, ушла — нет ли, не ясно), и нежная, без досады и обиды грусть о неразделенном влечении, и немота от того, что слова не могут выразить полноты чувства, от того, что они еще непривычны для языка, чужеродны, как иностранные. И робость от того же неведения: что делать с собой, как обойтись с предметом влечения? И самоотверженность, для которой самое большое благо — это покой и счастье любимого существа.

А когда уходит это чувство, то и тот, кто его испытал, и тот, кто его внушил, навсегда сохранят в сердцах искреннюю благодарность за счастье пережить самые блаженные мгновения, при любых поворотах судьбы, падениях и разочарованиях помнить и знать: была высота!

И как же важно для нашего мироощущения, чтобы мы побывали на этой высоте загодя, прежде чем вкусим иные, плотские удовольствия.

В одной из повестей о юности, застигнутой войной, рассказывается о молодом лейтенанте, который встретил свою нежную романтическую любовь [illegible], как познал физическую близость с женщиной.

— У меня не было первой любви, я начал со второй, — с тоскливым сожалением размышляет он.

На самом деле он, конечно же, испытывает именно первое в своей жизни чувство. То, что он называл «второй любовью», как мы знаем, никакая не любовь, а всего лишь телесное желание. Но вот что можно с уверенностью предсказать: острота, чистота и высота его первой любви при подобном слиянии будут уже совсем не те!

Как возмездие за нетерпеливость, за неразборчивость, за легкомыслие — стыд и отвращение к предмету «второй любви» обрушиваются на юношей сплошь и рядом, вместо восторга, которым дарит «первая». «Чем ниже возраст молодых людей при вступлении в первую половую связь, тем менее мотивирована эта связь в моральном отношении, тем меньше в ней любви», — утверждает И. С. Кон. При этой связи отсутствует слияние духовное, сердечное.

Мы с вами уже знаем, что самые глубокие следы в нашей памяти, сердце оставляют первые впечатления, ощущения, переживания. Первая близость, происшедшая с нелюбимым человеком, создает определенный и, как правило, негативный стереотип отношения к существу иного пола. И в последующих встречах, увлечениях будут предполагаться разочарование, горечь, которые обычно возникают от «безлюбой любви». «Все они такие» — вот что будет таиться в подсознании, будет отравлять непосредственность и открытость чувства. Поэтому ошибаются те юноши и мужчины, которые утверждают, будто донжуанский опыт помогает распознавать скрытые от неискушенного взгляда свойства женской души. Скорее, напротив: человек находит то, что ищет, и не замечает того, чего не хочет знать. Испорченному же воображению всюду видятся уродства и изъяны: так легче самоутверждаться в своем легкомыслии и легкочувствии.

Если для юноши очень важно сперва пройти через испытание романтической любовью, для того чтобы понять, *какие они,* т. е. женщины, то для девушки вдвойне необходима такая последовательность. Кроме представления о способности мужчины быть в любви бескорыстным, самоотверженным,

3*

трепетным и почтительным, ей еще важно осознать: *какая она!* Ведь это совершенно разная стать: быть человеком, которым кто-то восторгался бескорыстно, кого отличили, избирали сердцем, и быть человеком, которого кто-то возжелал для удовлетворения чувственного голода. Такой душевный опыт, конечно, не гарантирует от срывов, заблуждений, даже падения, но образ-стиль отношения к ней первого влюбленного будет мерилом, которым она станет сверять поведение всех, претендующих на ее внимание.

Первая любовь — прививка от возрастного цинизма. Некоторые переносят эту прививку крайне болезненно, с осложнениями. Особенно тяжел этот процесс, когда юноша одновременно испытывает чистое влечение и эротические желания, направленные на разные объекты. Причем совсем не испорченный юноша. Какими муками оборачивается это испытание для совестливой и чувствительной души, трудно даже представить. Почитайте признания глубокого знатока юношеской и мужской психологии В. В. Вересаева, его «Воспоминания», потрясающие своей исповедальной откровенностью и даже беспощадностью к «грехам молодости». Он, например, считал себя в отрочестве человеком глубоко развращенным: так он оценил свои тайные помыслы — не поступки — адресованные незнакомым женщинам. При этом он испытывал нежную привязанность к трем сестрам Конопацким. И «весь этот мутный душевный поток несся мимо образов трех любимых девушек, и ни одна брызга не попадала на них из этого потока. И чем грязнее я себя чувствовал в душе, тем чище и возвышеннее было мое чувство к ним».

Значит, можно любить сразу двоих и даже троих? Сколько раз читались лекции о любви, столько раз возникал этот вопрос. Обычно отвечаю:

— Можно, если это не то чувство, что захватывает все «этажи» человеческого существа, если это телесное влечение к одному, дружеское расположение к другому, уважение к третьему, которые вы принимаете за любовь.

— Можно. Если увлечение столь же эфемерно, неизбирательно, как и то чувство, которое испытывал лирический герой В. В. Вересаева к трем сестрам. Однако и этого неопределенного чувства, прелюдии первой любви, оказалось достаточно, чтобы уберечь юную душу от разъедающего цинизма.

Из своего и своих сверстников опыта вы знаете, как настороженно относятся взрослые к частым встречам девочки-девушки и мальчика-юноши. Родителей иной раз в панику вгоняют разговоры подростков про любовь. По всей вероятности, эти страхи порождены опасением не того, что подлинная, настоящая любовь осенит их ребенка, а того, что эротическое беспокойство он примет за высокое чувство. Боятся они и опережающего любовь сексуального опыта, что этим их дочь или сын обеднит свою судьбу. А поскольку и старшие, и младшие пользуются одним словом — «лю-

бовь», и когда прославляют ее, и когда пугают ею себя и других, то и получается, будто взрослые — вечные враги любви последующего поколения, хотя сами считают ее самым большим счастьем в жизни.

К сожалению, опасения взрослых отнюдь не беспочвенны. Но порой случается так, что самые разумные предостережения оборачиваются злом. Наслушавшись советов об осторожности в отношениях со сверстниками, дотоле чистые в помыслах девушка и юноша начинают искать и, естественно, находят в своих чувствах тот тайный зов крови, который только и ждет, чтобы его обнаружили. Тут он и вырвется на волю, и пойдет полыхать в сердце, сжигая на своем костре благоразумие и выдержку.

Подогревают чувственно-эротическое любопытство неверно понятые, некритически воспринятые поступки и приключения героев множества любовных историй, романов. В эту пору редко кто может отличить низкопробные, безответственные произведения художников, писателей, кинематографистов от подлинных художественных ценностей. Слова-то и ситуации вроде бы сходные: люди встречаются, влюбляются, целуются, наслаждаются друг другом, ссорятся, страдают, умирают... И поди угадай: где истинно золотые россыпи чувств, а где ловкая подделка? И кому подражать, а кого оделить презрительной усмешкой?

Хочу рассказать о том, как неожиданно повернулся разговор о первой любви, когда встала одна студентка педучилища и спросила:

— В разговорах о первой, да и о «второй» любви взрослые прежде всего анализируют состояние и поведение мальчиков. Словно бы девочки не переживают ничего подобного, а сразу выходят замуж?

Надо признать: это один из трудных вопросов не только для автора этих строк, но и для художников, для психологов.

Художественная литература дает нам очень мало пищи для обсуждения особенностей психологического состояния девочек в пору раннего пробуждения любовных влечений. Перечитайте страницы толстовской трилогии «Детство. Отрочество. Юность». Как там подробно и тонко описаны этапы развития и становления чувств к противоположному полу у главного героя Николиньки Иртеньева и у его друзей. И как скупо дает великий художник изображение влюбленности Наташи Ростовой и Сони, хотя именно в эту пору — увлеченности Борисом Друбецким — появляется любимая героиня на страницах «Войны и мира», хотя для Сони ее любовь будет первой и единственной.

Сколько ни обсуждался этот вопрос и со старшеклассниками, и со взрослыми людьми, к единому мнению прийти не удалось. Один писатель отнес этот пробел в художественной литературе на счет мужского засилья в искусстве: патриархат, мол, виноват, что женские натуры остались нераскрытыми до конца. Мужчине не дано изобразить в полной мере томление девичьего сердца.

Но это утверждение опровергается примером Льва Николаевича Толстого, который так глубоко и тонко смог изобразить душевное состояние беременных женщин: маленькой княгини Болконской, Кити Левиной, а потом почти ирреальную связь матери с новорожденным младенцем (у Кити, у Наташи). Исследователь творчества Л. Н. Толстого В. В. Вересаев считал, что эти страницы полезно читать юным девицам для проникновения в область высоких страстей и благородных страданий.

Значит, не в патриархате дело. Тогда в чем же?

Надо, наконец, признать, что все достижения в описании женской психологии с великими писателями должны разделить их подруги, жены, возлюбленные, которые искренно и подробно объясняли все, что с ними происходило в тот или иной период их чувственной и душевной жизни. (Такое суждение я извлекла из очерка М. Горького о С. А. Толстой.) Но они не хотели или не умели рассказать столь же впечатляюще о своем самом первом любовном влечении. Не потому ли, что чувство это возникало так рано, что ни самой понять, ни другим рассказать пока что никому толком не удалось.

На эту мысль наводят выводы современных исследователей половой психологии. Физиологически девочка начинает пробуждаться намного раньше мальчика: в 9—10 лет (мальчики запаздывают на 3 и больше года). А это значит: она не успевает созреть для анализа чувства, которое испытывает. Словарный запас, понятийный аппарат ее еще совсем детский. Что могла сказать и сделать Наташа, будучи тринадцатилетним подростком, когда она зажглась от увлеченности более старших по возрасту Сони и Николая? Она предлагает Борису поцеловать свою куклу. Когда же он отказывается, сама целует его, точно копируя поведение влюбленных всерьез Сони и Николая. А что сделает десятилетняя девочка, испытавшая первые уколы своего слабого сердечка? Смутится, убежит, станет беспричинно смеяться или, напротив, напыжится, будет глядеть букой и дерзить — все то же, что делает и трехлетний ребенок, когда к нему приходят заинтересовавшие его гости. Девочки быстрее мальчиков взрослеют. Но в отличие от мальчиков стремятся скрыть это взросление, хотя в тайниках души и торжествуют, переживая свое превращение из девочки в девушку. Скрытность — вот еще одна причина того, что нам так мало известно о чувственных переживаниях юных представительниц прекрасного пола. Откуда она, чем вызвана?

— Я в десять лет уже все знала про отношения мужчин и женщин,— признавалась однажды пациентка у специалиста-психолога.— Но притворялась и перед родителями, и перед подругами, и даже перед старшей сестрой, которая была мне ближе всех. Притворялась полным несмышленышем. И всячески пресекала их попытки «просветить» меня. Что-то внутри меня яростно сопротивлялось обнажению этих сторон человеческих отношений. Книжки про любовь я читала запоем, но на фильмах прятала глаза, ког-

[illegible] целующихся киногероев, а сердце при этом сладостно замирало и падало.

Опрос, который мне удалось провести среди женщин разного возраста, воспитания и темперамента, убедил: такое поведение — не аномалия, не случайность. Напротив, довольно частое явление, если только в семье были нормальные условия, если легкомыслие взрослых не выставляло на всеобщее обозрение и обсуждение интимные стороны бытия. Более того, именно среди морально устойчивых женщин чаще всего можно встретить сопротивление половому просвещению. Им труднее всего даются беседы на темы соблюдения чистоты тела и чистоты нрава даже с собственной дочерью.

— Ханжество,— высокомерно бросают одни.

— Бескультурье,— вторят им другие.

— Естественная женская стыдливость,— возразят им третьи.

Но вот пример. Человек высокой культуры и смелости, замечательная русская поэтесса Марина Цветаева в подростковом возрасте так боялась грядущего полового общения, что чуть не покончила жизнь самоубийством, чтобы никогда не сближаться с мужчиной.

Если вдуматься, различное отношение к первой любви у юноши и девушки имеет под собой очень серьезные основания. Для юноши первое чувство, разделенное и получившее завершение, воспринимается как чудное мгновенье. А для девушки всегда сопряжено со страхом и сомнениями.

Для юноши самое тяжкое огорчение — *отказ* подруги разделить и «доказать» чувство.

Для девушки, как правило, наоборот — *согласие* чревато страданиями, нередко всей искалеченной жизнью.

Отсюда, наверное, и сдержанность, скрытность в проявлении эмоций. И еще, конечно, большое значение имеет общественное мнение! Многие века скромное поведение женщин считалось высоким достоинством, свидетельством их нравственного и душевного здоровья. И такое представление закреплялось в сознании, даже в подсознании. Девочкам-девушкам предписывалось святое неведение. Нескромность их взглядов и слов в народе почиталась нескромностью чувств, распущенностью нрава.

Подобные запреты, как правило, не касались мужской половины. Напротив, в числе «доблестей» мужских была именно осведомленность о всех тайнах пола, ею похвалялись даже те, кто был от природы скромен.

Теперь же следует остановиться, осмыслить сказанное.

Вспомните все встречи, длительные или мимолетные отношения, осветившие вас самих и все вокруг чистым, ясным светом поэтического увлечения. И попробуйте определить, что это было: прелюдия любви или она сама — ваша Первая, прекрасная, незабываемая? И не важно, было ли это увлечение реальным человеком или героем произведения искусства, было ли оно замечено, разделено или нет. Что оно изменило в вашем характере, взгляде на окружающий мир, на людей,

сверстников? Какие обстоятельства остудили пыл сердца? Что вы сами сделали, чтобы подольше сохранить ее след, ее тепло в душе?

А еще — оглянитесь вокруг себя: может, именно сейчас, сами переживая душевный голод, вы отталкиваете чье-то доброе, верное сердце, готовое вам служить бескорыстно. И не замечаете родственную душу только потому, что облик ее не из самых эффектных, потому что это — Золушка, а не гордая принцесса, Иванушка, а не королевский сын. И снова предлагается проводить исследование собственной души без огласки. Разве что маме довериться, если с ней сложилась дружеская доверительность. На занятиях же лучше обсуждать примеры из газет, фильмов, из литературы, благо в последние годы эта тема — первой отроческой любви — стала весьма популярной.

Совершенно справедливо предостерегал нас от готовности распахнуть сердце для всеобщего обозрения выдающийся знаток человеческого и особенно юношеского сердца В. А. Сухомлинский. «Тайна сия велика есть» — говорили древние о любви. И сколько бы мы исследований ни проводили, как бы ни типизировали ее проявления, все же у каждого чувство это будет существенно отличаться от всех известных случаев. В том сила, и величие, и притягательность любви — в ее неповторимости.

Без плаща, шпаги и реверансов!

На этот раз мы будем обсуждать проблему воспитания культуры чувств и межполовых отношений. Что это такое? Набор ли это стандартных приемов общения, регламентированные проявления симпатии, дружеского расположения, влюбленности? Или что-то более сложное?

Давайте задумаемся сначала над самим понятием: «культура» в совокупности со словами «чувства», «отношения». Что за странное словосочетание? Не правда ли? Может ли быть явление, более независимое от условностей, от регламента, от стандарта, нежели любовь?

Однако в рассуждениях о природе любви, способах ее проявления уже прежде мы были вынуждены признать, что при всей своей естественности, непринужденности она проявляется в форме, заранее уготованной для нее определенным укладом бытия, нормами и правилами, в которых растут и воспитываются влюбленные.

Все известные нам моральные категории — стыд, сдержанность, вежливость, сочувствие, вообще воспитанность — явления социальные. Девушки какого-нибудь африканского племени, не знающие одежды, стыдятся не наготы, а, напротив, закрытости определенных участков тела. Жители южных стран сочтут за невежество сдержанность в проявлениях радости и печали. По их представлениям, истинно горюет тот, кто рвет на себе волосы, посыпает их пеплом. И формы сочувствия должны быть сходными. А японцы считают верхом неприличия даже ближайшим родственникам оплакивать дорогого покойника. Все должны улыбаться, чтобы не огорчать своим горем других людей. То же самое в проявлении любовного влечения: у разных рас, народов, племен и даже классов, социальных групп свои обычаи, вкусы, привычки.

В одно и то же время, в одной стране, но в разных ее краях могут действовать разные законы, установки, обычаи, правила. К примеру, в РСФСР вступать в брак молодые люди могут с 18 лет, а на Украине и в Средней Азии — раньше.

В США долгое время в разных штатах были различные условия расторжения брака: в одних чрезвычайно строгие, в других — нет. И нередко граждане одного штата приезжали в другой, чтобы поскорее совершить эту процедуру.

Можно ли вообще выработать какие-то принципы, которые были бы одинаково положительно восприняты в разных обстоятельствах? К примеру, одно время жители наших крупных городов были шокированы новой модой, появившейся у юношей и девушек: ходить по улице в обнимку, демонстрировать свою влюбленность. «Тлетворное влияние Запада»,— негодовали одни. «Словно деревенские парни с девками за околицей гуляют»,— снисходительно усмехались другие. А третьи просто махали руками: «Не понимают: любовь — особого рода энергия. Недаром говорят: токи сердца, душевный жар и т. п. Чем больше людей соприкасаются с накаленными чувствами влюбленных, тем больше отнимают у них тепла».

Кто здесь прав: молодые люди или их судьи — решите сами. Или другой пример. Представьте себе положение юноши, который рос в семье, где было принято обращение довольно свободное, даже бесцеремонное, и вдруг он попадает в среду, где частое посещение дома уже расценивается как свидетельство серьезного предпочтения, оказываемого девушке, как некие обязательства, которые берет на себя молодой человек.

Или, напротив, юноша воспитан в правилах, предписывающих всячески скрывать естественное движение сердца. Он взглядами, частыми встречами дает понять девушке свое к ней расположение, а она не понимает языка взглядов, условных жестов. Вот вам и драма, вот и неразделенное чувство. А поскольку современный человек то и дело оказывается в непривычной среде, то подобные коллизии — не исключение.

Ожидание абсолютно одинаковой реакции на одно и то же действие даже у самых ближайших родичей — труд напрасный. Скажем, вы не любите, когда кто-то вмешивается в ваши дела и поэтому не спешите с вмешательством в дела своего друга (подруги, родственника). А тот (или те) без поддержки, сочувствия прожить не может (не могут). Ваше невмешательство, конечно же, будет расценено как равнодушие, гордыня, даже эгоизм.

Выходит, мы натолкнулись на явление противоречивое. И поскольку мы уже приобрели некоторый опыт в обращении с подобными сложностями, то не будем их пугаться и впредь. И обратимся к нашим надежным наставникам: к словарям и изречениям мудрых людей.

В «Словаре по этике» мы находим такое определение: «Культура чувств — степень общественной развитости, «очеловеченнос-

ти» чувств, эмоциональной одухотворенности человека»; а сами чувства — продукт жизненного общественного опыта личности, ее общения и воспитания. Человеческие чувства есть часть природы, но облагороженная культурой. По их проявлению можно судить о воспитанности человека. Именно поэтому в разряд невоспитанных может попасть человек образованный, ибо культура не исчерпывается просвещенностью, она охватывает весь целостный духовно-нравственный мир людей.

«Часть природы, облагороженная культурой»...

Что это значит? Люблю пылко, страстно, а умышленно притворяюсь равнодушно внимательным, чтобы не показаться дурно воспитанным, «некультурным»? Ненавижу всеми фибрами души, но любезно улыбаюсь и пожимаю руки? Веду себя так, чтобы никого не задеть за живое, чтобы ни жарко, ни холодно, ни кисло, ни сладко?

Но ведь так, чего доброго, «культура» может задушить в своих объятиях «природу»? Опасность эта ненадуманная. Самый изысканный стиль поведения в аристократическом обществе нередко превращался в покров, под которым искусно прятались аморальность, бессердечие, равнодушие и даже страх перед естественными чувствами.

В нашем понимании культура чувств — это ни в коем случае не подавление их и не очаровательное притворство. Напротив, осознанное стремление раскрыть, развить в себе все способности и возможности тонкого чувствования, чтобы обогатить свое бытие всеми красками, соцветиями и созвучиями земного мира, чтобы и мир было чем одарить, было чем поделиться с любимыми и близкими, со всеми, кто пожелает принять накопленные богатства души. Подлинная культура чувств — это душевная потребность сочувствовать, сострадать всему живому и сущему, умение постигать и

...неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Если нет такой внутренней потребности — никакие реверансы, плащи и шпаги не сделают из нас людей высокой культуры чувств. Мы будем выглядеть, как рыцари на час, принцессы на минуту, чьи «приличия», как чужие наряды, обычно спадают при первом серьезном столкновении с жизнью.

Возникает вопрос: как практически в ежедневном, ежечасном общении проявляется культура чувств?

Скажите, нужно ли объяснять, что интонации, взгляды, жесты, улыбки, позы могут быть приятными и раздражающими, независимо от того, кто, где и когда их производит, произносит, демонстрирует. Грубый рык, нудное ворчание, угловатые, беспорядочные движения, злой, хмурый взгляд, ироничные ухмылки — все эти внешние проявления сиюминутного душевного дискомфорта или

определенного свойства характера не только не способствуют взаимопониманию, сочувствию, но, напротив, отталкивают одного человека от другого. А самое главное — мешают этому хмурому, грубому, неуклюжему человеку увидеть людей без угнетающих шор, без искажения. Есть ведь закон обратной связи. Мы сами невольно становимся раздражительными, когда с нами заговаривают взвинченным тоном. Ехидный прищур вызывает беспричинное беспокойство, желание что-то опровергнуть, неизвестно что и кому доказать, а то и отмахнуться: «от такого слышу!» И напротив, доброжелательность, открытость заставляют даже вечно пасмурную личность немного оттаять, просветлеть душой.

Так вот, можно с полной основательностью говорить, что мы в значительной мере имеем такое обращение и такое отношение, которое сами же провоцируем или заслуживаем. (У великого русского физиолога А. А. Ухтомского есть даже специальное определение такого явления: «заслуженный собеседник».) К замкнутому, подозрительному сухарю все вокруг оборачиваются своей зарешеченной стороной натуры. С легкомысленным весельчаком все становятся немножко ветрогонами. Естественно, настолько, насколько позволяют нам эти превращения темперамент, тип реакций и степень воспитанности.

Может быть, практическими правилами «окультуривания» природных чувств мы и положим:

первое: встречать каждого человека, как обещание чуда, как таинственного и прекрасного незнакомца, искать и раскапывать эту тайну и чудо с упорством старателя, не опускать рук даже тогда, когда попадается сплошь одна пустая порода, и при этом самому поворачиваться к нему самыми лучшими своими сторонами;

второе: отбирать и запоминать все, что когда-то и где-то показалось красивым, достойным подражания;

третье: учитывать место и время для проявления тех или иных чувств. Несвоевременность и неуместность даже самых благородных чувств — один из признаков бескультурья;

четвертое: учитывать и ценить не только сходные с нашими реакции и поведение, но и отличающиеся от них. Прежде всего, предусматривать различие по половому и возрастному признаку;

пятое: знать, что культура чувств утончает восприятие мира, а значит, делает нас более ранимыми. Но одновременно и более стойкими перед испытаниями, потому что помогает регулировать свои эмоции, находить способы залечивать раны, выходить из штопора с помощью самосознания, самовоспитания, воли.

Иначе говоря, культура чувств помогает нам не только любить истинно по-человечески, но и страдать по-человечески. А это наиполезнейшая наука. Ведь кто не умеет падать, не научится взлетать.

Умение страдать мужественно, гордо, стойко и даже кра-

сиво — один из признаков нравственно и эстетически воспитанной личности.

Если мысленно воспроизвести все здесь названные правила воспитания культуры чувств, не обнаружим ли мы их сходство с требованиями юношеской дружбы или даже первой любви. Может, эти чувства и есть воплощенный идеал человеческих отношений. Не случайно в Моральном кодексе строителей коммунизма как заповедь всех лучших людей человечества записаны слова о том, что все мы должны стать друг для друга товарищами, братьями, друзьями.

С чего начать движение к этому идеалу? С чего начинается любое дело: с изучения «предмета». А предмет этот — наш организм, его чувства, свойства, эмоции. Хотим ли мы достичь делового благополучия, хотим ли стать личностями, хотим ли постичь культуру поведения — начинать нужно от знания нашей натуры. Хотя бы в общих и основных чертах: что такое темперамент, характер, как они проявляются.

Наш организм — сложный инструмент с особым настроем и ладом. Он как скрипка, из которой искусная рука может извлечь нежнейшие и глубокие звуки, а неумелая — только струны истерзает, расстроит инструмент, но ничего, кроме древесного скрипа, не исторгнет. Самые элементарные знания его настроя — знания о темпераментах: холерическом, сангвиническом, флегматическом и меланхолическом. Дальше — более сложная градация по типам высшей нервной деятельности.

Когда однажды я заговорила об этом в аудитории старшеклассников, оказалось, что очень многие имеют весьма смутное представление о самых важных качествах человеческой натуры. Но незнание — полбеды, нежелание знать — вот истинное несчастье.

— А где взять время, когда учебная программа перегружена? Воздуха свежего не видим, в лесу не бываем.

Это сетование было бы вполне справедливым, если бы не тратилось драгоценное время на пустопорожние занятия, долгие сидения перед телевизором. И это достоверный факт: школьники — самые активные посетители детективных фильмов, самые заядлые читатели приключенческой и фантастической литературы. И одновременно пылятся в библиотеках невостребованные книги, важные для жизни, ее разумного устройства, без которых ни о какой культуре говорить не приходится. К примеру, труды великого физиолога И. П. Павлова, посвященные изучению типов высшей нервной деятельности.

— Следовательно, нам нужно изучать слюнотечение и сковыделение по сигналу, для того чтобы знать, как строить отношения между собой? — насмешливый вопрос обнаружил вовсе не веселую и — увы! — нередкую неосведомленность о великих открытиях, сделанных нашим соотечественником в более сложной сфере, чем условные и безусловные рефлексы.

— А может холерик влюбиться в флегматика? И что выйдет, если вдруг они задумают пожениться?

Вполне могут влюбиться и семью завести. Но именно для них первым условием благополучия должна стать культура чувств и отношений, которая выражается прежде всего в том, что оба понимают и уважают свою непохожесть, знают природные особенности характеров. Иначе — катастрофа.

Вспомнилась мне история одной семьи, чуть не развалившейся из-за такого вот типологического несоответствия и невежества.

Пришла как-то ко мне молодая женщина и рассказала, что вышла она замуж по страстной любви с полной взаимностью. И образование у нее с мужем одинаковое, и нравственные представления ничем не отличаются. Но вот убеждается она с каждым днем все больше, что брак их — ошибка. Нужно расходиться, а расстаться нет сил, потому что сильно привязаны друг к другу. Не в главных, но в повседневных делах нет у них согласия. Постоянное противостояние, царапанье души и нервов. Зачем? Отчего? И преодолимо ли оно? Она сама уже ничего придумать не может, кроме... развода.

Предложила я ей почитать популярную психологическую литературу. Прочла она несколько книжек, пришла за другой порцией. Я уже более основательные труды ей посоветовала изучить: «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма» И. И. Мечникова, еще наших современников: А. Е. Леонтьева, И. С. Кона, В. Л. Леви. Смотрю, увлеклась моя приятельница, стала приходить уже с расспросами более вдумчивыми. И сама-то она изменилась: стала менее раздражительной, менее легкой на ссору.

Как она призналась потом, открылось ей, что не по глупому и злому упрямству сопротивлялся муж многим домашним нововведениям и переменам, не любил, когда она принималась двигать вещи с места на место, искала новые знакомства и новые способы развлечений, отдыха. Противился он этому в силу природной особенности своей натуры. У него, оказывается, основные нервные процессы протекают замедленно, с большой инерцией. Качество это, как убеждает наука, не недостаток и не достоинство, как и любые другие человеческие свойства.

В собственном муже эта женщина больше всего ценила последовательность, устойчивость взглядов, привязанностей, верность (друзьям, жене и принятым решениям), способность отдаваться начатому делу. И массу других важных и приятных свойств она всегда находила у него. Теперь же выяснила, что все они, как и раздражающая ее «негибкость, домашний консерватизм», имеют один и тот же корень — эту самую устойчивость, инерцию нервных процессов. Значит, и впрямь, наши достоинства не что иное, как продолжение наших недостатков, и наоборот.

Стала она таким же способом анализировать другие качества характера мужа и увидела, что многие ее претензии, если бы были исполнены, могли нанести непоправимый вред физическому и духовному здоровью любимого человека. Например, она прочла, что для одного мужчины причиной болезни (язва желудка), а потом и гибели оказалась страсть жены к частым переездам с места на место без особой нужды. Когда жена обменялась квартирами в третий раз, муж слег окончательно и уже не поднялся. И моя знакомая с испугом призналась, что затевала сложный междугородный обмен, против которого муж «почему-то» решительно восстал. А она тогда и собралась с ним разводиться.

Следующим этапом такого психологического ликбеза было приобщение уже супруга к открытиям, сделанным женой. Все внимание этой пары сосредоточилось не на выяснении взаимных ошибок и дефектов в поведении, а на том, чтобы нейтрализовать противоречия, культивировать достоинства. Потому что выучитали они и такое непременное условие успеха в деле сохранения добрых чувств и отношений: легче, проще, безболезненней достигается желаемый результат, если супруги опираются в своих воспитательных действиях на положительные, сильные стороны своей «половины», а не тычут пальцами в недостатки.

А еще они взяли себе за правило: смягчать улыбкой, шуткой любые свои замечания, предложения, пожелания. Дела семейные и сами-то по себе не простые, а то и тягостные. Если же еще и вершить их с хмуро-неприязненным видом, то и вовсе жизнь покажется безрадостной, унылой. Умение снять напряженность уместной шуткой, «обыграть» какой-то грозящий ссорой эпизод — это тоже элемент культуры личных отношений.

На мой вопрос: не было ли такое постоянное само- и взаимонаблюдение и регулирование поведения, своих эмоций, реакций мучительным насилием над собственной природой, тем более ради сохранения в здравии чужой натуры, она ответила решительным протестом. Муж-то действовал точно так же. И вообще, все эти приемы только на первых порах требовали самоконтроля. Потом они превратились в условные рефлексы, стали привычкой, второй натурой и перестали замечаться вовсе. Создался совершенно новый стиль поведения, естественный и непринужденный, даже веселый.

Приобретенные знания помогли этой семье сохранить любовь. Тем более эти знания необходимы до создания семьи тем, кто видит и чувствует, что друг (подруга) отличается от него.

При желании можно научиться извлекать огромную информацию о другом человеке, а потом предугадывать его реакции и поведение задолго до того, как сойдешься с ним в общем деле, не говоря уж о физической близости. Любому тесному сотрудничеству, контакту, как известно, предшествует время знакомства, присматривания, примерки (у влюбленных — время ухажива-

ныя). Разговоры, встречи, игры, занятия — невольные «тесты», испытания, ценная пища для наблюдений и оценки характеров.

Правда, при первых встречах и в пору ухаживаний люди оборачиваются друг к другу лучшей своей стороной. Более того, стараются угодить тому, в ком заинтересованы. Поэтому немало разочарований наступает потом, когда общение становится привычным и друг или подруга предстают в полном освещении. Так, к примеру, случилось с одним влюбленным юношей, когда он обнаружил, что увлеченность его новой знакомой классической музыкой была лишь маской, надетой ради того, чтобы понравиться ему

— Лицемерка! — негодовал он.— Она, видимо, во всем такая же неискренняя.

И рассорился, расстался с ней. И был скорее несправедлив А мог бы проверить ее искренность на других поступках и пристрастиях. Притворство такого рода очень редко злоумышление. Чаще всего — бессознательное уподобление желаемому образцу, в данном случае тому, кто очень нравится. Девушка, видимо, любила юношу и готова была признать прекрасным все, чем тот восхищался.

Однако есть привычки, склонности, реакции, которые изменить никакой лукавый искусник, притворщик не в состоянии. Как человек двигается, разговаривает с посторонними, как ест, смеется, как одевается — по этим проявлениям знающему многое откроется, и он поймет: стоит ли сближаться дальше, если явно ничего доброго от этого не получится.

Так, в старину характер девушки определяли по тому, как она ведра с водой носит. Энергичная, порывистая в движениях, а значит, переменчивая в настроении, в привычках, ни за что не пронесет ведра полными, не расплескав едва не половину по дороге. Медлительная донесет полные ведра, зато проходит долго. Ловкая, ухватистая и к сроку поспеет и воды не расплещет.

Пестрая, экзотически-крикливая одежда обнаруживает стремление во что бы то ни стало привлечь к себе внимание точно так же, как демонстративно развязные движения. А что за сим скрывается: то ли невоспитанность вкуса, то ли более глубокие явления — вроде неуверенности в своей привлекательности или, напротив, убежденность: мне все дозволено и так сойдет — это тоже можно выяснить по некоторым физиологическим признакам, как, например, втянута голова в плечи или гордо поднята, сдавлена грудь сведенными впереди руками или плечи раздвинуты до упора. Даже по рукопожатию, вялому или энергичному, можно догадаться о характере личности, с коей вы общаетесь.

Современные ученые-психологи убеждены: все психические явления тесно связаны с физиологией, и наоборот.

Теперь нам предстоит рассмотреть те особенности культуры чувств и отношений, которые связаны с возрастом и полом.

Чем отличается взрослый человек от подростка или юноши?

особыми правами: командовать, требовать, указывать младшим членам семьи. Правом делать что вздумается: себе взрослые прощают все слабости, даже пороки, а от детей ждут идеального поведения. Старшие могут и обманывать, и лениться, и ругаться, и курить, и выпивать, и всему находить оправдание. Только младшим все это строго запрещается. Так рассуждают некоторые ваши сверстники.

Взрослые прежде всего имеют обязанности: отвечать за все, творящееся ими, с ними, вокруг них. Быть честными работниками, кормильцами малых и старых, опорой и защитой отечества, семьи, быть добрым примером потомству. Так думают другие.

Замечено тоже не сегодня: каждый избирает себе эталон по собственному представлению о хорошем и плохом. Вот и ваши сверстники по-разному трактуют понятие взрослости и следуют избранному образцу. Одни культивируют в себе силу и достоинства взрослых, с малых лет принимают на себя серьезные тревоги и заботы близких людей, иной раз и на чужие бéды силы хватает. Другие с удовольствием передают обязанности старшим, себе присваивая право на недостатки и слабости, не сознавая, что у совестливых старших нет и не было этого мнимого права на пороки. Духовно зрелый борется с собственными слабостями и недостатками, преодолевает их. Незрелый оправдывается и даже похваляется пороками. Поэтому, копируя незрелых, подростки никогда сами не поднимутся до подлинной взрослости, останутся до старости недорослями.

В последнее время существенной проблемой для родителей и учителей стало увлечение некоторых подростков куревом и спиртными напитками. Ни для кого из вас не секрет, что приобщение к этим дурным наклонностям протекает обычно весьма мучительно. Одни стойко и мужественно, если здесь употребимы эти слова, борются со своей природой, с головными болями, рвотой, отвращением, чтобы только научиться лихо дымить сигаретой и ловко «опрокидывать» рюмку. Старшее поколение действительно не избежало этих соблазнов, но оно еще пребывало в заблуждении относительно тяжких последствий и того и другого увлечения. Ваше поколение уже наслышано об этих тихих убийцах человеческих, которые поражают не только самих курильщиков и алкоголиков, но и отражаются на физическом и моральном здоровье потомства.

Для чего же современный грамотный подросток берет в зубы сигарету, не испытывая никакой природной потребности в глотании дыма и яда, зная о его тяжких последствиях?

— Из любопытства.

— Из желания скорее стать взрослым.

— Из страха прослыть «маменькиным сынком» или «дочкой».

— Из подражания популярным кино- и литературным героям.

— Это — признак современности, как и небрежность, фамильярность в общении юношей и девушек.

Как много может рассказать о характере молодого человека степень сопротивляемости этим и подобным порокам!

Мы уже говорили, насколько сильно воздействуют на взгляды, вкусы, пристрастия подростков их окружение, компания сверстников. И степень этого воздействия в первую очередь выдает наблюдательному глазу степень взрослости того или иного субъекта: сильно действует — мальчишка и девчонка, даже если у него борода и усы выросли, а у нее — все внешние признаки взрослой девушки. Влияние поослабло — значит, мужает человек. Проявляет собственную позицию — прорезывается личность.

Та же история в отношениях межполовых. Легкость, беспечность в любовных отношениях девушек и юношей основывается на тех же заблуждениях, на которых держится стремление преодолеть черту запретов на курево и выпивку. Известно, что даже у животных присутствует избирательность, а не всеядность в половом общении. Есть у них и время «ухаживания», и определенные ритуалы, которые украшают акт, предшествующий появлению потомства. Почитайте, что пишут натуралисты-исследователи: оказывается, и рыбки в аквариуме не соединяются без интереса и разбора. Их этому научила мудрая мать-природа. А человека необходимо специально учить и этому: избирательности, красоте, разумности, своевременности и уместности физического сближения.

Время и место...

Вспомним историю отношений двух ваших сверстников-школьников, героев югославского фильма, так и названного: «Пришло время любить». Фильм этот в свое время пользовался большой популярностью, оттого есть уверенность, что большинству из вас известна его коллизия. В двух словах напомню содержание картины: девочка и мальчик, старшеклассники, встретились на танцах, влюбились, что называется, с первого взгляда. Отношения развивались в ритме современного танца: бурно, безудержно и безоглядно. И вот уже расплата: беременность, аборт, отчаяние родителей, осуждение учителей, попытки разлучить влюбленных. И — счастливый конец: свадьба, окончание школы, отъезд со стройотрядом.

Как вы думаете, могли ли подобные отношения подростков обойтись без драмы, без страданий?! И непременно ли история должна была кончиться столь благополучно? Убеждена: страдания были запрограммированы изначально. Неуместны и несвоевременны *взрослые* отношения среди тех, кто посещает *детское* учреждение, каким является средняя школа, у тех, кто не имеет общественного статуса самостоятельных, взрослых людей.

И еще: они не дали времени своему чувству дозреть, вырасти из бессознательного влечения в подлинную любовь, которая, как вы помните, базируется на дружеском расположении и уважении — чувствах, не возникающих вдруг, с первого взгляда.

Обычно в таких случаях мои оппоненты энергично ссылаются на пример Ромео и Джульетты и другие примеры великой и вечной, возникшей мгновенно любви почти подростков. Возражение подсказывает статистика: среди тех, кто знаком был до свадьбы меньше месяца, самый высокий процент разводов. Долговечная любовь с первого взгляда — счастливый случай, редкое везение. В моем присутствии работники загса отговаривали молодую пару заключать брак: нагляделись они на то, как разбегаются увлеченные первым порывом от первых же трудностей совместной жизни.

И наконец, пора бы перестать оперировать примером Ромео и Джульетты хотя бы потому, что «нет повести печальнее на свете», чем повесть об их любви. Длилась она — тоже мгновение, и неизвестно, как сложились бы семейные отношения у этой пары, разрешись конфликт между родителями так же благополучно, как закончился он в югославском фильме.

Наши юные современники, герои этого фильма, прошли тяжкие круги испытаний, которых истинно любящие и обладающие определенной культурой чувств молодые люди непременно избежали бы. У школьницы должен был родиться ребенок. А ее возлюбленный, перетрусив, бросает ей слова — увы! — столь привычные в своей жестокости: твоя, мол, это забота. И пусть он потом мечется, ищет способы достать деньги на аборт, отчаивается, когда узнает о трагических последствиях операции (у его подруги не будет детей!),— все это, если говорить правду, ничего всерьез не поправит. Они уже положили первый камень на могилу своей любви.

Ну, поженились они в конце концов, ну, уехали от своих родителей в далекие края. И что из того? Куда они уедут от собственной памяти? А она им все воскресит: его нетерпение, ее быстрое согласие (вот и основание для внешне беспричинной ревности), его трусость и предательство, ее, хоть и временное, отвращение (вот и причина для неуважительной подозрительности). Дальше — больше — встанет проблема детей. Она будет жаждать их и винить в том, что их нет, мужа. Он может из-за отсутствия детей решиться на брак с другой женщиной. Или, коли и не отважится на подобный шаг, будет скрытно и вечно страдать, тоже обвиняя свою жену: не могла сдержать его порыва!

Надо прямо признать, что в этом фильме взрослые, родители и учителя оказались не более подготовленными к такого рода ситуации, чем подростки. Словно бы мы, взрослея, и впрямь забываем свои переживания этого сложного возраста.

Великий русский физиолог И. И. Мечников в прошлом веке обратил внимание на дисгармонию человеческого организма и полового чувства. Он писал, что ребенок еще совершенно не приспособлен для размножения, а между тем половое чувство у него настолько обособлено, что он получает возможность злоупотреблять им. Что получается? Три момента, которые по самой сути

своей необходимо должны совпадать — половое стремление, половое удовлетворение и размножение, отдаляются друг от друга промежутками в несколько лет. Девочка десяти лет способна стремиться стать женой, стать женою она способна только в шестнадцать лет, а стать матерью — не раньше двадцати!

Вот и еще одно объяснение, почему чувства и отношения человека непременно должны быть регулируемы сознанием и нравственными правилами и соотнесены с определенным возрастом и полом. А то ведь пришлось бы за десятилетними девочками признать право на взрослые отношения, поскольку чувства-то у них могут быть очень сильными. И в то же время у юношей, даже когда они в физическом отношении вроде бы вполне созрели для отцовства, чувства могут быть вовсе незрелыми, мальчишескими.

Но при этом многие мамы юношей, как и беспечная родительница из разбираемого нами кинофильма, считают, что все тревоги и волнения об отношениях подростков — на совести родителей девочки: пусть, мол, они больше за своим ребенком следят. У парней дети не родятся.

Вряд ли с этим можно согласиться. Дети появляются из-за легкомыслия сыновей чаще, чем из-за легкомыслия девочек. Те-то пытаются удержать, отговорить своих дружков переходить грань близости. Но юноши, как правило, требуют от них «доказательств» любви. А получив их, не считают для себя обязательным доказывать то же самое уже своим ответственным отношением к последствиям любви. Подлинная же взрослость, как мы знаем, определяется не столько чувствами, даже поступками, сколько способностью и готовностью отвечать и за то, и за другое.

Это — физиологические и психологические противопоказания для ранних половых отношений. Социальные заключаются в том, что нынешние подростки ни материально, ни профессионально не самостоятельны, целиком зависят от родителей. А значит, по совести, не имеют права решать свою судьбу без участия старших. В противном случае это будет нарушением своеобразного семейного кодекса, диверсией против родителей. Как и против учителей: взрослые отношения уместны во взрослом коллективе. Это тоже нужно понимать.

Да кто же из героев разбираемого фильма и им подобных думает в этом возрасте о таком развитии событий? Они не заглядывали вдаль, не замышляли создавать семью. Брак этот, давайте смотреть правде в глаза,— *вынужденный*. Хотя молодые люди и уверяют себя, будто соединились сознательно и добровольно.

К сожалению, довольно часто явление, когда не по желанию и зрелому решению появляется у юных супругов первый ребенок.

Вынужденный брак, нежданный ребенок, что может быть печальней при начале семейной жизни? Нет, не из ханжества, не

из пристрастия к консервативным жизненным установкам продолжают взрослые твердить современным девочкам и мальчикам о необходимости строгости нравов, выдержки, совестливости, стыда. Все эти свойства — часть общечеловеческой духовной культуры, которую мы призваны беречь и совершенствовать.

— Вы что же, считаете, что юноши и девушки конца XX в. должны себя вести по образцу и подобию их сверстников из XIX столетия, когда девицы не смели поднять взоры на молодых людей, а те рассыпались в галантностях? Нынче вести душеспасительные беседы о девичьей стыдливости — значит обнаружить собственную отсталость.

Это возражение, которое слышится не только в школьной, но и во взрослой аудитории, невозможно обойти молчанием. И отвечать на него, только опираясь на жизненный опыт и здравый смысл, нельзя. Нужно сделать некоторый экскурс в историю.

Знаменитый в начале XX в. австрийский исследователь, автор нашумевшей в свое время книги «Пол и характер» Отто Вайнингер утверждал, что в некоторых регионах западного цивилизованного мира с определенной цикличностью появляется движение феминисток, сторонниц так называемого женского равноправия. В их поведении наряду с мужскими достоинствами — решительностью, твердостью характера, бесстрашием — появляются и чисто мужские пороки: склонность к пьянству, распущенность в словах, манерах и поступках, безответственное отношение к потомству. Даже во внешности женщины словно бы отрекаются от всего женского: стягивают, прячут, уродуя грудь, затягивают фигуру так, чтобы не бросались в глаза бедра. Они берут у мужчин все атрибуты — одежду, обувь, повадки.

В какой-то момент движение феминисток доходит до крайности: начинает сокращаться рождаемость, общественные нравы падают, отрицательно влияя на государственные устои. Обычно первыми спохватываются сами женщины и открывают новое движение: за урегулирование половых отношений, за строгость правил. Приходит понимание: нравственность нации прежде всего пестуется женщиной. И если уж она откажется быть стойкой и порядочной, прощай моральные устои.

Подлинная женская революция имела другую сущность и другие формы проявления. Вот как писал об этом Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: переход от группового брака, от беспорядочных связей, от «греховного зачатия» к «единобрачию совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше с развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унизительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на це-

ломудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной. От мужчин этот шаг вперед не мог исходить помимо прочего уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказаться от удобств фактического группового брака. Только после того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию (единобрачие.— *Т. А.*), — разумеется, только для женщин» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 56).

Обратите внимание: Ф. Энгельс — решительный противник полового неравенства — говорит о выстраданном женщинами «праве на целомудрие» как о шаге вперед. И уж никак не призывает к равноправию в пороке.

Дальше Энгельс пишет: «Первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. Единобрачие было великим историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает... продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других» (Там же, с. 68—69).

Но отчего же именно женщина сочла для себя «унизительными и тягостными» беспорядочные половые отношения, отчего именно она затребовала единобрачия, а потом столь долго одна соглашалась нести его лямку?

Думается, приметливые женщины еще в древние времена уловили закономерность: здоровей, ловчей, удачливей потомство той матери, к которой накрепко привязан мужчина — отец, работник, добытчик и защитник. Теперь-то уж ни у кого не вызывает сомнений преимущества крепкой семьи в воспитании детей, в ведении хозяйства, даже в профессиональных достижениях. (Последние исследования показывают прямую зависимость всяческого преуспевания человека — в делах, в творчестве, здоровье — от семейного лада. Впрочем, мы уже об этом говорили.)

Вот и выходит, что долгие века женщины смирялись с моральным неравенством тоже во имя блага детей, как это ни покажется странным. Потому что без науки сознавали: поведение матери в большей мере отзывается на благополучии потомства, чем поведение отца. Оттого и дочек воспитывали в большей строгости, чем сыновей.

Характер моральных норм и правил не был чем-то данным всем людям от начала и навеки. Существовали разные обычаи у разных народов: были сторонники многоженства и многомужества, даже приверженцы безбрачия. Но именно наличие упорядоченных связей указывало на то, вышло ли это племя, этот народ из состояния дикости или все еще пребывает в оном.

Однако ныне мы можем столкнуться с таким вот феноме-

ном: общество, достигшее высокого расцвета науки, техники, искусства, впадает в состояние дикости в сфере половых отношений. Примером может служить «сексуальная революция», получившая распространение на Западе, которая, по мнению некоторых ее апологетов, должна способствовать уничтожению векового неравенства в отношениях полов, возведению стихийных сил любви в ранг науки. Для осуществления этих целей привлекались средства массовой информации, которые открыли огонь по таким человеческим качествам, как стыд, застенчивость, скромность, верность, объявив их мещанскими, ханжескими проявлениями, чуждыми просвещенному и свободомыслящему человеку. Высказывались убеждения, что сексуального просвещения молодежи достаточно для того, чтобы построить счастливую семью.

Распространение литературы и кинофильмов, не только снявших таинственные покровы с интимных отношений мужчины и женщины, но и смакующих подробности, пропагандирующих «технологию секса», привело к тому, что «просветившаяся» молодежь стала обнаруживать склонность ко всякого рода извращениям, появились психические заболевания на этой почве, не говоря уж о резком росте венерических. Все большее число юношей и девушек не хотят, да и не могут строить нормальные семейные отношения.

По некоторым данным, от половины до 2/3 разводов в Англии, Японии и США происходят, наряду с другими причинами, из-за сексуальной неудовлетворенности партнеров или иных нарушений в деятельности половой сферы. Дания, Франция и ФРГ являют собой средоточие этой «науки и практики», наводняют мировой рынок соответствующей «популярной и научной» литературой. И как раз именно в этих странах уровень рождаемости и устойчивость браков оставляют желать лучшего.

О падении общественной и семейной морали говорят с огромной тревогой все честные люди в этих странах. Во Франции и ФРГ печать называет «социальными самоубийцами» сторонников «сексуальной революции». Нет в ней ничего нового, тем более революционного.

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен...

Видите, для А. С. Пушкина «наука любви», поставленная на службу разврату, «достойна старых обезьян».

И нынче у массы материально обеспеченных людей Запада, как и у элиты всех времен, бездумное, безудержное потребительство создает стереотип, по которому строится вся система

человеческого поведения, в том числе в интимной сфере. Точно так же, как заменяется машина (мебель, одежда, украшения, игрушки), без особой надобности, еще не успев состариться и надоесть, меняется и «партнер» в семейной или просто совместной жизни. Естественно, чем слабее люди между собой связаны, тем легче происходит эта смена. А больше всего мужчину и женщину, мужа и жену, связывают общие дети. Они требуют постоянства, порядочности, верности. Раз так — отказываются не от того, что мешает рождению и воспитанию детей, отказываются... от них самих. Тем более что при всеобщей заменяемости родных детей не подменишь другими, более «модными, современными, более удобными и приятными», а ведь именно эти свойства считаются самыми высокими достоинствами для любой вещи, любой ценности.

Фетиш замены (измены) как основной признак преуспевания личности или семьи — вот что нынче определяет стиль и мораль поведения многих представителей обеспеченных кругов в буржуазном обществе. Отрицание постоянства как символа консервативности, отсталости взглядов стало для них своего рода признаком «современности». Любого постоянства. Во всем. В дружбе. В сотрудничестве. В любви. В родственных отношениях. Это — первая причина разгула сексуальной анархии (но никак не революции) в капиталистическом мире, свидетелями которого стало наше поколение.

Вторая причина — не менее ощутимая и существенная — отсутствие сдерживающего и регулирующего начала в поведении людей, отсутствие ясных и нравственных целей своего существования.

Можно признать, что капиталистические страны сейчас переживают тяжелый моральный кризис. Регулирующее действие религии ослабевает, а высокой идеи, во имя которой человек призван был бы сдерживать грубые желания и страсти, во имя которой он добровольно принял бы на себя обязательства, ограничивающие его потребительские аппетиты во всех сферах, такой идеи у буржуазного общества нет.

Вот и бросается оно из одной крайности в другую: от запретов просвещения молодежи в вопросах интимных отношений к разгулу порноискусства; а от него — в обратном направлении, когда возникают касты, принимающие обет аскетизма и безбрачия. В последнее время появляются признаки того, что в западных странах наступает отрезвление. В Швеции правительство скупило все порноиздания и запрещает их последующее распространение. (Это после того, как именно эта страна подала всем пример пропаганды вседозволенности, полной «свободы любви».) Но ведь одними административными мерами не решить столь сложную проблему, как нравственное воспитание молодого поколения. Нужны нравственные идеалы, освещенные и поддержанные наукой и искусством. Правда, в рядах прогрессивной моло-

дежи Запада в последние годы возникло движение «за новое целомудрие», попросту за здоровые отношения полов.

В нашем обществе сама идея эмансипации полов формулировалась с самого начала иначе. Когда социалистическая революция сокрушила буржуазный строй, а вместе с ним и буржуазную семью, обнаружились три направления в межполовых отношениях.

Сторонники одного своим лозунгом провозгласили «свободную любовь» и объявили войну стыду. Против них очень решительно выступили В. И. Ленин, Н. К. Крупская и многие истинные марксисты, убедительно доказывавшие, что распущенность нравов никогда не имела ничего общего с подлинной революционностью, как ничего общего не имело с марксизмом и мещанское ханжество.

В. И. Ленин предостерегал от кокетничанья всепониманием, всепрощением. Он считал, что провозглашение «свободы от брака», как правило, возникает от «стремления оправдать... собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе» (Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1975, т. 5, с. 42).

Протестуя против лозунга «свободной любви», В. И. Ленин говорил, что в буржуазном обществе понимают под этим свободу от серьезного в любви, от деторождения, свободу адюльтера. Для коммунистов «свобода любви» может означать лишь свободу от материальных (финансовых) расчетов и забот, от собственнических и религиозных предрассудков, от запрета родителей, «от уз закона, суда и полиции». Не мимолетная страсть, не пошлый и грязный брак без любви, а гражданский брак с любовью — такова позиция коммунистов в этом вопросе.

Другое массовое течение представляли те, кто слепо сохранял веками складывавшийся устав семейной жизни. И не венчанные, даже «не расписанные» в загсе жили по традиционным заповедям.

Третьи же, их тогда было меньшинство, сознательно принимали на себя тяготы поисков новых форм отношений, которые строились бы на основах высокой морали, а не на страхе перед «геенной огненной», перед осуждением соседским. Они стремились строить личную жизнь по образцу и подобию коммунистического общественного идеала, согласно которому прогресс невозможен при сохранении угнетения одного человека другим.

У нас в стране исповедуется ленинский идеал семьи и любви: приверженность к вечным ценностям, равная для обеих сторон, воспитание глубокого уважительного отношения к женщине, повышение ее роли в обществе и в семье, превращение мужчины в надежную опору, верного друга, имеющего те же обязательства перед женой, что и она перед ним.

О подлинной революции в межполовых отношениях говорит изменение положения женщин в нашей стране на протяжении

жизни всего лишь одного поколения. Прежде всего женщина получила свободу выбора. Выбора всяческого: образования, профессиональной, общественной и домашней деятельности, выбора супруга, выбора быть матерью или нет. Однако чем большей свободой мы пользуемся, тем больше осознаем: как важна дифференциация полового воспитания. Поэтому мы не устаем повторять о женском и мужском достоинстве, о необходимости формирования этих качеств личности.

Мы с вами уже проследили глубинное воздействие социальных условий на систему человеческих отношений, которые в свою очередь влияют на физиологические процессы.

Что нам говорит естествознание? Наш великий соотечественник И. И. Мечников в знаменитых «Этюдах о природе человека» написал: у человека «внутренние половые органы указывают до известной степени на обоеполое происхождение. У мужчин наблюдаются остатки женских половых органов... Наоборот, у женщин находятся следы мужских половых органов».

Эндокринологи скажут о наличии у каждого из нас гормонального «набора» обоих полов. Мужчинами же или женщинами нас делает преобладание гормонов и свойств, определенному полу наиболее присущих. Подобно этому в поведении, характере, интеллекте нельзя назвать черты и свойства, присущие исключительно и абсолютно одному из полов. Можно говорить лишь о *преимущественно* женском или мужском признаке.

Как пишет доктор философских наук И. С. Кон: «...один и тот же мозг может содержать программы как для мужского, так и для женского поведения». Такая «обоеполость» обеспечивает нам высокую пластичность, приспособляемость к меняющимся условиям бытия, позволяет в критические повороты истории женщинам принимать на себя мужские труды и обязанности, а мужчинам — женские.

Да, но тогда почему существует половое деление свойств и качеств, коли они присущи всем людям в той или иной степени?

Те свойства, что традиционно почитаются женскими, видимо, сформировались вследствие выполнения материнских обязанностей. Общаясь с новорожденным, воспитывая детей, мать вырабатывает такие душевные качества, как терпимость и терпеливость, добросердечие, сострадание, самоотверженность, мягкость и нежность. И чем больше мужчина получил материнской любви, заботы в младенческие годы, тем нужней и ценней ему эти качества в жене. Ведь с ними и связывается у взрослого человека представление о «совершенной женщине». Вечный сын женщины — вот каким видится мужчина во все века. Дитя ли он, муж ли, брат — это уже частности, все равно сын!

Что же в перспективе? Опять адресуюсь к ученому И. С. Кону: «Многие американские и западноевропейские социологи и психологи предсказывают, что мужские и женские социальные роли

в перспективе будут абсолютно одинаковы. Лично я в это не верю. Пусть реальные возможности обоих полов оказались гораздо пластичней и шире, чем думали раньше. Из этого еще не следует, что половое разделение труда вообще лишено биологических оснований».

И дальше И. С. Кон, по сути, высказывает уверенность, что никакие социальные перемены не повлияют на биологические особенности женского организма, не отменят материнских функций и всего того, что мы именуем идеалом женственности. Но для его дальнейшего культивирования необходимо соблюдать различия в воспитании мальчиков и девочек.

Таково решение сложной, запутанной проблемы: с пониманием, бережностью относиться ко всему, что заложила в нас природа, не крушить и ломать ее в угоду временному преуспеванию, но и не полагаться целиком на нее одну, осмысленно развивать то, что признается особым достоинством пола и личности.

Неразумное, чрезмерное увлечение выравниванием полов оборачивается для общества немалыми нравственными потерями. Да и вряд ли кому охота быть существом среднего рода: ни то, ни се, без знания и понимания своей сущности, своего земного назначения.

Куда иной раз может завести «святое неведение» различий в поведении юношей и девушек, можно показать на примере одного уголовного процесса. (Непреклонные юридические законы не считают неведение достаточным основанием для оправдания преступления. Потому порой молодые люди оказываются перед судом, даже не подозревая, что совершали преступные действия.)

Итак, следствие закончено. Идет суд. Участниками процесса были подростки — старшеклассники, вчерашние приятели и подружки.

В те дни девушки и юноши стали по разные стороны весов Фемиды. Одни — юноши-ответчики, подсудимые; другие — девушки-потерпевшие. Подсудимые привлекались за одно из тягчайших преступлений — изнасилование.

Члены суда не обнаружили ни у свидетельниц случившегося, ни у потерпевших угрызений совести или гнева против насильников. Подружки даже прослезились, когда конвой уводил осужденных.

Выяснилось, что «потерпевшие» были пьяны до встречи с «насильниками». По собственной воле и охоте они довели себя до такого состояния, когда все остальное происходило уже в полубессознательном состоянии «сторон». Так что не было насилия, не было и сопротивления. Оттого я слова «потерпевшие» и «насильники» беру в кавычки.

Судьи тщетно взывали к чувству женского достоинства одних и мужского рыцарства других. А девушки не скрывали, что имеют смутное представление о женском достоинстве и о том, что по-

следствия материнских слабостей, пороков тяжело сказываются на потомстве.

Член-корреспондент АМН СССР Н. П. Напалков утверждает, что женщины, курящие во время беременности, подвергают будущего ребенка риску заболеть раком. Пьющая девушка (будущая мать) несет несчастье своему потомству аж до седьмого колена, по библейскому выражению. То же самое и в отношении беспорядочных половых связей. И суд в данном случае защищал девушек от их собственного невежества, бескультурья. Потому что видел в них потенциальных матерей, чье тело — высшее творение природы — не должно служить орудием минутного и мутного желания, орудием сомнительного развлечения. В них суд защищал матерей, чья важнейшая и прекрасная земная должность давать миру не только физически, но и нравственно здоровое потомство.

На защиту материнства направлены многие статьи Конституции СССР. Так, неравномерен набор юношей и девушек в некоторые учебные заведения, а иные для девушек и вовсе закрыты, как например военные и морские училища, хотя ни у кого не возникает сомнения, что у многих современных девочек хватит способностей и физических возможностей освоить военные дисциплины, вынести тяготы службы. И в шахты добывать уголь их не берут. И на пенсию провожают раньше мужчин на целых пять лет. И в судебных спорах о разводе и разделе детей и имущества, как правило, юридические органы принимают сторону жены-матери, несмотря на то что именно она могла быть первопричиной развала семьи.

По этой же причине все больше культивируется бережное, уважительное, сочувственное отношение к женщине, ее заботам и нуждам на производстве.

Все преимущества даются женщине исключительно за материнскую миссию! А кто претендует на почести, не исполняя главной обязанности или исполняя ее небрежно, должен знать точно: требует не по чину и заслугам.

Таким образом, вырисовываются два стереотипа эмансипации полов. Одни избрали лозунг: «Равнение на мужчину!» Образовательный, профессиональный уровень у сторонниц этого типа равноправия, несомненно, поднимается на небывалую высоту, а вот чисто женские качества порой утрачиваются. Это приводит к тому, что в семье и в отношениях влюбленных продолжается затяжная, изнурительная и бесплодная «война полов» за раздел или перераспределение привилегий, комфорта, но уж никак не ответственности за любовь и мир, за честь и достоинство.

Другой путь избирают те, кто эмансипацию воспринимают не как движение за лидером и даже не как движение полов навстречу друг другу, а как совместное движение к вершинам собственного развития, к тому, чтобы стать совершенной женщиной-женой-матерью и совершенным мужчиной-мужем-отцом. Второй

путь, очевидно, более человечен и благоприятен. И для личности, и для общества.

Что же из всего этого следует? Что женщине, как и прежде, должно быть запрещено то, что испокон веков прощалось мужчине?

Наоборот: мужчине должно быть непозволительно то, что веками запрещалось женщине. Только в этом случае равенство будет строиться не на общих пороках, а на общих добродетелях. Такую перспективу рисует воображение всех радетелей человеческого блага. Да иного и быть не может: безнравственный мужчина развращает и женщину, и детей, сеет злые семена, которые порой дают обильные всходы.

Нам не установить царство чести и справедливости, если мы станем мириться с пороками в собственном доме. Но борьба за нравственный идеал не менее сложна, чем борьба за осуществление социальных идей. Нередко самые благие намерения и чувства оборачиваются бедой для многих людей. Предлагаю вашему вниманию исповедь юной души, которая может дать толчок к новым размышлениям.

«Мне 21 год. Судьба у меня немного необычная. Видно, права моя мама, назвавшая меня фанатичкой. В 18 лет познакомилась я случайно, по переписке с заключенным, которому оставалось сидеть еще 6 лет. Завязалась переписка. Я горела желанием помочь ему стать на путь истинный. В письмах мы с ним спорили, рассуждали. Он оказался довольно умным человеком (он старше меня на 10 лет). У меня была подруга, которая делила со мной все радости и невзгоды. Вместе мы зачитывались его письмами. Он умел мечтать, страдать, плакать и смеяться в письмах. И я... влюбилась. Именно так мне показалось. Он сделал мне предложение. И я в 19 лет вышла замуж, расписавшись с ним «в зоне».

Представляете, что творилось дома! Но я выдержала и это. Виделись мы раз в полгода, переписывались часто. А через год я «проснулась» и поняла, что не люблю его. Мы начали ссориться. Так все и шло. Не знаю, долго ли это могло продолжаться, но тут случилось то, чего я меньше всего ожидала. Я встретила человека и полюбила его. Полюбила так, что самой страшно стало. Ко мне пришла настоящая любовь, которая только раз дается человеку. И в этом я не ошиблась. Он отогрел мою душу, научил снова радоваться и смеяться. Вроде бы все хорошо. Но тут я поняла, что попала в замкнутый круг. Что делать? Бросить мужа? Но я у него — все, что есть на свете. Остаться с ним? Но я не умею врать... Вот когда мое счастье начало выливаться слезами.

Все подружки говорили, что я должна пожалеть мужа и остаться с ним. Даже мама так решила. Поймите меня: может, я действительно эгоистка, безжалостная. Но я подумала о себе. Мне 20 лет. И я всю жизнь должна расплачиваться за ошибку. От меня отвернулась любимая подруга. А я, бессовестная, пожалела

себя, того человека, которого люблю, и своих будущих детей.

И я нашла в себе силы, не слушая никого, как и прежде, взять развод. Конечно, нелегко было решиться на это. Мука даже писать об этом.

Но вот к чему я все это рассказываю. Человек, которого я люблю, женат. Точнее, он не был официально разведен с женой, хотя и не жил с ней. Он подал на развод, и мы решили жить вместе не зарегистрировавшись. Я знала, что у него пятилетняя дочь. Но он скрыл, что есть еще и пятимесячный сын. Когда это открылось, я ревела дни и ночи. Я предложила ему расстаться, хотела уехать из родного города. Но он сказал, что поедет со мной.

Советовалась я с его родней. Все в один голос твердили, что только со мной он стал жить спокойно, почувствовал себя счастливым. И я готова была все отдать ему. Но горькое наше счастье. Горько, что двое детей без отца. Я ночами плачу от боли в душе из-за чужих мне людей. Не подумайте, что я строю из себя благородство. Все друзья и подруги говорят, что я сделала сиротами его детей. Наверное, они правы. Но были бы счастливы дети, если бы отец им лгал, жил в неволе... Конечно, мне легко рассуждать. А ей, его жене, каково с двумя детьми?

Я случайно встретилась с ней. Что мне она наговорила! Но я ее не виню, я ее понимаю. Но мне особенно больно, что она обругала моего ребенка, который еще не родился. Ему-то за что?

Может, все же вернуть детям отца? И значит, отнять его у моего собственного ребенка? Это-то мне не так страшно. Думаю, что ребенок, когда вырастет, поймет меня. Но я сама не могу без любимого жить. Я сознаю: дети — очень дорогое в жизни, но ведь лишить себя счастья в 20 лет тоже трудно. Вероятно, я в самом деле эгоистка. Я всегда ждала любви как чуда и никогда не думала, что моя любовь и мое счастье будут такими горькими. Что же мне теперь делать?

Светлана К.»

* * *

Вы со мной, наверное, согласитесь, что письмо это не может оставить никого равнодушным. Тут столько противоречивых чувств и мыслей, столько боли и надежды, что на целую повесть хватило бы. Но это не литература, это — жизнь. И страдания настоящие, не бумажные. Видите, как дорого достается самой Светлане и ее окружению такая естественная, с ее точки зрения, свобода чувств и независимость в поступках. Влюбилась в «отверженного», пошла навстречу своему влечению, перешагнув через протесты матери. «Проснулась» от этого чувства — притворяться не может и не хочет. Уходит, опять же не оглянувшись на суд людской, на то, что при этом теряет любимую подругу, что из-за ее отступничества еще ниже опускается тот, кого она хотела поднять.

И новая любовь приносит пока лишь беды. Светлана хочет счастья любимому и с любимым, но это никак не совмещается

с благополучием его детей и ее будущего ребенка. И какой у них будет мир и лад, когда рядом существует дом, где в адрес самых дорогих для нее людей будут постоянно раздаваться проклятья?

Юная женщина, почти девочка, все решает сама, ну, конечно, за все будет платить сама. Полной мерой. Меня, например, заставила содрогнуться вскользь оброненная фраза: «Может все же вернуть детям отца?» Она ведь и впрямь считает себя всемогущей и всевластной: «взять», «бросить», «вернуть мужчину». Вот где груз неподъемный должен быть — сознание такой своей возможности и ответственности! А ей не страшно.

В этой исповеди неизвестно, чего больше — самоотверженности или эгоизма, легкомыслия или заботы обо всех, кто попал под колеса «настоящей» ее любви. И ведь судьба Светланы только внешне не ординарна. По существу, ее проблемы — муки очень многих, кто предает старого друга, старую любовь, кто строит новую любовь на обломках прежнего счастья.

Как поступит Светлана, трудно предугадать. Еще трудней ей советовать. Но ясно одно: уже сами ее переживания, невозможность беспечального существования «счастливчиков, нашедших друг друга», свидетельствуют в пользу нашей общей морали. Беспокойство души за судьбы прежде любимых, забота о детях, не только о своих, но и о чужих — признак того, что даже таким юным и неопытным женщинам и юношам, как Светлана и ее друзья, важно соединить вечно спорящие чувства: любовь и долг, жажду личного благополучия и совестливого житья.

Такова в общих чертах проблема воспитания культуры чувств и межполовых отношений. Но даже это краткое изложение дает достаточное представление о сложности задачи, которую нам всем предстоит разрешить: избавиться в своих помыслах, чувствах, поступках от всего, что нас, старших и младших, женщин и мужчин, разобщает, противопоставляет друг другу, от всего, что приносит в наш быт уродство, грязь, бесчестье, унижение нашей природы и достоинства.

Если вдуматься, то осуществление такой программы будет исполнением вековечной мечты всего человечества, истинно нравственной революцией. Она прежде всего должна совершиться в сердце человеческом, каждому нужно будет одолеть самого себя. А надо признать, что еще в древнейших книгах было сказано: тот человек самый сильный, кто одолеет свои слабости. И нет для «царя природы» страшнее зверя, чем его собственные дурные привычки. По всей вероятности, истинными героями нашего времени будут храбрецы, схватившиеся с этим чудищем, что отравляет нам жизнь, застит солнце.

Что можно предложить в качестве домашнего задания после разговора на столь трудную тему? Опять прибегнуть к волшебному зеркалу самоанализа, в котором в первую очередь разглядеть (вспомнить) те случаи, когда удалось пересилить, одолеть собственную грубость, дерзость, проявить понимание чужой натуры, утвердить достоинство своего пола или не унизить другого. Принять для себя эти примеры за исходную позицию для последующего поведения и со старшими, и с младшими, и с друзьями, и с любимыми.

Под марш Мендельсона

Мы выбираем — нас выбирают

Теперь переходим к вопросам супружеских, родительских отношений.

— Папа с мамой, поздравьте нас: мы решили пожениться

Вот таким образом многие молодые люди оповещают своих родителей о том, что в их жизни наступает новая и сложнейшая пора. В устоявшийся быт семьи врывается существо иного рода-племени, «инопланетянин» или «инопланетянка». Естественно, что старшие воспринимают это известие не столько с восторгом, сколько с опаской и тревогой: какими свойствами, качествами обладает будущий новый родственник, как воспримет порядки, установленные в их доме?

Период со дня объявления о будущей свадьбе и до той поры, пока отзвучит застольное «Горько!», обычно бывает очень напряженным для жениха и невесты. Хотят ли они — не хотят, волей-неволей, но проходят они своего рода смотрины-испытание на право стать членом семьи своего избранника, избранницы.

Ничего особенного не говорится во время визитов молодых людей к родителям друг друга, вопросы все житейские: когда и как справлять свадьбу, кого приглашать, где будут жить молодые? Но за тем, как ведутся эти переговоры, за тем, что важно, что неважно для жениха и невесты, многоопытные глаза взрослых видят многое такое, чего не разглядеть, не угадать влюбленным. И конечно, пытаются высказать свои опасения, сомнения любимым чадам: правильный ли сделан выбор? Но их старания напрасны.

Спросите любого из тех, кто ставит подпись в Книге Жизни: твоя подруга воплощает предел твоих мечтаний? Ты ее, и только ее хочешь видеть рядом с собой всю жизнь, через нее обессмертить себя в потомстве? С теми же вопросами подойдите потом к невесте. И посмотрите на их лица. Скорей всего вы прочтете на них растерянность и даже раздражение. О чем их тут спрашивают? Ну, конечно же, они сейчас ни о ком другом не помышляют. Только с этим человеком, что стоит рядом, возможно счастье.

Искренне забыты увлечения прежних лет, потому что крайне редко до свадьбы сохраняются детские и юношеские влюблен-

ности. Из ума и памяти выпадает и идеал, рисовавшийся юному воображению. И не вызывает удивления, что тот, кто будет делить с тобой радости и печали, мало схож с героем грез. Ей с малолетства нравились блондины с голубыми глазами, а выходит замуж за брюнета с карими. Ему всегда виделась грядущая жена яркой красавицей, «что неможно глаз отвесть», а берет за себя маленькую, простенькую, востроглазую девчонку. Что за чудеса такие с ними происходят? Ну, деды и бабки сваливали подобные превращения на «промысел божий», дескать, на небесах браки творятся, кому с кем быть — судьба решает. Теперь не на кого кивать за свой выбор. Потом они могут лишь гадать: как бы сложилась судьба, откликнись на зов других глаз и уст? Конечно же, все было бы иначе; профессия, место работы, внешний облик и то могли бы быть другими. С Машей, домоседкой, любительницей вкусно поесть, Петя, может, раздался бы вширь, обленился, остановился в развитии. А с Катей, заядлой спортсменкой, непоседой, был бы поджарым, жилистым, энергичным и в делах и в развлечениях.

И невеста, если бы вышла за Колю, жила бы совсем иной жизнью: размеренной, беспечальной, с тихими и умными вечерними беседами, с абонементами в филармонию. А с Петей она будет мыкаться по стройкам, ютиться в вагончиках и бараках, петь самодеятельные песни под гитару, громко спорить. И порываться бросить всю эту «романтику дальних дорог», и возвращаться к милому шалашу.

А отчего рассталась с Колей и согласилась на предложение Пети? Ведь нравились ей оба, была пора, когда вроде бы первый был ближе, целовались горячо, не расставались неделями. И вдруг... Проклятое или благословенное «вдруг»! Слово, взгляд, поступок — все переменили. Но ведь и Петя может не все ладно сказать, оступиться. Что ж, и к нему она будет столь же непримиримой, как оказалась к Коле? Нет, ему она прощает больше, чем кому бы то ни было.

— Подумать только: порой вся судьба складывается по-иному из-за какой-то малости, случайности. Даже дети, их жизни будут совсем непохожими в зависимости от «комбинации» родительской пары. И жизнь близких и дальних родичей устроится по-особому из-за выбора, сделанного выросшими детьми.

— Да полноте, сколько можно говорить про выбор, про сознательное, осмысленное отношение к созданию семьи! Например, А. И. Герцен, анализируя в «Былом и думах» свои и Огарева семейные сложности, написал: «Сближение с женщиной — дело чисто личное, основанное на... *тайно*-физиологическом сродстве, *безотчетном,* страстном. *Мы прежде близки, потом знакомимся*» (курсив наш.— *Т. А.*). Это написал человек, женившийся на двоюродной сестре, которая до брака в течение нескольких лет чуть ли не ежедневно исповедовалась перед ним искренне и до конца!

Так, может быть, случайность соединения и есть закономерность? Ведь действительно, можно ли до брака узнать, каким супругом или супругой окажется предмет страсти, если само супружеское состояние ни на что не похоже, если оно «таинственно, безотчетно»? И что нам дадут тогда все добрачные способы, хоть народные, хоть научные, даже с помощью ЭВМ «вычислить удачу»?

— Это влюбленным свойственно и простительно говорить о том, что нет объяснения их предпочтению, их выбору. Любящий знает: за что. «Она меня за муки полюбила, а я ее — за состраданье к ним» (*В. Шекспир.* «Отелло»). А толстые тома размышлений-воспоминаний о любимом человеке, оставленные преданными подругами, что это, как не объяснение — за что? А страстные песнопения поэтов, в которых во всех тонкостях и психологических подробностях объясняется: чем именно привлекла дама сердца?

Интересно все же узнать, кого и за что любят нынешние юноши и девушки? Иные любят за внешность, иные — за духовные качества. Что же предпочтительней? У кого больше шансов стать счастливым избранником (избранницей)?

Ну, что же, социология и эту сторону не обошла своим вниманием. И оказалось, что современные невесты прежде всего ищут в будущем спутнике... интеллигентность, т. е. очень сложный комплекс самых высоких человеческих свойств. Это и ум, и эрудиция, и чуткость, такт, культура внутренняя и внешняя. Вот какой набор свойств прежде всего ценится. На втором месте — отношение к женщине как к другу, заботливое отношение к семье и детям, затем — разумная воля, трудолюбие, трезвость, чувство юмора, стремление к всестороннему совершенству, физическая красота.

Точно так же меняются вкусы и требования у юношей к своим избранницам, хотя их «набор» более традиционен: они ищут сочетание доброты, мягкости с самоотверженностью, женственности с верностью супружескому долгу, но и им важны ум и деловые достоинства подруги, которой придется трудиться с мужем наравне.

Известны и свойства, которые почитаются нежелательными в браке: эгоизм, нечестность, грубость, жадность.

Поэтому не нужно быть оракулом, чтобы предугадать: у кого из претендентов на руку одного и того же предмета страсти будет больше шансов одержать победу.

Значит, все-таки существуют нормы и критерии «отбора» и не совсем точно утверждение, что никто не знает секрета избирательности, по которому притягиваются люди друг к другу. Хотя немало на свете пар, на которых и близкие, и чужие люди не перестают дивиться: и что он (она) в «половине» нашел (нашла)? Совсем они не подходят, ни по каким статьям, а живут — душа в душу! И сами-то супруги на настойчивые расспросы ни-

чего вразумительного ответить не могут, пока всерьез не задумаются.

А секрет долгосрочности такого союза частенько заключается в том, что сошлись люди, объединенные не по признаку подобия, сходства, а по признаку дополнения, когда один из супругов компенсирует нехватку каких-то важных свойств и качеств другого.

Есть много причин, которые приводят к тому, что «корабли любви» нередко расходятся в житейском море. Одна из них — неравномерное распределение драгоценных свойств между разными людьми. Одной женщине — красота, другой — душа и ум, третьей — всего этого, но помаленьку. Так же и у мужчин. Нам же часто хочется, как гоголевской героине из комедии «Женитьба» Агафье Тихоновне, чтобы нос одного жениха был приставлен к губам другого, а фигура при этом была взята третьего, характер — четвертого, вот тогда бы можно было решаться выходить замуж (или жениться) без колебаний. Но идеальное, безупречное сочетание, наверное, такая же редкость, как погода, которая устраивала бы всех сразу.

С несправедливостью природы одни мирятся, являя собой скромную прелесть естественности, а другие привлекают себе в помощь заемные достоинства, чтобы усилить влияние своих чар. Чем занимается, например, маленькая девчушка, вертящаяся перед зеркалом и примеряющая мамины или бабушкины наряды и украшения? Уже известно: учится нравиться. Откуда она знает, что яркая одежда и украшения могут служить привлекательной силой для кого-то, кто появится неизвестно когда? А ничего этого она не осознает. Ею движет бессознательная склонность и еще врожденная способность повторять поступки и замашки взрослых. Женщины же до конца дней своих не перестают заниматься украшательством, потому что без всяких лекций и наставлений постигают истину: мужчина в первую очередь любит глазами. И сколько бы ни уверяли философствующие представители этого пола, что, мол, все они предпочитают естественные прелести живого лица и тела плодам искусства парикмахеров, портных и ювелиров, придется им не поверить. Хотя бы потому, что даже невооруженным статистикой взглядом можно заметить, как заинтересованно провожают они ярко наряженную особу. И как равнодушно бегут мимо простенькой девушки с милым, умным и добрым личиком.

Не так давно довелось выслушать такое признание молодой женщины:

— В школе я долгое время испытывала своеобразный комплекс неполноценности. Родители одевали меня предельно скромно. Делали они это не столько из-за денежных нехваток, сколько из принципа. И я видела, что мои сверстники-мальчики на меня и глаз не поднимают, а успехом у них пользуются девочки, одетые модно, ярко. Через несколько лет после окончания школы

встретилась я с юношей, с которым когда-то училась в одном классе. Он меня словно впервые увидел. Я, говорит, тебя и не помню, помню только твои разбитые боты модели «ретро». Теперь он — мой муж, а в школе я и не надеялась привлечь его внимание.

Вот вам и отношение мужчин к «тряпкам»! Это еще надо выяснить: где причина, а где следствие пристрастия женщин к вещам. И не исключено, что впоследствии юноша, оказавший предпочтение именно той девушке, которая удовлетворяет его представлениям о красоте, став мужем, стонет от жениной страсти к туалетам и украшениям.

Та же картина и в отношении к телесной красоте: в числе основных свойств, желательных для супруги, она не обозначена. Но кто не знает, что именно вокруг красивых девочек рой поклонников жужжит и вьется, обходя стороной скромницу, тем более дурнушку. Да и кто, как не яркие, но холодные, равнодушные красавицы вдохновляли поэтов на оды и баллады, рыцарей на безумные подвиги, а иных — на преступления?

«Чтобы до конца осознать всю суетность человека, надо уяснить себе причины и следствия любви. Причина ее — «неведомо что» *(Корнель)*, а следствия ужасны. И это «неведомо что», эта малость, которую и определить-то невозможно, сотрясает землю, движет монархиями, армиями, всем миром. Нос Клеопатры: будь он чуть короче — облик земли стал бы иным». Так определил влияние на мужчин любви и женской привлекательности, красоты французский философ Блез Паскаль. При всей гиперболичности такого суждения в нем заключена немалая доля истины: Троянская война, как известно, началась из-за Прекрасной Елены. Нынче причины войн, как и мира, совсем иные, и все же не смолкают голоса пророков, которые предвещают: мир спасется красотой и любовью. Но наступит это, наверное, тогда, когда красота соединится с нравственностью.

— Разве у красоты... может быть лучшее общество, чем добродетель? — спрашивает Офелия.

И слышит ответ Гамлета: — Власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие.

И мешает красоте соединиться с добродетелью именно ее собственная магическая власть: к прекрасному устремляются все, кто искренне любит и кто просто тщеславен, честолюбив. Самое серьезное испытание мужьям — привлекательность их жен. Только один литературный герой до конца понял положение и состояние души собственной жены, к которой со всех сторон тянулись жадные руки, полные даров и всяческих соблазнов. Это — Яков Богомолов, главный персонаж одноименной драмы М. Горького. Он впервые *пожалел* женщину, чья любовь, стойкость, добропорядочность испытывают постоянную осаду. Чаще всего, стремясь заполучить в собственное и единоличное владение жар-птицу,

муж надеется на то, что все вокруг не будут замечать ее ослепительного оперения, не будут стремиться овладеть этим сокровищем. Когда же его ожидания, естественно, не оправдываются, винит свою возлюбленную именно за то, что сам в ней прежде всего ценит: что она нравится мужчинам.

Наивными бывают и обвинения жены-кокетки в том, что продолжает кокетничать с другими, уже выйдя замуж. Супругу нравилось это ее качество, когда он ухаживал за девушкой. Значит, напрасны сетования на ее ветреность, притворство, способность казаться, а не быть.

Как правило, никто из опрашиваемых, ни девушки, ни юноши, не обозначает возраст желаемого партнера. Значит ли это, что современные молодые люди вовсе безразличны к тому, старше или младше будет супруг или супруга? Конечно, нет.

Опыт подсказывает: наиболее благоприятно сочетание пары, у которой муж на пять — семь лет старше жены. Отчего? Вспомните утверждения психологов о раннем эмоциональном взрослении девочки, о ее житейской основательности. Разницей в возрасте достигается выравнивание душевной зрелости у супругов.

Однако в последние годы заметно участились браки противоположного характера: юнцы женятся на женщинах значительно старше себя. В определенной мере такое явление можно объяснить инфантильностью молодых людей: некоторые из них предпочитают из одних женских рук мамы-няни перейти в другие, в руки супруги, прочно стоящей на ногах, умеющей строить семейный быт без помощника (следовательно, не взвалит на молодого супруга все сложности домашнего труда). Точно такая же картина у некоторых девушек, которые отворачиваются от «безлошадных» сверстников и охотно принимают предложение, а то и усиленно добиваются его от преуспевающего мужчины, нередко годящегося им в отцы, но с солидным общественным положением, с машиной, дачей. И причина здесь та же — боязнь и нежелание самой создавать семейное благополучие, стремление явиться на готовенькое.

Расчетливые женихи и невесты составляют менее 10% всех вступающих в брак. Большинство же, как мы уже говорили, движимы бескорыстием, искренней и глубокой любовью к избраннику (избраннице), даже если тот старше по возрасту, но ровесник душевно.

Если про мужчин говорят, что они любят глазами, то женщины скорее любят ушами, т. е. очаровывает их умение мужчины говорить интересно, ярко, умно, остро. И не случайно в речи в большей степени, чем во внешности, проявляется человеческая натура, интеллект. Но вот противоречие, которое заставляет думать, что не всегда и не во всем доверяется девушка словесному обаянию. Из двух претендентов: красноречивого говоруна и деятельного энергичного молчуна, она нередко отдает предпочтение второму.

Приходилось слышать от специалистов, что не очень-то последовательно ведут себя девушки, уверяющие, что из всех достоинств будущего супруга они больше ценят интеллигентность. Это свойство предполагает мягкость, терпимость, вежливость в обращении не только с любимой, но и со всем окружением. А ведь известно: интеллигентному юноше бывает трудно решительно противостоять хаму, грубияну, скрутить руки хулигану. Шокирует, парализует волю чужой напор, наглость. И не из трусости, а именно из-за невозможности поднять руку, даже повысить голос на другого человека уходит он от открытой схватки с обидчиком. И... нередко утрачивает свое достоинство в глазах подруги. Ей ведь нужен не только остроумный, находчивый собеседник. Ей нужна опора в ее слабости, нужен защитник и ее будущего потомства. Эти качества, в конце концов, и являются для многих девушек наиважнейшими в оценках претендентов.

Та же картина, когда сталкиваешься с парами, «дотанцевавшимися» до свадьбы. Мы уже разбирали такую ситуацию, когда анализировали историю героев фильма «Пришло время любить». Несомненно, что героиня, девочка тонкая, музыкальная, неглупая, не думала-не гадала искать себе мужа среди видных, ловких танцоров, не блещущих глубоким интеллектом. Ей, наверное, тоже по духу ближе интеллигенты. А вот, поди ж ты, сама себя загнала в силки судьбы. И она не исключение.

Кандидат философских наук В. И. Зацепин обнаружил кардинальное расхождение в оценках студентками «интересного парня» как приятеля для сегодняшнего времяпрепровождения и как желаемого супруга. Для первого главное: внешность, занимательность, умение танцевать современные танцы и эффектно одеваться. Для второго — внутренняя содержательность, значительность натуры. Однако сами девушки не держат «интересных парней» на почтительном расстоянии от себя, не ограничиваются приятельскими, дружескими отношениями. Когда же дистанция вовсе исчезает, оказывается: в идеале имела один образ, замуж пошла за его противоположность. Потом печальными глазами провожает тех мужчин, что могли бы составить ее подлинное счастье, но были не лучшими партнерами по танцам и развлечениям.

Опрашиваемые студентки отнесли в анкете трезвость будущего супруга едва ли не в конец своих претензий. А почта газет и журналов доказывает: это — одно из первейших условий семейного благополучия. И не только потому, что тяга к рюмке — убедительный признак слабости, незрелости характера. Но и потому, что такая склонность — верная дорожка к полной деформации личности. Все привлекательные черты данного юноши, как ржа железо, изъест, источит, разрушит водка. И жена встретится лицом к лицу с существом совершенно иной стати и сути, чем тот, за кого она выходила замуж.

Кстати, почти все опрошенные юноши сказали, что не хотели

бы иметь курящую жену, и тем более выпивающую. Но не секрет, что именно курящая и выпивающая девушка скорее обратит на себя внимание парней, чем скромница. Порой сигарета, рюмка воспринимаются как своего рода знак смелости, независимости. Забывается, что все эти привычки совсем не нужны для долгосрочной совместной жизни.

Обратите внимание: и в отношении к идеалу и в повседневной жизни у молодых людей существует как бы двойная система мер и оценок. Одна — для влюбленных, другая — для супругов. Что прощается любимому человеку, не прощается мужу или жене.

Если бы в юности все мы подходили друг к другу с мерками вечных ценностей, давным-давно порокам была бы закрыта дорога в наш дом. О том, что минутные импульсы бывают главенствующими в мотивах выбора, свидетельствует и такой факт: почти не услышишь от жениха или невесты, что предпочтение оказано будущему доброму отцу или хорошей матери их общих детей. Эта перспектива вовсе не оценивается.

Неоднозначность, а порой и противоречивость желаний и поведения позволяют говорить о невозможности понять, объяснить и тем более урегулировать выбор супружеских пар.

Однако время помолвки для того и дается, чтобы привести к общему знаменателю желаемое, действительное и должное. И если глаза, обращенные к существу, сейчас наиболее близкому, застилает пелена влюбленности, то они ведь не утратили свою зоркость при взгляде на его родню. А мы уже с вами заметили, что при всей несхожести вкусов, склонностей, темпераментов детей и старшего поколения основные черты натуры заимствуются нами у отца-матери, в особенности — у матери. Недаром в народе бытовали наставления жениху: смотреть на будущую тещу, если хочешь узнать, кого берешь в жены.

Мы оставили на потом разговор об отношении к такой важнейшей ценности в супружеской жизни, как здоровье двух родов, собравшихся соединиться. Хотя, по чести, нужно бы его поставить в число существенных предпосылок семейного благополучия. Ведь рождение детей, их воспитание — основная цель семьи. А если будущие супруги или их ближайшие родственники страдают серьезным неизлечимым недугом, передающимся по наследству, то следует не семь, а десять раз взвесить-примерить, прежде чем принять решение обзавестись ребенком.

В крупных городах нашей страны создаются генетические центры, специалисты которых дают заключение о состоянии здоровья будущих супругов. Такая служба создается по решению Всемирной организации здравоохранения при ООН. Это полезная, точнее — необходимая мера защиты и конкретной семьи, и всего общества от роста числа детей, изначально и навеки обреченных на страдания и болезни.

Помолвка — еще не свадьба. И нет греха, если в результате взаимного изучения молодые люди откажутся от своего намерения

соединить свои судьбы. Лучше до свадьбы признать свою ошибку, чем из ложно понятного стыда настаивать на браке, который изначально обречен на неудачу. И таких случаев немало: до 10% подавших заявления не являются в загс. Было бы их больше, если бы не сопротивление... родителей. Иные упираются: мол, неловко перед родичами. И ресторан уже заказан, и свадебное платье куплено! Тяжелее всего обычно такую ситуацию переживают родители зачинщика размолвки.

Вспоминается мне, как допекали юношу мать и бабушка, как честили его предателем, когда он отказался от женитьбы за неделю до регистрации. Но жених рассмотрел своих будущих новых родственников, понял, что он в семье жены будет вечным несмышленышем — «примаком», а не самостоятельной личностью, тем более не хозяином положения. Невеста же категорически отказалась покинуть дом родителей. И юноша отменил свадьбу. Можно и нужно винить его за то, что не сумел понять родичей любимой девушки и их позицию по отношению к нему раньше, до подачи заявления в загс. Но можно и нужно понять его решение не совершать еще большего зла и глупости, чем отказ от брака.

Нынче участились случаи, когда так поступают невесты, узнавшие, что в семье жениха бытует традиционное пьянство или иные нравственные изъяны. Никто ведь не спешит выставлять напоказ свои болячки. Чтобы разглядеть их, требуется время и определенная мера доверия двух семей друг к другу.

Иной раз свадьба расстраивается из-за того, что родители жениха или невесты встают стеной на пути молодых к загсу. И надо признать: не всегда они бывают безнадежно неправы. Они же лучше, чем кто-либо, знают свое дитя. Что ему по плечу, по силам, а что — нет, «по Сеньке ли шапка».

— Как была права моя мама, когда отговаривала меня выходить замуж за человека, совершенно чужого нашей семье по духу, по привычкам,— это можно услышать чуть ли не ежедневно в суде на бракоразводных процессах. Молодые мужья обычно не делают подобных ссылок: неудобно мужчине сетовать на то, что в свое время не послушался матушки, но и они тоже признают правоту старших, правда, лишь задним числом.

В последнее время во многих городах нашей страны созданы специальные организации, именуемые «службой семьи», которые прежде всего призваны помочь молодым людям разобраться в сложнейших вопросах грядущей семейной жизни. После подачи заявления в загс жениху и невесте предлагается прослушать особый курс лекций по этике и психологии семейных отношений, психогигиене брака. Одновременно в некоторых регионах помогают будущим молодоженам и их родителям наполнить время помолвки интересными встречами, в которых и сами молодые люди, и их родственники могли бы более полно и разносторонне раскрыться друг перед другом.

При этом советуют избегать ставшие дурной традицией обильные и похмельные застолья, где новые родственники стремятся перещеголять «соперников» гостеприимством. Лучше, когда они состязаются в творчестве, в искусстве красивого и рачительного домоводства.

Не раз в публикациях на эту тему высказывались предложения: продлить время помолвки на полгода, а то и на год. Но вряд ли дело в сроке знакомства. Героиня романа Ромена Роллана «Очарованная душа» Аннета Ривьер и за год не смогла бы разгадать-разглядеть духовное чужеродство со своим женихом, не поживи она совсем недолго в его семье. Когда читаешь эти страницы, думаешь: может, в такого рода испытании залог более разумного и безошибочного избрания пары? Пожила бы невеста месяц в доме жениха, жених — в доме невесты, на правах друга-подруги, тогда клятвы, что они произносят при заключении брака, были бы более осознанными и надежными.

Помолвка — генеральная репетиция, подготовка к свадебному действу, великому, без преувеличения, событию в жизни людей. Когда-то, в старину, наши предки начинали к нему готовиться в пору безмятежного детства будущего жениха или невесты. Девочке излаживали приданое: белье, одежду, посуду и другой хозяйственный скарб. Мальчику откладывали деньги на обзавод своим домом, скотом, инструментом. Приданое было не только доказательством материальной состоятельности рода, но и его трудолюбия, умелости, искусности. Ведь нередко весь обзавод изготавливался родней и самими будущими невестами и женихами. И когда на всеобщее обозрение выставлялись полотенца, подзоры, расшитые и изукрашенные вышивкой, кружевом, всем становилось ясно: что́ за рукодельницу нынче замуж выдают, каков стиль и вкус у данного семейства. То же самое у жениха: какова у коня упряжь, что за возок везет молодца и его родню, таков и будущий хозяин.

И сама свадьба в народе нередко становилась долгим, изобретательным спектаклем с песнями, танцами, со строгим сценарием и одновременно — безудержной импровизацией, где соавторами были все участники празднества.

Но чем богаче были семьи, тем меньше в них было именно этого духа самодеятельности, тем больше покупного, заемного веселья, тем больше демонстрации не того, что род *умеет*, но что он *имеет*. В прошлом веке — начале этого столетия печальную славу приобрели скандально-размашистые купеческие свадьбы: с многодневными запоями, с битьем посуды и физиономий гостей.

К сожалению, с ростом благосостояния нашего народа появились последователи именно такого способа справлять свадьбу, когда все силы, все средства двух семей бросаются на то, чтобы пустить пыль в глаза окружению «пышностью и богатством». Вместо того чтобы самим готовить застолье, изобретать способы развлечения гостей, платят огромные деньги за рестораны,

за оркестры и ансамбли, оглушающие гостей грохотом, приглашают платных увеселителей, которые проводят торжества по единому сценарию, без различия образовательного, культурного уровня, национальных традиций участников праздника.

Эта тяжеловесность и ординарность, казенная пышность свадеб нередко встречает сопротивление у самих виновников торжества. Многие современные женихи и невесты предпочли бы скромный ужин в тесном кругу друзей и ближайших родственников, завершающийся свадебным путешествием. Но этому, как правило, противится старшее поколение: «Что скажут другие родственники, соседи? Обвинят в жадности, в неуважении. Нет, пусть уж все будет как у людей». А поскольку некоторые новобрачные находятся на иждивении у родителей, то они принимают волю старших безоговорочно: «кто платит, тот и музыку заказывает».

Но постепенно появляется новая тенденция: справлять свадьбу в туристском походе, в альпинистском лагере, в различных клубах. Возникает и противостояние коллективному пьянству: уже прошли свадьбы без горячительных напитков у членов общества трезвенников в Днепропетровске. И оказалось, что такая свадьба и поет, и пляшет, и веселится лучше той, что всячески подогревается спиртными напитками. Здесь помнят заповеди древних: жениху и невесте, да и потом — новобрачным до появления детей вино категорически противопоказано, чтобы всю жизнь не оплакивать последствия такого «веселья», глядя на уродов-деток. И ни у кого не остается горькой оскомины от непременных спутников обильных возлияний — драк, скандалов между гостями, вызовов стражей порядка.

Теперь попробуйте сами для себя решить: нет ли и у вас отмеченного здесь «раздвоения» в оценках достоинств своих друзей-подружек и тех, кто вам видится возможным партнером для грядущей жизни? И нет ли возможности свести к минимуму этот разрыв? А еще: уже теперь, загодя, наверное, стоит осмыслить, что предъявите вы своей будущей «половине» в период помолвки и свадьбы, что ваша семья имеет или что умеет. Коли не накоплен необходимый «капитал» навыков, умений, стоит поторопиться. Как и с упражнением в проведении разного рода встреч, праздников, состязаний. Все это пригодится, чтобы расцветить, украсить не только торжественные мгновения свадьбы, но и долгое однообразие супружеских будней.

Молодожены

«Праздник, который всегда со мной» — так, видимо, почти словами Хэмингуэя многие назовут время, следующее сразу после свадьбы. Радость неразлучного общения, возможности, не таясь, проявлять чувства, сдерживаемые и с трудом скрываемые недавно. Половодье эмоций, обостренное восприятие любого слова: радость — от доброго, обида — из-за каждой малости.

По инерции молодые живут, сохраняя привычки той поры, когда еще они были женихом и невестой: дома не сидится, тянет к друзьям, в компанию, на танцы, в кино. И родители, сочувст-

вуя их настроению, не торопятся впрячь юную пару в водоворот домашних забот и обязанностей. Но, нравится или нет, хозяйственные дела начинают постепенно обступать беспечных молодоженов, заставляют сокращать время потехи, впрягаться в непривычные и не всегда увлекательные занятия.

И впрямь: хочется в гости пойти, а рубашки у мужа нестираные, чистых носков тоже нет. Утром нужно бежать в институт, на работу, а хлеб вчера купить не успели, завтрака нет. Молодые люди смотрят друг на друга и ждут: кто первый возьмется за выполнение неотложных дел? Кто откажется от предстоящего удовольствия пообщаться с приятелями, почитать интересную книгу ради того, чтобы навести порядок в комнате, постирать белье? Да, конечно же, оба, вместе, разом! Весело, с озорством и насмешками над неумелостью берутся многие молодожены за любое дело. Их увлекает игра во взрослую жизнь, как же, они уже не чьи-то дети, сын и дочка, а муж и жена. Слова-то какие, странные, строгие даже. Ведь они теперь должны вести себя и чувствовать совсем не так, как прежде, и к ним окружающие должны относиться по-иному, более солидно, уважительно.

Проходят дни, месяцы. И постепенно начинает утихать острота ощущений от радостной близости. Реже бурные всплески озорства, игры, чаще появляется потребность побыть одному, что-то обдумать, передохнуть от надобности быть постоянно в добром, благодушном настроении, быть внимательным и чутким к любимому человеку, тем более к новой родне.

Это верный признак, что праздники любви кончаются, начинаются ее будни.

...«Будни, быт, обыденность», бу-бу-бу, бы-бы-бы! Уже в звучании этих слов глухое бубнение, раздражающая монотонность.

«Ужели то был сон, а это — пробужденье?»

Самое тяжкое испытание, что настигает юных супругов, не идущее ни в какое сравнение с жизненной неустроенностью, с нехватками денежными, с неумелостью хозяйственной,— будни. Достижение желаемого, повторяемость отношений, событий, реакций. Как известно: молодость особо жадна до всего необычного, нового, требующего выдумки, риска даже, преодоления любых препятствий. И это неважно, где ведется борьба, поиск: в учебе ли, на работе или в любви. А тут — рубеж взят, высота завоевана. А что дальше? Не ясно. Спуск с поэтических вершин в долины прозы? Экзамен этот, увы, не выдерживает немалое число молодых пар.

«Живя тесно вместе, люди слишком близко подходят друг к другу, видят друга слишком подробно, слишком нараспашку и незаметно срывают по лепестку все цветы венка, окружающего поэзией и грацией личность»,— предостерегал А. И. Герцен.

«Обесцвечивание» себя и другого — второй труднейший экзамен, который нередко не выдерживают молодожены. Хотя проходят его непременно все, реагируют на него по-разному.

Третий экзамен: распределение ролей, обязанностей в маленьком государстве, именуемом семьей.

Давайте попробуем поразмышлять о характере этих испытаний и о том, каким образом можно выйти с достоинством из ловушек, уготованных молодым супругам совместной жизнью.

Прежде всего молодоженам придется осознать очень простую и очень трудно усваиваемую истину: любовь юношеская, добрачная, внебрачная лишь внешне схожа с любовью супружеской. Они — сестры, но отнюдь не одно и то же. У древних греков было два обозначения любви. «Эросом» они называли желание обладать любимым существом, «агапе» — стремление отдавать себя, свои помыслы, силы для счастья любимого. Первое чувство более эгоистично и беспечно, заземленно, второе — более самоотверженно и строго, возвышенно.

Супружеские отношения, по сути, постепенный переход первого чувства во второе. Переход этот редко происходит без особых затруднений и усилий мужа и жены. Иногда им даже начинает казаться, что новое состояние вовсе и не любовь, поскольку в нем меньше удовольствия, больше труда души. Но нам уже известно, сколь переменчив лик у этого чувства.

До супружества (и вне супружества) отношения молодых людей напряжены до крайности. Идет своеобразная война, цель которой — завоевать внимание, любовь. Все силы, помыслы, способности сосредоточены на этом. Оттого в первые месяцы, у кого-то и годы после свадьбы — ненасытность в ласках, взаимное опьянение. Но человеческий организм не способен жить постоянно в состоянии предельного напряжения и опьянения. Тем более что желания теперь могут быть удовлетворены без борьбы, страсти, отбушевав, покойно укладываются в берега повседневности. Тогда-то и можно говорить, что возлюбленные становятся супругами.

Повторяю, как мир отличается от войны, так семейная любовь от внебрачной или добрачной. Война, известно, требует подвигов, крови, жертв. Мир — трудолюбия, выдержки, сочувствия и терпимости. Но каждодневное служение одной цели, одному человеку нередко оказывается куда более сложным испытанием для характера, чем кратковременный порыв чувств и желаний. Потому и не все молодые люди безболезненно проходят этап превращения влюбленно-напряженного чувства в спокойно-супружеское. Или, лучше сказать,— в семейное, которое, вероятно, гораздо глубже, сильнее, многограннней и, не побоюсь этого слова, возвышенней просто любовного влечения, воспетого всеми поэтами земли.

Кто-то скажет: нет такого чувства! Нет такого названия. Чувство есть. Мы признаем существование дружеского чувства, товарищеского, признаем самостоятельным и ценным единомыслие, сострадание, чувство отцовства и материнства, чувство ответственности и долга, наконец, называем привычку второй натурой. Семейное чувство и есть сложный сплав всех этих чувств

вместе с «мирно-любовным» влечением мужа и жены друг к другу и к плодам любви — к детям. Сплав этот у каждой пары неоднороден: у одних преобладает единомыслие, товарищество, дружеское участие; у других — физиологическая страсть; у кого-то сильнее проявляется чувство ответственности, родительского долга, у кого-то привычка и т. д. и т. п. Но в той или иной мере присутствуют все необходимые компоненты. Это соотношение и определяет эмоциональный портрет конкретной пары.

Чувство семьи, дома нам хорошо знакомо по бессознательной радости возвращения в родное лоно после долгого отсутствия. А многие знают тоску по нему, которая настигает даже тогда, когда и друзьями человек не обижен, и соратниками не обойден, и всяческими удобствами и удовольствиями. И все же мается одиночеством при полном «комплекте» связей и отношений. Это оттого, что все чувства существуют раздельно, не воплощены и не сосредоточены на одном человеке. Отсутствие этого *единственного*, вобравшего в себя всю гамму эмоций, и мешает испытывать и сознавать полноту и гармонию бытия.

Нередко только этим чувством, необъяснимым и даже неосознаваемым, держатся отношения между супругами, когда они и не очень-то дружны, часто ссорятся, а жить врозь не могут. Как сказали бы старики: домовой не пускает разбежаться.

Что люди разных слоев и положений решительно отличают супружескую, семейную любовь от ее меньшей сестры — любовной страсти, на мой взгляд, очень впечатляюще доказывает такой исторический факт. Английский король Эдуард VIII полюбил американку Уэллис Симпсон, дважды побывавшую замужем. И пожелал на ней жениться. Этому воспротивился весь парламент и все духовенство, считавшие, что подобный брак подорвет авторитет монарха и самой монархии в глазах англичан. Советники предложили королю сохранить уже сложившуюся с Симпсон связь, не узаконивая ее.

По сути, королю не возбранялось делить с подругой ложе, но не разрешалось делить с ней жизнь, заботы и радости. Он не мог принять унижающие его избранницу условия. Эдуард VIII предпочел брак с любимой женщиной королевскому трону. Он отрекся от престола и покинул Англию. Это событие отнюдь не из давних, рыцарских времен служения Прекрасной Даме. В наш рациональный век, в 1936 г. произошел этот случай. Кстати, далеко не единственный. Потому что в России перед революцией на подобное же «безумие» отважился законный наследник российского престола великий князь Михаил.

Нечего говорить, что среди людей, которым приходилось жертвовать куда меньшими ценностями и привилегиями, такие факты дело обычное. И напрасны уверения, будто сам брак, т. е. признание мужчины и женщины друг друга супругами,— лишь формальная подробность. Как бы ни обставлялись эти «условности»: пышными ли торжествами или просто соединением рук с добрыми

напутственными словами, с этой минуты два человека признавали себя принадлежащими друг другу и никому больше, связанными честью, совестью, верностью, уважением и взаимопомощью.

Супружеские отношения в корне меняют психологию мужчины и женщины, их внутреннее состояние. Об этом убедительно пишет теоретик семьи, доктор философии А. Т. Харчев: «В отличие от полового инстинкта или даже от страсти любовь (супружеская или семейная.— *Т. А.*) как нравственно-эстетическое чувство имеет своим предметом не просто существо другого пола, а человека, в котором в той или иной степени развита личность, который обладает не только физической, но и интеллектуальной и эмоциональной ценностью и в котором сама физическая привлекательность служит лишь как бы выражением высоких духовных качеств, т. е. приобретает уже эстетический характер».

Приходилось вам, наверное, встречать семейные пары, что на долгие годы сохранили свежесть чувств, блеск глаз при виде «половины». Приглядитесь к стилю их общения: внимательная доброжелательность, вежливая сдержанность, аккуратность в слове и жесте.

Подобный стиль отношений доступен большинству супругов при соблюдении некоторых условий чисто профилактического свойства. Прежде всего уяснить для себя, что первые, медовые месяцы, когда еще сохранилась естественная сдержанность, стеснительность, наилучшее время для выработки «рефлексов семейного общения».

Элементарные из них: не повышать голоса при выяснении спорных вопросов. Напротив, чем очевиднее разногласие, тем тише, мягче и вежливее должна быть речь. Ссору легче не начинать, чем прекратить, чем потом мириться, зализывать раны, нанесенные в азарте сражений, где нет и не может быть победителей, но есть только побежденные. Ведь искренне любящий страдает не только своей болью, но переживает и мучения любимого существа. Значит, раня его, ранишь себя и одновременно убиваешь самое главное, самое ценное для обоих: любовь. Есть ли на свете предмет для спора, который стоил бы таких жертв? Кроме, естественно, предательства, измены этой самой любви.

К недостаткам и слабостям друг друга относиться так, как относятся родители к неумению, несовершенству своего дитяти: с терпением и надеждой, что это умение придет, выработается со временем. И учить не словом, упреком, а делом, собственным примером. Коли же сам (сама) не способен (способна) показать, приучить, не требуй от другого: несправедливо и бесполезно.

Учитывать возрастные и половые особенности как в мировосприятии, так и в интимных отношениях. Вспомните: женщина, ровесница мужа, психологически, эмоционально старше его. Она больше разумеет в области человеческих отношений, он — в предметном и знаковом мире. И нужно доверять природным способностям друг друга. Нет ничего зазорного в том, что мужчина

спрашивает совета у жены и слушается ее, если, конечно, жена дорожит этим доверием и не злоупотребляет им, низводя мужа до положения безвольного исполнителя своей воли.

Мы говорили, что человеческий организм — сложнейший инструмент, у мужчины и женщины он кардинально отличается и тональностью, и способом настройки. Как вы уже знаете из лекций по половой гигиене, у женщины физиологические процессы вызывают более глубокие и сильные эмоциональные и психические переживания. И чтобы эти переживания были позитивными, нужна половая и этическая грамотность супруга.

Впрочем, если вы внимательно читали все, что было написано об особенностях отношений молодоженов, то обнаружили требования, основывающиеся на культуре чувств, о которой мы говорили выше. Кто способен тонко воспринимать красоту окружающего мира, проникаться удивлением перед загадкой и чудом человеческой натуры, кто добр, чуток в деловых и дружеских отношениях, тот и в интимной сфере проявит эти свойства, найдет дорогу к сердцу любимого человека, не обидит, не унизит его ни словом, ни жестом.

При этом необходимо высказать и такое предостережение. Порой случается так, что избыточная застенчивость и скромность, переходящие в скованность, оказываются столь же вредными для естественного проявления человеческой любви, как и безоглядное бесстыдство. Найти внутреннюю гармонию, нужную тональность, приемлемую обоим возлюбленным,— это и есть творчество в любви.

Некоторые специалисты считают, что неведение в области интимных отношений чаще всего становится причиной ссор и даже разводов. Что и говорить: невежество в любой сфере блага не сулит. Однако до сей поры, пожалуй, не установлено, когда половая неудовлетворенность есть причина разногласий, а когда — следствие их. Если супруги предъявляют друг другу высокие человеческие и нравственные требования, а они не удовлетворяются, то и интимные отношения при абсолютной «грамотности» могут стать невозможными и вызвать лишь чувство отвращения.

По всей вероятности, эта сфера чувств и отношений не у всех и не всегда играет основную роль в системе семейных связей. Иначе были бы невозможны многие месяцы и даже годы полного воздержания, верности, когда любящие разлучены или один из них тяжко и долго болеет. Да и без этих крайностей «...самые честные женщины обычно больше всего и сохраняют власть над своими мужьями; благодаря разумной и тонкой сдержанности, не прибегая ни к капризам, ни к отказам, они умеют в самом нежном союзе держать мужа на известном расстоянии и никогда не дают пресытиться ими». Так писал в «семейной энциклопедии», в нравственно-философском романе «Новая Элоиза» Жан-Жак Руссо. Но никто и нигде не написал, что можно умереть от сексуального голода. От сердечной тоски по любимо

му - да, но не от неисполненного физического желания. Напротив, из-за холостяцкой неупорядоченности и излишеств частенько хворают и даже умирают, при этом именно «гурманы». Здесь вполне уместно сравнение насыщенности физиологическими радостями пола с насыщением пищей. Про сексуальный голод можно сказать то же самое, что и про пищевой: естественные потребности и запросы удовлетворить сравнительно легко, если они не выходят за рамки нормы, а искусственные — невозможно. Всегда будет возникать желание вкусить нечто прежде неведомое.

Для того чтобы лучше понять свойства своей натуры и свойства партнера, молодоженам предоставляется возможность обратиться к специальной литературе, во множестве появившейся в последнее время. Им навстречу идут и медики, и психологи, и философы-этики.

— А как же согласовать такие рассуждения с тем, что раньше говорилось о «науке любви» как о пособнице разврата, которая причинила огромный вред нравственности молодежи на Западе?

Знакомство с отечественной и с литературой стран социалистического содружества убеждает: характер полового просвещения, содержание статей, книг, рекомендаций специалистов у нас направлены на очеловечивание природных инстинктов, их облагораживание, эстетизацию. Нам чуждо обездушивание секса, его механизация, присущие некоторым западным «просветителям». Не копируют наши сексологи и культ любовных игр, сложившийся издревле в некоторых странах Юга и Востока. Ученые ищут сами и нас приглашают к поискам такого любовного поведения, которое основывалось бы на глубоком знании человека как цельного, одухотворенного существа, наделенного определенными этическими и этническими установками, и индивидуальными, по темпераменту и психике, особенностями натуры конкретной супружеской пары.

Насколько данная проблема трудна для постижения, свидетельствуют мучительные раздумья об этом многих великих умов человечества. К примеру, Л. Н. Толстой посвятил ей такие значительные произведения, как «Крейцерова соната», «Отец Сергий», «Дьявол», написанные на склоне лет, когда писатель стремился распутать самые глубинные, узловые вопросы бытия.

Эту тему мы оставим без подробного обсуждения, как обычно окружающие оставляют без посторонних глаз молодоженов. А вот на кухню к ним можно наведаться, в магазин с ними увязаться, в прачечную, чтобы узнать, как они справляются с хозяйственными заботами и нуждами, как распределяют обязанности, используют права.

В единой упряжке

«Супруги» — «соупряжники» в общем тягле жизни. О том, что семейный быт нелегок, вы знаете не по книжкам, а по собствен-

ным наблюдениям за родителями, соседями, знакомыми. Как же нынче складываются отношения мужа и жены в хозяйственной сфере?

Многие писатели еще совсем недавно с сарказмом и иронией обрушивались на тех своих персонажей, которые пытались вдумчиво-серьезно решать эти житейские вопросы. «Погрязла в быту» — именно так аттестовали поведение женщины, если она занималась домашним хозяйством, а не бегала сама по закусочным и не держала своих детей на сухом пайке, на бутербродах с чаем, все остальное время заполняя суетным служением идолу «красивой жизни».

Теперь вы все чаще читаете книги, видите фильмы, в которых звучит своего рода светлая печаль по уходящему в прошлое теплому, духовитому домашнему пирогу, по незатейливым и милым радостям семейных вечеров, когда за общим столом собираются многочисленные домочадцы, рассказывают истории, байки, поют песни, а то еще рукодельничают: вяжут, плетут, строгают, чинят.

Здесь мы опять найдем взаимосвязь, зависимость всего, что делается в доме, от общественных процессов.

Домашний труд до последнего времени был самым тяжелым и малопроизводительным. Крестьяне, по сути, не знали ни роздыху, ни сроку в работе, которая вся шла на удовлетворение самых элементарных жизненных потребностей: наесться досыта, иметь крепкую крышу над головой, теплую и крепкую одежду и... немного радости, веселья на праздники. Те же потребности были и у городского труженика, с той лишь разницей, что пищу, кров и одежду он приобрел за тяжкий труд не в поле, а на фабрике и заводе. В таких условиях и муж, и жена были загружены работой как вне дома, так и по дому. Естественно, что гуманисты призывали освободить людей от такой кабалы, как призывали облегчить промышленный и крестьянский труд. Особо ставился вопрос о раскрепощении женщины. Ведь в семье все обязанности, связанные с готовкой пищи, с уборкой помещения, со стиркой, шитьем, с уходом за малыми детишками, т. е. работы ежедневные, неизбывные, исполнялись женщинами. А дела, пусть и требующие большой физической силы, но не каждодневные: заготовка дров, строительство и ремонт дома, изготовление всякого домашнего скарба и инвентаря, держались на ловких и могучих руках мужчин.

Развитие общественного производства привело к тому, что многие трудовые операции стали перекладываться на железные плечи машин, всякого рода агрегатов-автоматов. Изменились и производительность труда, и его характер, и условия. Из надсадного, беспросветного, нередко обесчеловечивающего он постепенно превращается в творческий, достаточно разнообразный и эффектный. А труд по домашнему обслуживанию, сократив до предела исконно-мужские заботы (о дровах, о свете и тепле, о

воде и скотине), для женщины долгое время оставался прежним по напряжению, «ассортименту» и снаряжению.

Извечное круговерчение вокруг плиты, корыта, с половой тряпкой, спицами и иголкой в руках. Да и что это за производительность такая: полтора часа стоит хозяйка у плиты, а семья управится с ее продукцией за пятнадцать минут, оставив ей гору грязной посуды. И что это за условия труда, коли нет отпуска, нет выходных и если хозяйка, как в стародедовские времена, «и швец, и жнец, и на дуде игрец»?

В сравнении с самыми прогрессивными сферами деятельности, действительно, домашняя работа долго выглядела неким анахронизмом, отнимающим у людей время и силы, но ничего не дающим. Казалось, что ее вполне может заменить сфера общественного питания и обслуживания. И сама женщина еще совсем недавно рвалась с «бессрочной каторги» домашних дел к работе, к коллективу, к книгам, собраниям, к путешествиям и творчеству.

Так было до последних лет. Во второй половине 70-х годов в отношении к домашнему труду наметилась иная тенденция. В результате огромных преобразований, социальных и экономических, многие жены и матери обрели реальную возможность свободного выбора: питаться ли дома или в столовой, самой ли шить или в ателье отдать, стирать или пользоваться услугами фабрики-прачечной, самой ли ухаживать за малыми детьми или поручить воспитательницам в яслях и садиках. Тогда-то и появились новые ноты в дискуссиях о быте, о его достоинствах и изъянах. Появились высказывания уже о преимуществах домашнего труда перед некоторыми общественными услугами.

Давайте вместе попытаемся разобраться в существе данной проблемы. И сначала поговорим о распределении обязанностей, о степени загруженности современных мужей и жен.

Из социологических исследований известно: $^2/_3$ всех забот и трудов по дому нынче несет на себе «слабый пол», а «сильный» в это время «болеет» на стадионах, исследует газеты, продавливает кресла и диваны перед телевизором, а то и еще хуже — пропадает у пивных стоек.

И это при том, что женщина стала полноправной соратницей мужчин в народном хозяйстве. Нынче женщины нашей страны составляют бо́льшую часть трудового населения. Среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщины у нас составляют 59%. В сравнении с 1928 г. число таких специалистов возросло в 103 раза! В некоторых сферах общественного производства, науки и культуры они вообще занимают доминирующее положение: например, в торговле, общественном питании, здравоохранении, в народном образовании, в сфере отдыха, развлечений, социального обеспечения и т. д. и т. п.

Одно время раздавались голоса о необходимости вернуться к традиционному распределению ролей в семье: муж — кормилец, добытчик, защитник домочадцев, жена — хозяйка в доме, воспита-

тельница потомства. Некоторым молодым людям, не очень-то осведомленным в истинном положении вещей в прежние времена, казалось, что этот шаг назад развяжет все конфликтные узлы в отношениях между современными супругами.

— Я очень люблю свою жену и жалею ее. Поэтому не допущу, чтобы она перегружалась на двойной службе. Пусть она сохраняет свою красоту и женственность и пусть ей достанутся лишь мелочи быта: расходы, покупки, готовка, уход за детьми, а глобальные проблемы, вроде обеспечения нашего материального благополучия, общественного положения семьи, как и положено мужчине, я возьму на себя. Что мы слабее наших предков, чтобы не вытянуть эту ношу?

Подобные высказывания доводилось слышать неоднократно.

Наивные суждения. Точнее, неграмотные.

Во-первых, и в прежние времена ни один мужчина был кормильцем семьи. Женщина из бедных, трудовых слоев и прежде сочетала работу для прокормления семьи с чисто домашними делами, была вторым кормильцем семьи, а то — и единственным. Это — вдовы, солдатки, жены плавающих и странствующих! Это — незамужние матери, которых и в прежние, суровые для незаконнорожденных детей времена было не так уж мало. Часть женщин возглавляла «семейное дело», вроде известной Кабанихи, Вассы Железновой и т. п.

Российские крестьянки, жены ремесленников, мелких торговцев делили со своими мужьями все тяготы по добыванию средств к существованию, порой не отходя далеко от плиты и корыта. А жены рабочих нередко сами шли на заводы и фабрики либо пополняли штаты господской обслуги: становились прачками, кухарками, швеями. Только те, у кого ребятишек семеро по лавкам сидело, оставались дома и то нанимались на поденщину. Даже печально знаменитая чеховская Душечка, послужившая мишенью для града насмешек, будучи замужней женщиной, совмещала службу в театре и на лесоскладе с хлопотами по дому.

Не знали забот и труда лишь состоятельные аристократки, и то не все, а с определенным отношением к жизненным ценностям и радостям. Домом они не занимались, детей не рожали, а если и производили на свет одного-двух, то целиком передавали их на попечение наемным воспитателям и учителям.

«Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины... Разделение труда между обоими полами обусловливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами. Народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо больше подлинного уважения, чем наши европейцы. Дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает бес-

конечно более низкое общественное положение, чем выполняющая тяжелый труд, ...которая считалась у своего народа действительной дамой, ...да по характеру своего положения и была ею» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 53). Ф. Энгельс, как видите, считал, что тяжелая работа никак не мешала женщине быть «действительной дамой». Более того, женщины некоторых племен американских индейцев, о которых тоже говорилось в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» как об истинных леди, не отходя от очага и не подменяя мужей на охоте, вершили основные дела своего племени, вплоть до смещения его вождей, не теряя при этом подлинно женских свойств натуры, как и английские пролетарки конца XIX в.

Невозможность обществу двигаться вспять объясняется законами исторического развития, соображениями социально-экономическими и психологическими. Современная экономика развитого социалистического общества не может обойтись без участия половины своего трудоспособного населения в производительном труде. Да и эта «половина» вряд ли захочет отказаться от реализации своих способностей на ниве общественного труда. Не захочет отказаться и от материальной самостоятельности.

Опытом доказано: жена и мать, ограничившая свой кругозор лишь домашними делами, в меньшей мере способна понять и разделить внесемейные заботы мужа и детей. И воспитательницей она будет менее авторитетной, мыслящей узкими категориями собственного клана, что тоже немаловажно в нынешних условиях, когда дети имеют перед собой постоянные примеры женщин эрудированных, широко образованных, успешно справляющихся и с работой и с семейными обязанностями. Естественно, что такое сравнение будет не в пользу матери-домоседки.

— А как же мать В. И. Ленина, Мария Александровна, жена К. Маркса, Женни Маркс? Они ведь нигде и никогда не служили, а были для своих детей и мужей — идеалом, непререкаемым авторитетом, женщинами высокообразованными для своего времени и даже разносторонне талантливыми. Все свои дарования они отдали семье. И никто не поставил им такую «жертву» в упрек. Напротив, только восхищались и брали в пример.

Сказать, что обе выдающиеся женщины были только «домашними хозяйками» — значит обеднить их роль в деятельности тех, кто заслужил любовь и поклонение коммунистов всех стран. Они были соратницами, помощницами, одна — гениального сына и других своих детей — революционеров, другая — гениального мужа. И это была их работа, которая гармонично сочеталась с сознательным и ответственным отношением к чисто материнским и супружеским обязанностям. Они никогда не считали бытовые заботы чем-то неважным, удручающим и оглупляющим их душу.

У многих же современных женщин сформировалась система ценностей, в которой домашние труды, к сожалению, имеют самые

низкие оценки. Можно ли ожидать в таком случае должного старания, искусства в исполнении семейных обязанностей, того глубокого удовлетворения, которое испытывали многие матери и жены, видевшие в домашних хлопотах возможность деятельно выразить свою любовь? Конечно, нет.

Шкала оценок. Не в ней ли причина неудовлетворенности многих и вполне благополучных женщин?

О том, кто она — женщина — в собственном доме, что для нее самой и для окружающих ее повседневные хлопоты, заботы, переживания, так или иначе осмысливает каждый из нас. В детстве мы думаем о маме, о других взрослых женщинах, что они слишком мало занимаются семьей и нами, что они все время куда-то убегают, спешат. Нет, чтобы побыть с теми, кому они больше всего нужны, т. е. со своими детьми. Потом, обзаведясь собственным домом, видим все в ином свете: жалеем время, силы, способности, которые отнимает дом, отрывая нас от любимой работы, от интересных людей и встреч. А становясь бабушками и глядя на следующее поколение молодых женщин с высоты собственного опыта и зрелости, снова досадуем: как беспечно и эгоистично дочери и невестки расходуют время и себя. Ну, добро бы работа отвлекала, а то еще и ателье, парикмахерские, телевизор, вечеринки, культ- и турпоходы! Лучше бы с детьми посидели, позанимались с теми, кому сейчас больше всего нужны и кто им самим больше всего нужен. Ведь ничто — ни фильм, ни книга, не может сравниться с наслаждением, которое дает растущий ребенок. И в то же время, будучи бабушками, сами не хотим, не можем ограничить себя стенами дома: его забот и радостей нам мало для ощущения полноценной жизни.

Видите, как меняется суждение об одном и том же предмете в зависимости от возраста. Мы с вами уже говорили о цикличности в отношениях человека к своей семье, к дому. В прежние времена эта цикличность менее сказывалась на поведении женщины, поскольку ее социальное положение было зависимым да и домашнее хозяйство не отпускало от себя. Теперь и у нее появилась возможность реализовать свои желания, способности в деловой сфере. Оттого она в определенные периоды больше тяготится домашними трудами, чем общественными, а в иные — наоборот: тянет ее осесть дома.

Меняется оценка семейных ценностей и в зависимости от уровня образования, культуры женщины. Чем выше образование, чем дальше она на производстве от физического труда, тем меньше удовольствия испытывает она от домашних занятий, тем более протестует против «закабаления» ими. В газетных дискуссиях по проблемам женской загруженности, о разделении обязанностей между мужем и женой решительно преобладают голоса научных сотрудниц, актрис, журналисток, учителей, врачей, юристов. Лишь изредка вступают в споры фабричные работницы, строители. Помалкивают деревенские жительницы: доярки, поле-

воды, кому, казалось бы, в первую голову следовало бы протестовать против физических перегрузок.

При внимательном изучении этого парадокса, когда больше шумят те, кому сочетание физического труда с умственным лишь на пользу, удалось обнаружить его причины. Прежде всего они в социальной значимости образования, оценке интеллектуальных видов труда. Сравнительно недавно высшее образование, да и гимназическое (по нынешним меркам — среднее) было привилегией имущих классов. А это значит, что семья, получившая доступ к образованию, имела достаточно средств, для того чтобы все бытовые заботы переложить на плечи прислуги. Адвокаты, чиновники, врачи, учителя, актеры, как бы ни были бедны и неудачливы, сами никогда не мыли полов, не готовили себе пищу, не стирали белье. Для этого существовали бедные, мужчины и женщины, готовые за угол, питание и грошовый заработок исполнять всю черновую работу.

В советское время, даже после войны, еще существовали различия между людьми с высшим образованием и теми, кто имел минимальное и охотно брался обслуживать представителей интеллигентного труда. Домработницы, няни были распространенным явлением. Постепенно эта категория помощников семьи исчезла, а точнее — эти работники перешли в государственную сферу труда. Быть прислугой у частного лица стало непрестижно.

Теперь образование стало достоянием всего народа. Это — высочайшее социальное завоевание, как и постепенное стирание граней между умственным и физическим трудом в общественном производстве. Однако стереотип сознания меняется крайне медленно. Оттого у многих работников интеллектуальной сферы сохраняются притязания на то, чтобы вся черновая работа делалась кем-то, домработницами или «домроботницами», т. е. атоматами, только не ими. В особенности к этому стремятся женщины — творческие работники и руководители: на работе они — уважаемые, авторитетные люди, управляют делами больших коллективов, а в собственном доме — вроде бы прислуга.

Еще одна причина неудовлетворенности заключается в специфике умственного труда. Чтобы достичь определенных профессиональных высот в сфере интеллектуального труда, на руководящем посту, необходимо все помыслы сосредоточить на работе. А как это сделать, если женщина вынуждена думать о множестве домашних дел, о воспитании ребенка, о здоровье домочадцев? Голова-то у нее одна: если она занята профессиональными заботами, то, естественно, выключена из семейных интересов, а если обращена мыслями к дому, то упускаются из поля зрения важные проблемы на службе. Оттого женщинам, занятым физическим трудом, иной раз легче сочетать работу на производстве с семейной нагрузкой. Ведь современный домашний труд тяжел не столько физическим, сколько нервным напряжением. *Забота* — вот что тяготит больше, чем работа по дому.

Многие исследователи человеческой натуры в доказательство интеллектуального превосходства мужчины всегда приводили список гениев из числа представителей данного пола и весьма скромный перечень фамилий женщин-титанов. По всей вероятности, первопричина такой диспропорции именно в том, что материнство — высший акт творчества — и последующие заботы о семье, детях не позволяли женщине предельно сконцентрировать свой интеллект на научном и художественном поприще. Нынче женщина устает не столько от физических перегрузок, сколько от неравномерного распределения работы.

Жена-мать выдержала бы куда большие тяготы, если бы видела: у всех домочадцев тоже руки заняты, тоже голова о доме болит. «Дружно — не грузно. А врозь — хоть брось».

Отчего все внимание в спорах о хозяйственных делах сосредоточено на женском самочувствии? Разве уж так беспечно и беззаботно состояние современного мужчины в собственном доме? Как он разрешает возникающие проблемы?

Мужчина в доме... Мы уже говорили: он заметно облегчил свою рабочую ношу в семье. Стало ли ему от этого легче и уютней? Конечно, нет. Меньше труда — меньше авторитета. Дальновидные мужья сейчас сами ищут полезное занятие, недальновидные ищут оправдание своему безделью. Прежде всего прикрываются традицией: дескать, всегда домашняя работа была уделом женским, а кто спешит подключиться к ней, тот, видать, оказался «под каблуком» у своей супруги. И не замечают, что сами при этом оказались «под каблуком» у предрассудков: будто и впрямь существует работа, которая может унизить мужское достоинство. Но стоило бы им оглянуться вокруг, как суждение это разлетелось бы. Самые знаменитые кулинары, повара — мужчины. Долгое время в прачечных орудовали они же, портные, полотеры, мойщики стекол... (можно продолжить этот список) — кто они? Разве не заслуживающие нашего признания специалисты? Даже если мужья не достигнут профессионального мастерства в готовке, стирке, а просто будут уметь исполнять любую из названных работ, это уже поднимет их в глазах любящей жены. Да что говорить о семье, когда в чисто мужской среде — в армии — умелец, у которого из рук ни поварешка, ни иголка не вывалится, весьма авторитетная личность. То же самое в геологической партии, в дальнем плавании и путешествии, в турпоходе. Впрочем, турпоход и в вашей среде открывает новых лидеров, этих самых ребят — на все руки мастеров, что и огонь разожгут в сырую непогодь, и суп отменный из ничего сготовят, и разорванные штаны починят, так что и следа не заметишь.

Современные мужчины могут найти себе применение и в обслуживании всяческой домашней техники, и в изобретении бытовых приспособлений. Обратите внимание: такой солидный журнал, как «Наука и жизнь», почти из номера в номер публикует описание всевозможных поделок, на которые занятые и знающие мужчины

не считают зазорным потратить время и мыслительную энергию. А какое распространение получило увлечение домашним конструированием мебели, столярным ремеслом. Глядишь иной раз на «стенки», сооруженные искусными руками хозяина дома, и удивляешься: вот ведь не пропал талант зазря, хотя главное занятие этого мужчины не имеет ничего общего с его хобби. И ему отрада, и жене гордость, и детям пример.

И вне стен собственного дома немало трудов, которые мужчине-то прежде всего и по плечу. Заготовка продуктов, переноска тяжелых сумок давно бы уже должны стать истинно мужским занятием. Походы в прачечные, в разного рода ремонтные мастерские и ателье обременительны для женщин не только из-за физической нагрузки и потери драгоценного времени, но и из-за общения с работниками службы быта. Точнее — с работницами, как и с продавщицами. Уже доказано: менее конфликтно общение между людьми разного пола. Значит, там, где по одну сторону прилавка, стола приемной ателье стоит женщина, по другую сторону лучше находиться мужчине.

Любое дело красит человека, безделье, пусть и удобное, комфортное, развращает и разрушает. Бездумное «убийство» времени (под видом отдыха) непременно тянет за собой пьянство, распущенность нравов — самые страшные пороки, убивающие одновременно и семью. Как писал великий русский педагог К. Д. Ушинский, необходимо, чтобы «сделалось невозможным то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове, потому что именно в эти минуты портится голова, сердце и нравственность».

Какое точное найдено здесь слово: «лакейское» препровождение времени, а не мещанское, как мы частенько говорим. Мещане — категория деятельная, до суетливости. А именно лакеи ничем не озабочены, никого не жалеют, не испытывают ответственности за других. Пусть у хозяина-барина в семье — у жены голова болит. Только бы время провести в тепле и удобстве. Самое печальное чувство и вызывают обычно молодые люди, которые заранее готовят себя к «лакейскому» образу домашней жизни, а не к хозяйскому — сам себе и всему дому голова.

И все-таки, нельзя ли ускорить автоматизацию и механизацию домашнего труда, чтобы все делалось бы умными роботами, как в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды»: нажал на кнопку — и возникает стол, полный яств, а потом он исчезает со всей горой грязной посуды? А с ним исчезнет один из поводов для распрей и ссор.

Давайте проследим наметившуюся тенденцию в этой сфере и какие приобретения и потери сулит нам «роботизация» семейного производства.

Приглядевшись к нынешнему домашнему хозяйству, мы вынуждены признать, что сетования на его архаичность, на то, что домашний труд не сокращается,— неверны. Если крестьянка еще в

середине нынешнего века на приготовление какого-нибудь нехитрого блюда, скажем, молочной лапши должна была потратить долгие часы напряженной физической работы, то теперь эта процедура у горожанки занимает минуты.

Смотрите: наша бабушка должна была помогать мужу в посевной и уборочной страде, смолотить зерно (нередко вручную), просеять муку, затем сама замесить тесто, настрогать лапшу. И молоко она не в соседнем магазине брала: и траву косила, и сено ворошила, и корову кормила, поила, доила, масло пахтала. И сам процесс варки супа требовал огромных затрат сил и времени: воды натаскай (из реки или колодца), дров принеси, печку растопи... Уфф! Одно перечисление и то утомительно. Оттого вставала хозяйка засветло, ложилась — затемно. Отдыхала за прялкой, веселилась с вязаньем в руках, пела, качая люльку.

Нынче горожанка отсутствует дома почти целый день. На все хозяйственные дела расходует три-четыре часа. И в этот срок успевает переделать столько дел, сколько не каждая ее предшественница-рукодельница успевала. Почему? Да потому, что сам характер домашнего труда, его оснащенность не имеют ничего общего с прежним.

Мы пользуемся высокоэффективными нагревательно-отопительными приборами: плитками, утюгами стиральными машинами, соковыжималками, холодильниками и прочими предметами, значительно сократившими наши траты. Вычислено, что один работник из сферы общественного питания за полный рабочий день (8 часов) может накормить лишь 8 человек. Сюда, естественно, включаются трудовые затраты не только самих поваров, но и множества вспомогательных работников (судомоек, раздатчиц, официантов, кладовщиков, разнорабочих и руководящих работников столовых и ресторанов, а также бухгалтеров, контролеров и т. д.). А одна хозяйка за полтора часа наготовит пищу на семью из трех-пяти человек.

По своей производительности, энерго-электровооруженности и механизации современный домашний труд становится своеобразной разновидностью индустриального.

Вместе с тем мы найдем впечатляющие примеры того, как вместе с тяжелыми, многооперационными физическими нагрузками человек «освобождается» и от необходимых. Судя по данным исследователей, мы свели физические нагрузки до 1—2%, в сравнении с теми возможностями, коими наделила нас природа. А это значит, мы на 98% ослабили себя в сравнении с предками.

Что же станется с нами, если за нас все станут делать домашние роботы? Можно вспомнить роман «451° по Фаренгейту» американского писателя-фантаста Рея Бредбери. Жена главного героя, прикованная к постели (не болезнью — бездельем), интересуется только телевизионной «родней», не имея собственной, не имея детей, не замечая мужа. Да и он толком не знает: зачем каждый день возвращается в опостылевший дом. Дела общего нет,

забот общих нет, интересов — тоже. Чем меньше в семье общего труда, общих забот, тем меньше заинтересованности мужа и жены, родителей и детей друг в друге. Труд не только создал человека, он один помогает ему оставаться человеком, а не автоматом, потребляющим автоматические блага.

Медики-геронтологи, т. е. специалисты, изучающие долголетие, дружно отмечают такую особенность: состояние здоровья и мужчин и женщин, очевидно, зависит от степени физической нагрузки — чем она больше, тем дольше живет человек. И семейные люди поэтому имеют все преимущества перед холостыми.

Конечно, человеку вредны и чрезмерные нагрузки. Каждому из нас стоит определить ту меру усилий, которая, помогая развивать потенциальные возможности, одновременно не позволит превратиться в загнанную лошадь. Гармония в работе, как и во всех других сферах, должна создаваться соразмерностью между «могу», «хочу» и «должен».

У тех, кто обладает чувством меры, каждый час усилий, потраченных на домашнее производство, не вычеркивается из жизни, а прибавляется к ней. Стоит прибавить к нашему времени, к нашим силам, к нашей радости солидный довесок, который получает семья в виде сохраненного здоровья. Это и приготовление пищи в зависимости от состояния организма, возраста, даже вкусовых причуд. И уборка жилья от пыли, грязи, все более скапливающихся в атмосфере городов и порождающих аллергию, астму и иные заболевания, и т. д.

Мы высоко ценим завоевания современной медицины в борьбе с хворями. Но надо воздать должное и женским рукам, что, не зная устали, моют, чистят, трут, утюжат. Это они помогли врачам свести на нет тиф, дизентерию, холеру и прочие бедствия человеческие.

— Не обязательно упражнять мышцы рук стиркой и уборкой. И ноги не в одной беготне по магазинам и стоянии в очередях укрепляются. Куда приятней бег трусцой, упражнения физкультурные, занятия в танцевальном кружке.

И снова находятся серьезные возражения этому оппоненту. Прежде всего перед нами пример холостых молодых людей, женатых мужчин и женщин, живущих за широкой родительской спиной без трудов и хлопот. Ничтожно малый процент из них действительно ищет дополнительные нагрузки на мышцы, большинство же продолжают усиленно культивировать комфорт и неподвижность.

Хочется напомнить еще одно изречение К. Д. Ушинского:
«Есть и такие господа, которые не имеют уже решительно никако-
го дела в жизни, придумывают себе занятие ради душевного и
телесного моциона: точат, играют в биллиард или просто бегают
по улицам, чтобы доконать пышный завтрак и возвратить аппетит
к обеду, но такой труд имеет то же значение, какое имело
рвотное за столом римского обжоры: возбуждая охоту к новым

наслаждениям, оно помогает расстраивать душевный и телесный организм человека. Труд — не игра и не забава: он всегда серьезен и тяжел; только полное сознание необходимости достичь той или другой цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда».

Нельзя сравнивать спорт с домашним трудом, так как они имеют различное нравственно воспитательное воздействие на окружающих. Прежде всего на детей. Физкультура, как известно, лишена очевидного альтруистического начала: мышцы мы накачиваем для собственного здоровья и удовольствия, а работа по дому, укрепляя наше физическое состояние, одновременно служит благу и пользе других членов семьи. Согласитесь, что обучать бескорыстному служению общему благу на словах еще никому не удавалось. Когда же мать и отец жертвуют своим свободным временем, силами, интересами ради здоровья друг друга и детей, то это и есть самый убедительный урок трудолюбия, самоотверженности.

Мне довелось познакомиться с результатами обследований, проведенных в колониях для малолетних преступников и оступившихся подростков. Обнаружилось такое явление: при всех и всяческих различиях в судьбе и характере ребят, попавших в столь печальные места, у них было одно общее, ярко выраженное свойство — отвращение к труду, к любому, физическому, умственному.

«Лень — мать всех пороков» — это вам давно известно. А биографии «детей лени» убеждают: с этим пороком не рождаются, им заражаются в семьях, где старшие каждое трудовое усилие сопровождают стенаниями, проклятиями.

К счастью, большинство семейств сознательно и ответственно относится к бытовым хлопотам. Происходит заметный крен и во взглядах людей интеллектуального труда. Их собственный опыт и научные исследования убедили, что к основным потребностям человека: потребности в пище, в воде, в продолжении своего рода, надо прибавить информационный голод и мышечный. Именно последний — мышечный голод — заставил современных, избалованных комфортом горожан, и мужчин и женщин, искать себе дополнительные нагрузки. Замечено: многие хозяйки отказываются от услуг спецслужб. Сами шьют, вяжут, стирают белье. Мужчины все чаще засучивают рукава и орудуют обычными лопатами, пилами, топорами, молотками, стамесками, строят летние дома, копаются в земле, снова обзаводятся домашней живностью. Постепенно гордость тем, что семья *имеет*, начинает уступать более достойной гордости — тому, что семья *умеет*.

Наверное, так и не угнаться общественной службе за домашней, как не угнаться машине за человеком в создании вещей и услуг, отвечающих нашему индивидуальному вкусу и потребностям. Не случайно на мировом рынке все большую цену приобре-

тают именно ручные изделия, а на нашем городском — свежие овощи с личного огорода, сметана от своей коровки.

Тут намечается еще один поворот в теме о домашнем труде: как автоматизация бытового обслуживания сказывается на детях, на межличностных отношениях, чувствах, связях взрослых? «Кустарность», импровизационность домашнего производства обеспечивала и неповторимость, разнообразие «продукции». Мы все такие разные не только из-за нашей генетической структуры, но и из-за непохожести среды, способов и стилей обитания.

Стандартизация бытия должна предполагать и стандартизацию сознания, вкусов, привычек, отношений. Мы сейчас заинтересовались высказываниями медиков и с запозданием начинаем заново открывать для себя простейшие истины: от пищи вполне материальной зависит не только физиологическое состояние, но и в определенной мере психология человека.

Вос-*питание* — это слово имеет двоякий смысл. Целенаправленное выращивание ребенка на пище физической и духовной одновременно. А если мы все перейдем на среднестандартный столовский рацион, как это отразится на наших детях?

Демографы подметили: из одних «Черемушек» в другие люди перемещаются безболезненно, подчас не испытывая даже стремления назад, к истокам, ностальгии, непременной спутницы мигрантов. Тяга домой возникает тогда, когда образ дома впитывается всеми чувствами: когда в нем живут особые звуки, цвета, запахи, особые и неизменные установки, традиции. «Лица необщее выражение» требуется не только художественным произведениям, но и нашим домам, семьям, чтобы быть притягательными для чад и домочадцев.

А сделать наши бытовые заботы более легкими и даже приятными можно, что называется, не отходя от плиты, простым и дешевым способом: искать в каждом неприятном занятии оборотную сторону. (Выдающийся философ-гуманист современности Альберт Швейцер считал основным условием прогресса человечества, его культуры — нравственность и оптимистическое мироощущение. Культура семейных отношений тоже должна воспитываться на оптимизме и этике, пронизывающих каждое мало-мальски значимое дело.)

Вот пример такого подхода. Социологи вычислили, сколько километров женщина проходит от плиты к обеденному столу и обратно. Многие километры! Можно, узнав это, начать жалеть себя и клясть тех, ради кого это делается. А можно и обрадоваться: ведь благодаря этим километрам удлиняется жизненный путь в сравнении с теми женщинами и мужчинами, кто уклоняется от подобных нагрузок.

Вы скажете: несерьезное утешение. Для кого как. Придется признать, что чем серьезней люди относятся к быту, тем больше вносят в него игры, шутки, выдумки. Нам нужно искать в каждом занятии свою долю радости, бодрости и умышленно

прикрывать глаза на теневые стороны работы, которую не хочешь, а исполнить должен. Впрочем, от нас зависит и тягостное «должен» осветить приятностью «хочу, могу».

Сейчас много пишется об аутотренинге: человек сам себе может внушить, что он спокоен и благодушен, когда бывает взбудоражен, раздражен. Отчего эти приемы не использовать и во время занятий неприятными домашними делами?

У мужей и жен, видимо, не будет постоянных претензий друг к другу и обид, коли занятия и обязанности будут распределены прежде всего с учетом личностных особенностей и природных возможностей. У кого что хорошо получается, тому это дело и поручать. И при этом относиться с полным уважением к непривычному способу исполнения заданий. Некоторые властные натуры-лидеры признают допустимым только их приемы, методы работы. «Делай, как я»,— требуют они от родственников. И этим вызывают ненужные ссоры, яростное сопротивление тех, кто и рад бы выполнить поручение, но по-своему, как ему сподручнее. А слепо копировать — редко встречаются охотники.

И здесь, в семье, как и в нашем общем государственном хозяйстве, инициатива каждого участника домашних дел должна высоко цениться и всячески поощряться, потому что она лучше бездумной, механической исполнительности. Она свидетельство неравнодушия того, кто исполняет доверенное задание. Даже если инициатива на первых порах причиняет всяческие неудобства, даже если из-под неумелых рук летят осколки разбитой посуды, сыплется крупа, льется молоко. Эти потери не столь разорительны для семьи, как выработанные вследствие страха что-то испортить равнодушие, а то и лень.

Люди всегда больше ждут и ищут в работе самостоятельности, возможности выдумывать, пробовать. Чем шире в нашем доме поле для такого рода поисков, тем с большим интересом и удовольствием трудятся его члены. А чем больше вкладывает человек своих трудов в любое дело, тем больше прикипает к нему душой.

Глава о семейном труде и распределении обязанностей оказалась самой объемистой. Это не случайно. На домашние обязанности расходуется львиная доля времени, сил мужа и жены. Не только у поэтов, но и у простых смертных «любовные лодки» чаще всего разбиваются о быт.

Домашние же дела и есть деятельное проявление любви, а не что-то ей категорически противостоящее.

Теперь, может быть, исполняя поручения родителей или сами ища себе дела по дому, вы будете знать: работой этой вы не только платите долг благодарности матери-отцу, облегчаете их участь, вы еще и готовите себя для грядущих трудов, которые позволят вам стать атлантами, поддерживающими ясный свод своего семейного счастья. Накачивайте мышцы рук, души, ума, будьте неутомимы и изобретательны. Трудно в учении — легко в бою, в бою за мир и благополучие дома своего в том числе.

Домашнее задание после этой главы зададите себе сами. И пусть оно будет ежедневным, нарастающим, усложняющимся, оттого все более осмысленным и интересным.

Мать и отец — главные воспитатели

Маленькие пришельцы

Читатель, видимо, уже привык, что мы задаемся, на первый взгляд, самыми наивными вопросами, которые на поверку оказываются самыми сложными: что такое семья, супружеская любовь? Теперь черед осмыслить и вообще самоочевидные вроде бы вещи: зачем нужны растущим детям папа-мама, а родителям — неугомонная ребятня?

Выясняется, что и этот вопрос не такой уж простой и однозначный. Спору на тему: нужны ли ребенку для благополучного развития именно его, родные воспитатели или можно передоверить дело воспитания специальным работникам-профессионалам, которые смогут вести младенца к взрослости более разумно, осознанно, спору этому — не одна тысяча лет.

Еще в Древней Греции Платон, вслед за Сократом, утверждал: все зло мира, эгоистичность людей, их сословное неравенство произрастают прежде всего из наличия неравных условий воспитания детей в семьях. Неумеренная любовь родителей к собственному чаду плодит индивидуализм, корыстолюбие и прочие свойства, разобщающие людей, порождающие между ними вражду. Последующие философы и педагоги не обошли своим вниманием эту проблему, хотя и оценивали ситуацию по-разному.

Предтечи научного коммунизма, особенно ценимые Марксом и Энгельсом французские просветители считали, что семья должна быть освобождена от тяжелого домашнего хозяйства и соответственно от владения движимой и недвижимой собственностью, которые порождают нездоровые инстинкты, требуют усиленной конкурентной борьбы, разрушающей непосредственность и бескорыстие человеческих чувств и отношений. В распоряжении семьи, по их представлению, нужно оставить только предметы личного пользования: белье, одежду, самую необходимую утварь. Все остальное должно принадлежать обществу. Дети лишь в раннем младенчестве должны жить и расти в доме родителей. Затем они должны воспитываться в общественных детских учреждениях, чтобы преодолеть разнородность воспитания, чтобы создать для каждого маленького гражданина одинаковые условия развития.

Еще 15—20 лет назад бытовало мнение некоторых научных авторитетов, что государство должно взять на себя воспитание

детей «от люльки до университета». В последние годы ученые изменили суждения на этот счет, потому что убедились на опыте: любовь родителей, их постоянное общение с детьми имеют для малышей не меньшее значение, чем воздух и солнечный свет. Гармоническое развитие ребенка немыслимо без семейного воспитания, которое должно сочетаться и подкрепляться общественным, а противопоставлять эти две формы по меньшей мере неразумно.

Теперь педиатры утверждают, что даже несколько месяцев «лишения любви» наносят умственному, нравственному и эмоциональному развитию ребенка до трехлетнего возраста непоправимый урон. То есть именно в самом раннем детстве закладывается фундамент всей последующей духовной жизни человека, а от прочности этого фундамента, от того, из каких материалов он сложен, и зависит, какое сооружение потом можно будет на нем воздвигнуть, какой величины и сложности.

Создание духовной, эмоциональной основы личности и есть цель, смысл семейного воспитания.

— Все ли взрослые, вступающие в брак и рождающие детей, готовы к исполнению этой сложнейшей миссии и что помогает ее исполнить, а что мешает? Как на эти вопросы отвечает наука?

Начнем тоже с любви, с эмоций. Сейчас некоторые исследователи предлагают отказаться от содержания детей в яслях. Их нетерпение понятно: любовь воспитывается только любовью. А какая самая образованная, добрая воспитательница может столь щедро, как родительница, расточать ласку, нежность, сочувствие каждому из двух десятков малышей, которые составляют ясельную группу.

Но пока по соображениям и педагогическим, и экономическим мы не можем отказаться от ясельного воспитания.

По всей вероятности, наиболее разумную позицию занимают те исследователи, которые оставляют за родителями право свободного выбора, где и как им растить детей. Правда, эти исследователи оговариваются, и это весьма существенно, что такое право нуждается в экономическом обеспечении.

Сейчас делаются новые шаги для этого: малообеспеченным семьям, имеющим на каждого члена менее 50 руб. в месяц, выплачивается пособие; при рождении ребенка дается оплачиваемый годовой отпуск. Есть и другие льготы. Эти дополнительные расходы государства в конце концов приносят ощутимую и семьей и обществом пользу.

...Без родительской любви, дело известное, ребенок при живых отце-матери — сирота. Но ему совсем не безразличны и их отношения между собой. Как бы мал он ни был, а все отлично чувствует, чутко воспринимает их лад и ссоры. Вот мнение доктора педагогических наук В. И. Кочеткова: «Любовь родителей друг к другу может стать главным воспитательным фактором,

воздействующим на ребенка. Именно любовь родителей друг к другу, а не только любовь к детям. Множество ошибок совершается молодыми людьми в начале семейной жизни, но ни одна из них так не вредна, как невнимание к собственному чувству взаимной любви. Когда отец и мать любят друг друга, больше всего от их любви получает ребенок. Без нее — весь мир бледнеет и никакие педагогические меры не могут восполнить ее влияние на ребенка». И В. А. Сухомлинский считал, что научить ребенка любить, это научить самому важному в жизни.

Короче, родители нужны ребенку прежде всего как «учителя любви» в самом широком смысле слова. Без родителей это бывает не под силу самому искусному профессионалу-учителю. Даже если число воспитанников, приходящихся на одного воспитателя, довести до семейного среднего уровня и тогда не будет достигнут эффект, получаемый в домашней атмосфере, потому что не будет действовать свет личностных отношений родителей между собой. Да и сами матери и отцы очень много теряют при отторжении малышей.

«Как ребенок нуждается в том, чтобы о нем заботились, и это дает ему ощущение и прочности мира, так и взрослый человек испытывает потребность заботиться о другом, быть опорой для слабого, ощущая таким образом собственную силу и значительность. Полнее всего это проявляется именно в родительских чувствах»,— пишет И. С. Кон.

О том, что родители дают детям, мы все более или менее осведомлены. Но не всегда точно представляют старшие: чем сами обязаны детям, которым подарили жизнь.

У Толстого есть такая запись: «Если предположить, что человечество состояло бы из миллиарда бессмертных существ, число которых не могло бы ни увеличиться, ни уменьшиться, где бы мы были и что бы мы были, великий боже! Мы стали бы, без сомнения, в тысячу раз ученее, но и в тысячу раз хуже!» Он же убедительно показал, что минуты ожидания и сострадания к роженице, пережитые Болконским, Левиным, Карениным и Вронским, очищали души мужчин от мелочных страстей, от корысти и злобы, такие минуты делали их Людьми!

А вот признание нашего современника, кандидата технических наук В. Белянина, сделанное в письме к автору этих строк: «Я, например, бросил курить и избавился от этой дурной привычки с легкостью. Считаю, что проявлению силы воли способствовали мои еще не родившиеся дети. Ожидание, а затем и рождение ребенка являются мощным стимулом для самовоспитания, искоренения дурных привычек, выработки терпения, которых порой нам так остро не хватает».

Отец запрещает себе то, что в будущем станет запрещать своему ребенку — это и есть подлинная и единственно возможная мораль, которая ведет к улучшению всех людей и отдельной личности.

— Нет, нынешние дети себя не оправдывают. Расходы на них — сил и средств — огромные, а отдачи что-то не видать.

Эту воркотню вам, наверное, доводилось слышать не только от стариков. Особенно часто возникают подобные разговоры, когда молодоженов допекают старшие: дескать, почему не спешат обзаводиться первенцем или остановились на одном. Однажды в момент таких вот выяснений юный супруг решительно заявил: «Я знаю, как намучились со мной мои родители. Так что я себя добровольно не стану обрекать на подобные испытания».

Ему стали рисовать картину, которую являло бы собой общество, если бы все были столь же себялюбивыми. И действительно, что произошло бы, если бы человечество перестало воспроизводить потомство? Нецелесообразными стали все поисковые, исследовательские работы, высокое искусство, наука — все ни к чему. Зачем они, зачем «великие и вечные вопросы», на которые мы ищем ответы, если не будет тех, кому они обычно адресуются, если не будет потомков, *продолжения*?

Человечеству ничего не останется, как проживать накопленное историей достояние. У людей, переживающих военные катаклизмы, всегда сохраняется главное — надежда, кто-то выживет, пробьется, исправит содеянное, восстановит разрушенное, создаст новое, поскольку народит и вырастит детей. Бездетное общество будет лишено этого сознания. А что может быть страшней безнадежности?

Не дать жизнь новому человеку, отказаться от собственного продолжения?.. Не потому ли у многих народов почиталось это смертным грехом, что сим решением отнимается у рода-племени не только надежда на будущее, но и перечеркивается его прошлое. Не надо обладать сверхмогучим воображением, чтобы представить, как спасали наших пра-пра-пра... их собственные отцы и матери от глада и мора, от чумы и от стрелы. Великие страдания и жертвы, перенесенные нашими предками, бережно сохранявшими слабый огонек человеческой жизни, тонкую ее нить, для чего они, если их так легко может оборвать ленивая рука эгоистичного потомка.

— Опять эти вечные категории: прошлое — будущее! — взорвался молодой супруг.— Откуда такая тяга к глобальным обобщениям по частным поводам? Мое решение — мое личное дело. Я же не открываю кампанию по борьбе с деторождением. Вон сколько сложных проблем вызвал демографический взрыв в других странах. Так что еще надо посмотреть: может быть, я помогаю человечеству выжить именно тем, что не продолжаю его. И еще одно: я не могу существовать сразу в трех измерениях. Живу я сегодня, а не вчера и не завтра. И не вижу, чтобы в этом сегодняшнем моем бытие ребенок принес бы мне что-нибудь, кроме хлопот и забот.

Публика собралась начитанная, и каждый выложил известную информацию. Одни говорили о том, что так или иначе природа

сама корректирует количество возможного и необходимого на Земле населения. Другие напомнили регулирующую политику некоторых государств. Разговор постепенно ушел в общетеоретические дали. Но вдруг вступила молчавшая до сих пор женщина неопределенного возраста, но, видимо, с большим и не очень легким жизненным опытом. Она обратилась к молодому человеку:

— Ты вот говоришь, что видел, как малыши помешали твоим друзьям в учебе, в профессиональных достижениях, что слышал, как нестерпимо кричат новорожденные. А ты слышал, знаешь, как кричат нерожденные дети?..

Слова эти, сказанные тихо, всех словно оглушили.

— Твое личное дело, говоришь? — продолжала женщина.— А лишить жену высшего человеческого счастья: носить под сердцем, растить, любить, обмирать и возрождаться с малышом — это чье право? А лишить и своих, и жениных родителей радостей, которые приносят внуки, радостей пусть и тревожных и дорогостоящих, но ведь ничем не заменимых! Ты видел, как твоя мать заглядывает в чужие коляски? А потом так же будет заглядывать и твоя хорошенькая и пока что беспечная «женка», как ты ее называешь. Вот тогда она и услышит, и ты вместе с ней, голоса тех, кого нет, кого она могла бы подарить миру и тебе. Как справедливо заметил философ: «Если к сорока годам комната человека не наполняется детскими голосами, то она наполняется кошмарами».

— Это удар ниже пояса! — вспылил парень и вышел, хлопнув дверью.

Этот разговор наводит на серьезные размышления. Не только потому, что он обрел такой поворот: от общечеловеческих, глобальных проблем — к личностной судьбе. А потому, что спорящие стороны правы по-своему.

Юноша прав в том, что не все можно и нужно доказывать методом от противного. Что будет потом, если он *не* обзаведется ребенком, ему убедительно продемонстрировали и в историческом, и в личном плане. Но так никто и не сказал, что ему *даст* ребенок в нынешнем.

Давайте и мы зададимся этим вопросом: для чего нужны дети?

...В послесловии к «Крейцеровой сонате» Толстой указал на такую особенность цивилизованных народов: с ростом образования, общей культуры и благосостояния меняется взгляд на детей, оценка их роли во взаимоотношениях супругов. «...В нашем обществе, вследствие опять того же ложного значения, которое придано плотской любви, рождение детей потеряло свой смысл и, вместо того чтобы быть целью и оправданием супружеских отношений, стало помехой для приятного продолжения любовных отношений...».

И нынешние исследователи проблем семьи отмечают, что

5 Заказ 206

первого ребенка супруги чаще всего заводят не ради его самого, не для того, чтобы вкусить радости отцовства и материнства. Опросы будущих матерей выявляют такую картину: многие молодые женщины говорят, что рожать решились оттого, что «так случилось», прерывать беременность страшно, а рожать — не очень. То есть это как раз тот случай, который мы уже рассматривали: первенец у молодых — «сюрприз», нежданный презент. Родителям не до него. Они заняты собой и друг другом. В обостренном внимании к тому, кто и что сказал, как взглянул, что купил, нередко тонут, пропадают те бесчисленные и глубокомысленные мелочи, которыми полны время ожидания ребенка и время его роста.

Мать десятерых детей, доктор биологических наук М. П. Колпакова в телеинтервью призналась: она не испытала всей остроты и значительности материнских переживаний с появлением первого ребенка. А вот на втором ей открылся и в ней открылся этот особый мир неведомых дотоле чувств. Но, по всей вероятности, родительская «бесчувственность», которая и прежде бывала и ныне нередко встречается, является следствием определенной эмоциональной неподготовленности молодой женщины именно к материнской миссии. И молодой матери полезно подсказать: на что и как смотреть, что видеть, слышать? Такое знание одним природным инстинктом к продолжению рода не дается. А окружающие советчики больше учат юных мамаш гигиене ребенка, учат, как с ним гулять, играть, т. е. опять же учат *давать* ребенку, но не учат *брать* от него. Учат трудам материнства, а не его радостям.

Особое значение приобретает появление ребенка в семьях, где молодожены не объединены общими профессиональными интересами, имеют разные пристрастия и увлечения. Их прежние, добрачные привязанности тоже направлены в разные стороны; к собственным родичам, которые, возможно, еще долгое время будут чужими людьми и друг для друга, и для каждой из «половин». Все это частенько «работает» на духовное и эмоциональное разобщение юной пары. Совместный ребенок сразу делает всех этих людей *родными*, а молодожёнов не просто возлюбленными, но по-настоящему родственниками. Значит, тем самым ребенок *дает* своим родителям и родителям родителей чувство общности забот, желаний, интересов.

«Будущей маме нельзя волноваться», «кормящей женщине нужны особые условия, режим, покой» — это часто слышат молодые супруги. И мало-мальски подготовленный к роли отца молодой человек старается снимать напряженность в отношениях. И в такое время привыкает к мысли, что женщину нужно оберегать от лишних раздражителей. Так, еще не появившийся или только родившийся младенец уже *дает* матери чувство ее собственной особой значимости, как бы заслоняет ее от всяких напастей и обид. А отцу *дает* возможность продемонстрировать свое благо-

родство, почувствовать себя защитником, помогает ему поупражняться в великодушии, в терпимости, выдержке.

Все эти качества весьма полезны и необходимы не в одних личных отношениях между мужем и женой, но и в любой профессиональной деятельности. Ведь и в рабочей обстановке женщины нередко страдают от недостатков именно этих черт и свойств характера у своих коллег-мужчин. И чем меньше в нашем доме детей, тем меньше и подобного нравственного опыта, тем острее мы ощущаем дефицит этих качеств.

Отплачивают дети за то, что взрослые их многому учат и тратят на это время и силы, очарованием чистоты, непосредственности. И тоже учат старших искренности, милосердию и демократизму.

«Дяденька, а вы — дурак?» — серьезно, без злобы спросит герой повести Веры Пановой «Сережа» солидного мужчину, который сыграл с ним действительно дурацкую шутку. И своим вопросом объяснит матери истинную цену «солидности» надутого собственной спесью глупца. «А король-то голый!» — закричит другой мальчишка и откроет глаза целому королевству. «Устами младенца глаголет истина»,— признает и народная мудрость. Пусть родители нередко сердятся на «недипломатичность» ребятишек, даже наказывают за то, что они «не умеют себя вести», т. е. притворяться, как был наказан и пановский Серёжа, но ведь благодаря им взрослые и прозревают, возвращаются к здравому смыслу, которого лишаются порой под влиянием массового гипноза, вроде того, что овладел людьми в сказке Андерсена «Наряд короля».

У Толстого есть рассказ-притча «Сила детства». Толстой предлагает читателю осмыслить такую ситуацию. Народ победил в борьбе с ненавистной ему властью, идет охота за самыми главными притеснителями — городовыми. Один из них попал в руки разъяренной толпы. Страсти накалены до предела: готовится самосуд, предотвратить который не в состоянии даже разумные предложения — предать городового в руки правосудия. В это время в толпе раздается крик ребенка, сына этого человека. Ребенок еще не понимает всего, что происходит, но чувствует: отцу грозит страшная опасность. Отец старается успокоить мальчика, уверяет его, что это он с приятелями идет вместе и скоро вернется домой. Затем он просит окружающих его людей подтвердить его слова и проводить ребенка до дому. Когда мальчика увели, городовой сказал: теперь делайте со мной что хотите. И те же люди, что минуту назад были полны жажды справедливой мести, вдруг заколебались. Раздались сначала неуверенные возгласы о помиловании, а потом крики, столь же решительные: «Отпустить его!» Толпа, счастливая своим милосердием, радостно кричала и пела.

Сила детства в том и заключается, что она пробуждает чувства добрые. От скольких падений, глупостей, грубостей

5*

лжи, несправедливости спасли взрослых детские глаза, полные доверия и участия. «Постыдился бы (постыдилась бы) ребенка!» — восклицают нередко родители, обращаясь друг к другу, когда все средства воздействия на зарвавшуюся «половину» бывают исчерпаны. И действительно приходят в себя, стыдятся. И, сами того не замечая, возносят собственное дитя в ранг нравственного судьи, хранителя и зеркала семейной чести и совести.

Глядя на детей, общаясь с ними, люди приобретают не только нравственные навыки, с их помощью расширяют свой кругозор, множат полезные привычки. В любой сфере труда и досуга требуется лишь какая-то часть наших свойств, способностей, качеств. Где-то нужен наш ум, где-то руки, где-то ловкость, где-то чуткость и т. д. Но только ребенку нужна вся личность родителя, без остатка: и ум, и руки, и сила, и доброта, и выражение глаз, и интонации, даже родной запах ребенку дорог и важен. А уж о пристрастиях, деловых увлечениях, интеллектуальных и физических занятиях особо говорить не приходится.

Сами готовые включиться в любое дело, дети часто вовлекают и взрослых в свои занятия. И тем самым не дают родителям обрасти жирком, спасают от профессиональной ограниченности. Приходится молодым папам и мамам тратить время на долгие прогулки, путешествия в лес, в парк, куда иначе они не нашли бы возможности (или — охоты) выбраться. Во время таких прогулок дети требуют разъяснений по вопросам, которыми взрослые уже давно не интересуются. К примеру: отчего муравьишка такой маленький, а тащит большую ветку? Откуда у него силы берутся, если у него нету мышц? А действительно, откуда? — задумываются родители и идут в библиотеку, ищут объяснения. К примеру, одна любознательная девчушка открыла своему отцу-художнику многокрасочный мир бабочек, стрекоз, всяких козявок и букашек, которых он раньше хоть и видел, но не замечал. Теперь же он всерьез увлекся энтомологией. В других семьях мама вместе с сыном или дочерью начинает изучать музыкальную грамоту, пытается рисовать, а то и шить (это надо для уроков домоводства). А папа заражается конструированием, увлекается филателией.

Все эти занятия и память встряхивают, освежают давно забытые знания, и новыми сведениями нас обогащают. Так что, помогая детям, а потом внукам подниматься по ступеням школьной программы, родители одновременно не дают и себе замшеть в традиционных представлениях о мире. И еще. В таких случаях, хочется или нет, дети каждого из взрослых превращают в учителей и учеников одновременно: старшие учат их, учатся вместе с ними, учатся у них.

Вот и выходит, что, прибавляя множество больших и маленьких дел и хлопот, прежде всего хозяйственных, дети заставляют взрослых отрывать взор от привычной повседневности, обра-

щают их мысли к вечным вопросам бытия. И открывают новое зрение, новое чувствование.

Банальные истины время от времени тоже нуждаются в переосмыслении. Как и эта мысль, которая уже приводилась выше: дети — бессмертие, реальное, ощутимое, живое. Можно противопоставить этому утверждению слова Маяковского о том, что, умирая, мы можем «воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела». Но, вернувшись к началу разговора: для чего нужны дети? — придется признать, что «долгие дела» только тогда и возможны, если их будет кому продолжать. Как нужно, чтобы было кому водить пароходы, названные именами героев, чтобы было кому прочесть великие строки. А чем мы будем матери-истории более ценны: собственным ли делом или тем, что вырастили-воспитали замечательного сына, дочь — увы! — знать нам это чаще всего не дано.

Славен был «род Пушкиных мятежный» деятелями незаурядными, энергичными, оказавшими свое влияние на многие события российской истории. Но отчего внимание нынешних поколений задерживается на их делах и биографиях особенно часто, по сравнению с другими знаменитыми фамилиями, нередко более влиятельными даже. (Например, мы не так пристально изучаем биографии деятелей из рода Голицыных, хотя их роль в нашей истории куда значительней.) Да оттого, ответит любой школьник, что не среди Голицыных появился и вырос тот, имя которого составляет целую эпоху в отечественной истории и культуре. Они — Пушкины — предки гения, он — их кровь и плоть.

Мне долгое время не давался смысл слов Максима Горького о том, что мы все рождаемся и живем для лучшего, вложенные им в уста Сатина. Последующее уточнение тоже не очень было ясно: дескать, для лучшего мастера, ну, скажем, столяра, плотника, сапожника. Когда же вместо названий профессий поставила слова: *для лучшего в своем роде* — все встало на свои места.

Мы рождаемся и живем для того, чтобы хоть немного продвинуть свой род к совершенству, к идеалу человека.

— Ну, хорошо,— скажет скептик-оппонент,— с простыми смертными все понятно. А для чего такое «продолжение» самому Пушкину или тому же Толстому, ведь они сами являются вершиной рода и бессмертны в своих произведениях.

А действительно, для чего Толстому нужны были дети да еще в таком большом количестве? Ведь к мыслям о греховности супружеских отношений, если в их основе не лежит цель — иметь потомство, он пришел к старости, уже тогда, когда тринадцать детей родила ему Софья Андреевна и нескольких они похоронили.

По обыденной мерке, дети должны были служить помехой в творческой деятельности великого писателя. И сколько страданий причинили ему они, когда разделились на противостоящие друг другу (и ему) группы, когда некоторые из них захотели лишить

его права поступать и жить по нормам, им же выработанным и проповедуемым...

Если мы вчитаемся, вникнем в то, что сделано, написано Толстым, то везде отыщем «отпечатки пальцев» его детей. И радости, которые они давали своему великому отцу, и печали — все нашло свое отражение и выражение в его творчестве, которое и есть не что иное, как кардиограмма, запись движений его души. А дети в ней занимали огромное место.

«Когда мой отец писал роман «Семейное счастье», он еще не был женат.

— Мне казалось тогда,— сказал он однажды,— что я понимаю женщину до глубины ее души. Но когда я женился, то увидел, что я ее совсем не знаю. И только благодаря своей жене я научился ее понимать. А теперь,— продолжал он, гладя мои волосы,— с тех пор, как мои взрослые дочери доверяют мне свои тайны и раскрывают свою душу, я сознаю, что ни до женитьбы, ни позднее я ничего не знал о женщине и только теперь начинаю ее понимать»,— так пишет Т. Л. Сухотина-Толстая, дочь и друг Льва Николаевича.

Как вам покажется такой поворот в разговоре о роли детей в нашей жизни? Выходит, чтобы мужчине понять женщину (жену), нужно вырастить дочь? И наоборот, чтобы женщине понять мужчину (мужа), нужно вырастить сына?.. Наверное, так. Впрочем, такого рода рассуждения ведут нас и дальше. Чтобы в полной мере понять и оценить собственных родителей, отца и мать, надо самим стать родителями.

Вот, оказывается, еще для чего нужны дети: они «переводчики», помогающие понять друг друга людям разных поколений, разного возраста и пола. И если вспомнить, как аристократка Долли Облонская быстро нашла общий язык с крестьянскими женщинами, когда они заговорили о ее детях, то мы вынуждены будем признать, что дети служат связующим звеном и между людьми разных сословий, разных уровней культуры, сфер деятельности.

В системе доказательств огромной значимости детей в жизни взрослых очень многое дает наша русская, классическая литература, в которой, как ни в какой другой, воплощена мысль о самоценности *детства*. И тот, кто отказывает себе в трудном счастье — рожать и растить детей — действительно, заслуживает не осуждения, но сожаления.

Мы уже не первый раз обращаемся к вашему собственному опыту. Вот и теперь попробуйте вспомнить: как разглаживались морщинки у глаз ваших родителей, когда вы, еще малыми несмышленышами, одаривали их лаской, заботой. Попробуйте вернуть, насколько это возможно, тепло вечерних разговоров. А еще оглянитесь вокруг себя, на собственных сестренок и братишек или из дворовых знакомых малышей, и вы с удивлением увидите: как тянутся они к вам, как стремятся обратить на себя ваше внимание, заслужить похвалу пусть и неумелым подражанием. Ведь это такая благодарная публика и для вашего самовыражения; каждая веселая и добрая игра с ними — ограда и очищение души

Лишь неумное высокомерие способно чуждаться малолеток, а им, к сожалению, нередко страдают старшеклассники. Более того, еще и насмехаются над теми парнями, что «возятся» с ребятами из младших классов, учат их добру. А надо бы, напротив, видеть в этом залог и свидетельство большой и чистой души.

Идеал и быт

— Что значит быть хорошей матерью?

Казалось бы, чего проще ответить на этот вопрос, все уже давно известно. Мать — это любовь, самоотверженность, щедрость ума и сердца. Материнство, если к нему относиться ответственно, сложнейшая из земных должностей.

Но более пристальный взгляд позволяет обнаружить некоторую двойственность в воспитательной функции матери.

С одной стороны, идеальная мать должна все свое внимание сосредоточить на своем потомстве, отречься от мира сего. Однако такой идеал вряд ли может вызвать восхищение. Более того, не убеждена, что точное его копирование вообще осуществимо. Трудно подготовить ребенка к жизни к миру, будучи оторванной от этого мира. Трудно научить любви к другим людям, будучи отстраненной от чужих бед и тревог. Трудно быть беспристрастным судьей своим детям, не зная всех сложностей реального бытия за стенами собственного дома.

Поэтому, с другой стороны, для лучшего исполнения своей материнской задачи женщине нельзя целиком сосредоточиваться только на этой миссии. Хорошая мать не может быть человеком, замкнутым только на своих детях! Ее душа должна быть открыта болям и радостям людей близких и далеких; должна быть неравнодушна к несправедливости, творящейся в мире, даже если ее собственные дети вполне благополучны.

Тут снова на память приходят дорогие и знакомые образы. Прежде всего матери Владимира Ильича Ленина, Марии Александровны Ульяновой. Как и любая другая добрая мать, она растила детей для радости и счастья. Но она твердо знала и детей учила: немыслимо строить собственное счастье на несчастьи других, нельзя быть радостным среди обездоленных. Очевидно, что для тех, кто воспитан на таких высоких нравственных принципах, только один путь в жизни — борьба за общее счастье. Борьба, которая — мать видела — причиняет детям много лишений, отнимает у них силы, здоровье, свободу и даже саму жизнь. Мать все знала, но не только не остановила, не отговорила детей, но всячески поддерживала их, помогала им.

Значит, с одной стороны, мать должна учить детей самосохранению, умению выжить, с другой — мы преклоняемся перед матерями, которые учат детей не щадить себя во имя чужого блага.

Двойственность видится и в распределении ролей между матерью и детьми. Традиционно — ведущая, наставница, руководительница, а дети — ведомые, исполнители ее воли и наказов.

Но нередко мы чтим ту мать, что, не теряя ни любви своих детей, ни авторитета, становится их помощницей, принимает их правду и веру, даже если они отличаются от ее устоявшихся воззрений и привычек. В литературе такой пример являет собой горьковская Ниловна. Мать с готовностью пошла на выучку к сыну, стала его духовной дочерью, если так можно выразиться. Значит, хороша не только та мать, что умеет хорошо учить, но и та, что у детей учится.

Наконец, мать соединяет в себе роль защитницы и судьи своих детей. Нередко матери, готовые своей грудью, своей жизнью защитить родное дитя от напастей, сами же карают презрением своего отпрыска, спасшего жизнь ценой трусости, предательства. В годы Великой Отечественной войны миллионы матерей посылали своих сыновей и дочерей на защиту нашей Родины, становились их соратницами и на фронте, и в тылу. Недаром благодарные потомки рядом с памятниками героям войны поставили памятники и их матерям. Женщины-матери совершили подвиг, который думается, еще не нашел достойной оценки и воплощения в произведениях искусства. Они спасли, вскормили на скудных хлебах, подняли и поставили на ноги целое поколение детей-сирот военного времени! Не дали пропасть, сгинуть, сбиться с пути миллионам ребятишек, заменив им погибших родителей. Когда нынче иные благополучно устроенные молодые женщины отказываются иметь детей или останавливаются на одном, ссылаясь на трудности и занятость, хочется напомнить им об этом. Ведь их предшественницы не были домохозяйками, но хватало у них сил, и физических и душевных, не только на своих, но и на чужих детишек.

Как видим, в понятии «хорошая мать» переплетаются требования, предъявляемые к ней природой и обществом. Порой эти требования вступают в противоречие друг с другом. Большое искусство найти равнодействующую силу, которая помогла бы, не разрушая естественные чувства и стремления матери, уравновесить их с общественными потребностями и нормами.

Почему не все жаждущие могут овладеть искусством материнства? Что им мешает? Надо признать, что, кроме общих, так сказать, теоретических представлений о должном, в нашей жизни мы часто следуем правилам, которые диктует ближайшее окружение. А правила и советы эти нередко бывают далеки от идеала. По мнению философов, влияние микросреды на наше мировоззрение и поступки нередко оказывается более сильным, нежели опосредованное влияние макросреды. В переводе на обыденный язык наше домашнее «радио» — какая-нибудь Марья Алексеевна — может стать более авторитетным судьей, нежели ученые советчики из радиопередачи «Взрослым о детях». А еще есть незримые управители нашими пристрастиями: мода, престиж, желание быть «как все» или «не хуже других». Сколько слез маминых и детских пролито перед алтарями этих

идолов. Сколько добрых намерений и прекрасных чувств было изуродовано до полной неузнаваемости ложно понятым представлением о материнском долге.

Порой та, что призвана быть образцом нравственности, аккумулятором человеческих добродетелей, нарушает все возможные заповеди и законы, чтобы расчистить путь своему дитятке ко всяческим благам и удобствам.

И если малому ребенку никто в вину не поставит сверхусердие матери и то, что он им пользуется, то подростку, тем более юноше или девушке, можно попенять: отчего тот принимает как должное неправые действия родительницы? Отчего не откажется от модных тряпок, разного рода дорогостоящей аппаратуры, наконец, от лишних денег, когда известно, что добыты все эти блага нечестным путем? Отчего не воспротивится устройству в техникум или в институт в обход конкурса, по знакомству? Герою известного фильма, снятого по пьесе В. С. Розова «В добрый путь», Андрею, выпускнику школы, совершенно справедливо было брошено обвинение: это из-за него, из-за его разгильдяйского отношения к учебе мать потеряла голову и теперь пытается «устроить» сына хоть в какой-то вуз, пусть ему и не интересный.

Но чтобы подняться до сознания ответственности за себя и за родителей, нужна растущему человеку крепкая душевная закалка. А ее не всегда получают те дети, которых прячут от сложностей и противоречий жизни во всем прочем безупречные мамы.

Но вот другой образец поведения. Обратимся снова к Герцену. Мать Владимира Бельтова, главного героя философского романа «Кто виноват?», прежде всего озабочена формированием высоких нравственных начал в душе сына. Для этого она отгородила сына от всякой житейской прозы и «скверны» и поместила его в своеобразную башню из слоновой кости. Для ближайшего окружения, точнее, для тех, кого она сама ценила, мать Бельтова была «несравненной». Но однажды она услышала, что она никто другой, как «эгоист, преисполненный любви». Так назвал ее сын, ставший взрослым и понявший, что совершенно не знает жизни, не видит в ней своего места, не имеет элементарных навыков труда и борьбы. Свет в окне для собственной матери, он стал «лишним» человеком» для общества, своего рода тенью среди живых.

Расхождение в оценках материнского поведения явление не такое уж редкое. Иной раз доходит до абсурда. Так, Кабаниха, мать-деспот, пользовалась почетом среди Диких. Простакова, мать-раба, была нормой в кругу Свиньиных. Мать Веры Павловны, героини Чернышевского, вкладывала силы и деньги в воспитание дочери, как в выгодное предприятие, рассчитывая иметь с этого солидные проценты. Мать-ростовщица, она тоже не была отверженной в своем окружении.

Сколько микромиров, столько своих «эталонов». Какому из них последует юная мамаша, не имеющая собственного жизненного опыта?

Возьмите в руки заповедную книгу Л. Н. Толстого «Путь жизни», и вы узнаете, что заслуживают осуждения родители, чьи дети воспитываются «не в виду тех задач человеческой жизни, которые предстоят им, как разумным и любящим существам, а только в виду тех удовольствий, которые они могут давать родителям». В таких семьях «главная забота родителей не в том, чтобы приготовить их (детей.— *Т. А.*) к достойной человека деятельности, а только в том... чтобы как можно лучше напитать их, увеличить их рост, сделать чистыми, белыми, сытыми, красивыми и потому изнеженными и чувственными. Наряды, чтения, зрелища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, от картинок на коробках до романов и повестей, все больше разжигают эту чувственность, и вследствие этого самые гадкие половые пороки и болезни делаются обычными условиями возрастания этих несчастных детей богатых сословий».

Если присмотреться к программе, коей задаются некоторые современные мамы, не найдем ли мы сходства с картиной, что нарисовал нам великий моралист. И разве не вынуждены будем согласиться, что его тревога, предостережения имеют под собой серьезную почву? А в то же время, есть ли альтернатива этому желанию: видеть свое дитя цветущим, благополучным, всем удовлетворенным? Не на голодный же паек, право, сажать их, когда взрослые имеют все возможности для удовлетворения собственных потребностей?

По всей вероятности, нам еще предстоит переместить центр своего внимания с внешней, часто вещной стороны воспитания к внутренней, глубинной сути формирования личности. Тогда, может, в числе «заслуженных мам» окажутся и те, у кого ребятишки не бог весть как одеты, упитаны, а просто здоровы, бодры, энергичны. И не те мамы будут в почете, что уводят детей от трудностей и тягот жизни в теплые закутки своих квартир, но те, что смело выпускают их в лес и поле, в мастерскую природы и в дебри техники.

Две установки бытуют у матерей издавна. Одна: дети — цветы жизни, и поэтому первый долг родительницы — их беречь, холить и лелеять. Вторая: дети такие же люди, как и взрослые, только знают и умеют меньше. Задача родительницы: готовить их к серьезным обязанностям, что возлагает на них звание человека.

Поднять «на-гора» ценные ископаемые земли — важно, а ценные «ископаемые» детской души — еще важней. Написать поэму — нужен талант, а взрастить поэтическое сердце — не меньший. Мать, как и поэт, не всегда может наперед знать результаты своих трудов, они часто непредсказуемы. Оттого мы и говорим, что материнство — сродни творчеству, оно тоже «езда в незнаемое».

И чем дальше, тем виднее, процесс формирования человеческой личности будет все сложней, будет требовать все большего [illegible], умения тех, кто берется за это трудное и рисковое дело. Ведь дети растут не в замкнутом пространстве семьи. О разнородном влиянии на них многочисленного отряда воспитателей по должности и по своей охоте мы уже говорили. Детсадовские, школьные, теле-радионяни и учителя не только помощники мамы, но в чем-то и ее конкуренты. Они учат, увлекают, развлекают, используя суперсовременную технику. Чтобы не утратить авторитет в глазах всезнающих акселератов, чтобы к ней ребенок обращался со всеми вопросами, тревогами, матери надо много, неустанно «работать над собой», т. е. самосовершенствоваться, расти вместе со своими детьми. И тогда, наверное, повзрослевшее чадо скажет с благодарностью: всем хорошим в себе я прежде всего обязан маме. Это и будет самая высокая аттестация в трудной должности. А все остальное — внешнее, случайное, необязательное, как в идеале, так и в быту.

Для исполнения этой [illegible] женщинам полезно повторять вещие слова В. А. Сухомлинского: «...я должна быть во сто раз мудрее [illegible] ния моих детей, потому что в миссии продолжения рода [illegible] и приумножения духовных богатств [illegible] возложила на меня несравненно большую [illegible], чем на отца... быть гордой, мудрой, [illegible] должна иметь то, чем гордится человек: собственное достоинство, сознание высокой цели жизни, творческие [illegible] способности, призвание». В этом — залог счастья [illegible] ваших детей, но и залог собственного душевного [illegible], долгого здоровья и достойной уважения старости. Во имя этого стоит постараться.

— Не ставится ли этим призывом к женщине мужчина-отец заведомо в подчиненное положение, не отводится ли ему пассивная роль в воспитании детей?

На мой взгляд, взаимодействие супругов очень образно выражено в «Песне о Гайавате» Г. Лонгфелло:

Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивою;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна.
Порознь оба бесполезны.

Интересы отца и матери направлены на общую цель: вырастить детей физически и нравственно здоровыми, граждански зрелыми, раскрыть их способности и дать им соответствующее образование. Но достигают они этой цели каждый собственными способами. Если старания матери прежде всего сосредоточены на *сохранении* здоровья и сил своего ребенка, то старания отца направлены на то, чтобы научить ребенка бесстрашно их *тратить* на общую

пользу. Как правило, именно он прививает детям навыки, требующие напряжения, волевых усилий, самоотверженности, воспитывает в них чувство долга и ответственности за порученное дело. Именно он выводит их интересы за порог собственного дома. Именно он в большей степени приобщает свое потомство к общественным заботам.

Отец выполняет роль связующего звена: в обществе он выступает как носитель семейного начала и интереса, а в доме — как носитель общественного. Этим он и дополняет мать, но не заменяет ее.

Нередко женщина растит детей без отца. Несомненно, это требует гораздо больших усилий и редко она обходится без посторонней (или родственной) помощи. И здесь роль отца должны взять на себя дедушка или старший брат матери, а порой и хороший приятель. Потому что детям совершенно необходим зримый пример мужского поведения.

В настоящее время мало кого из членов семейства устраивает просто присутствие мужчины в доме. Требования к современному родителю растут год от года. Когда-то отцу было достаточно повозиться с малышом, погулять с ним во дворе, покатать его на санках. Теперь подготовка молодых людей к отцовству начинается задолго до появления младенца. Будущим папам читают лекции об уходе за новорожденным, учат их кормить, пеленать и одевать. Было время, когда молодые люди всеми правдами и неправдами старались избегать возни с новорожденными, мол, искони это было заботой матери. И понятно почему: ребенок ближе к матери физиологически. Он успокаивается, когда чувствует рядом привычный стук ее сердца, когда вдыхает ее запах, слышит голос. Но, приучая отца обхождению с младенцем, консультанты, пожалуй, действуют не только в интересах матери, которой нужна помощь мужа, но, как вам не покажется странным, в большей степени в интересах отца. Только тогда он испытает чувства родительские во всей полноте, когда сам, своими руками ощутит хрупкость, беспомощность ребенка, его зависимость от заботы, внимания взрослых, в том числе и отца, который должен научить своего отпрыска самой важной и сложной науке — жить! Отец испытает ни с чем не сравнимую радость, наслаждение, когда станет наблюдать растущее в ребенке доверие к нему, желание прижаться, спрятаться за него. Гордость, уверенность в себе, в своей абсолютной незаменимости — вот те чувства, которые пробуждает в родителе крошечное существо.

Когда выше говорилось о противоречивых требованиях, предъявляемых обществом и природой к матери, то, по существу, рассматривалась ситуация, когда мать берет на свои плечи все тяготы воспитания детей. Когда же отец с готовностью принимает часть ноши, противоречия эти если не снимаются вовсе, то значительно смягчаются. Вот как видится миссия отца поэту И. Шкляревскому, остро пережившему его потерю:

— Поспи,— говорила мать.
— Вставай! — говорил отец.
— Поешь,— говорила мать.
— Учись! — говорил отец.
Приеду. Слова все те ж,
Да только не все слова.
Осталось: — Поспи, поешь...—
А следом шумит трава.

Вам, наверное, известно, что среди выдающихся педагогов — теоретиков и практиков большинство мужчин. Правда, в основном они воспитывали детей школьного возраста и старше. С маленькими детьми всегда работают женщины. Все-таки такие свойства, как терпение, ровная доброжелательность, аккуратность, все еще не в чести у мужской половины рода человеческого. Что ж, если у вас, когда вы обзаведетесь собственными детьми, не будет хватать этих самых качеств, не спешите прикрываться ссылкой на мужской нрав, попробуйте выработать их усилием воли. И вполне может статься, что они вам пригодятся и в сфере ваших деловых отношений. Кому и где повредили доброжелательность, терпимость?

Когда дети вырастают из коротких штанишек, существенно меняется и роль отца в их жизни. Именно отец должен приучить своих детей к труду, труду напряженному, может быть, даже рисковому. Он должен помочь увидеть цели в жизни, близкие и дальние, научить добиваться задуманного. В доме все работы, не требующие специальной подготовки, отец может выполнять вместе с сыновьями, с малолетства доверяя им инструменты.

Придет время, и отцу предстоит объяснить мальчику физиологические особенности его организма, приучать его к гигиене. А еще объяснить, как вести себя с девочками, как заслужить их уважение, внимание, как беречь их честь и достоинство. Никакие книги не заменят доверительной беседы отца с сыном, как и матери с дочерью. Ведь отец может предостеречь сына от повторения собственных ошибок, некогда причинивших ему немало страданий.

Такого рода разговоры, на пределе искренности и откровенности, возможны только между людьми, пользующимися абсолютным доверием друг друга, подлинными друзьями. Как мы уже говорили, настоящая семья и являет собой кровное содружество. Искусство отца и матери в том и заключается, чтобы, не роняя авторитета, не опускаясь до небрежной фамильярности в отношениях с детьми, стать для них самыми близкими и сердечными друзьями, кому можно сказать самое-самое и быть уверенным, что тебя поймут, поддержат. А родителям в свою очередь нужна уверенность: будет туго взрослым, младшие не струсят, не захнычут, но, напротив, примут на себя труды и заботы о благополучии отчего дома.

До сей поры мы с вами размышляли об опыте общения детей со взрослыми. Но есть и еще одна сторона семейных отношений, имеющая огромное эмоциональное воздействие на родичей. Братишки-сестренки, они тоже многое дают друг другу и берут от совместного обитания. К сожалению, современная семья слишком часто лишает детей прекрасного чувства братской любви. Ограничиваясь единственным ребенком, некоторые мамы подводят под такое решение теоретическую базу: дескать, занятые на работе взрослые не могут воспитать нескольких ребятишек в соответствии с уровнем требований, предъявляемых к человеку нашим сложным веком. Насколько справедливо подобное суждение, давайте разберемся.

Мнение педагогов на сей счет однозначно: многодетная семья лучше исполняет свою функцию подготовки детей к трудностям взрослой жизни. В детском ли саду, в школе всегда можно без особых усилий угадать: вот этот малыш или подросток из большого семейства. Такие дети, как правило, не капризны, расторопны, ловки и самостоятельны, больше в них сердечного тепла и заботы о других, меньше зазнайства и эгоцентризма. Их успеваемость мало отличается от успеваемости единственных.

Надо ли объяснять, как благотворно такие дети действуют на любую обстановку, в которой появляются? А для родительского сознания и чувства иметь перед глазами доброжелательных и трудолюбивых детей — высшая отрада. Но подлинная мука лицезреть избалованное всеобщим вниманием и заботой единственное дитя, которое самими условиями взращено тепличным растением. Для него любой сквозняк — ураган, любая житейская неурядица — землетрясение.

Демографы считают, что наиболее оптимальна трех-четырехдетная семья. Такое число отвечает потребностям общества в расширенном воспроизводстве населения и дает возможность всем домочадцам испытать полную гамму родственных чувств.

Психологи, изучающие оптимальный состав современной семьи, тоже приходят к убеждению: в семье при наличии стариков, бабушки или дедушки или обоих вместе, детей должно быть столько же, сколько и взрослых: три-четыре. Особо чадолюбивые родители вполне могут отважиться на большее.

Однако возникает закономерный вопрос: отчего в прежние, куда более суровые и голодные времена в крестьянских, рабочих семьях и даже в аристократических было правилом — иметь много детей, а исключением — единственное чадо? Нынче же все наоборот.

Советские демографы считают, что наши предки рожали детей числом поболее отнюдь не из-за одного могучего родительского инстинкта, чадолюбия и не из-за одной необразованности и простоты нравов или из-за отсутствия средств предохранения от

беременности и т. п. Последнее — еще одно заблуждение. Документы доказывают: еще тысячи лет назад в Египте и Греции были известны средства предохранения и прерывания беременности. Известны они были и индейским племенам. Однако на рождаемости это не отражалось. В нашей стране есть регионы, где сохраняются традиционно-многочисленные семьи, несмотря на известные и там средства ограничения деторождения.

Причина большой рождаемости в прошлом, по мнению А. Г. Харчева, основывалась на сознании, что нужно создать определенный «запас прочности». Ведь из всех рожденных младенцев, даже во вполне обеспеченных семьях, только часть доживала до взрослого состояния. Детские смерти были столь же привычным явлением, как и рождение. «Бог дал, бог взял» — так говорили наши бабушки. Теперь выживает подавляющее большинство новорожденных. Поэтому ослаб страх остаться бездетными при малом количестве ребятишек, даже при единственном ребенке. Кроме того, если посмотреть да сравнить век нынешний и век минувший, то неизвестно, «накопила» бы иная бабушка столько детей или остановилась бы на третьем, четвертом. Прежде ребятишки росли, как трава при дороге, никто и думать не хотел о том, чтобы «яйца» непременно больше «курицы» знали и умели. А теперь ведь именно эти требования и соображения возникают перед каждым семьянином, когда он решает вопрос: быть или не быть еще одному ребенку? Поэтому и пришли специалисты к выводу, что наиболее желательным для общества будет переход от неограничиваемой многодетности к семье с тремя-четырьмя детьми.

Рожали наши предки числом поболе и из-за корыстных побуждений: дети были не только едоками-потребителями, но и кормильцами, опорой в старости. Полстолетия назад ребенок начинал «обрабатывать» себя с девяти-десяти лет, а в крестьянстве и того раньше. Ныне же у нас все семьи трудовые, и все они, независимо от образовательного уровня, социального и материального положения, содержат, растят и учат наследников почти в два раза дольше — как минимум до шестнадцати лет. Немалые средства вкладывает и государство в обучение каждого школьника и студента.

Но вот что любопытно: нередко соседствуют семьи с одинаковыми условиями жизни, образованием и профессией родителей, а количество детей в них — разное. Мне довелось обнаружить такое в Кулундинской степи. В соседних колхозах жили хлеборобы. У жителей одной деревни — 8 — 12 детей. У жителей другого поселка —2 — 3 ребенка. Спрашиваю: в чем дело, отчего такая разница? Пожимают плечами. Одна женщина сказала: «Мужики у них трезвые, обстоятельные, и жены не работают. Отчего не рожать детишек».

Следовательно, число детей в семье во многом зависит от того, насколько надежна опора у жены. Немалую роль играют и

ценностные установки женщины и мужчины, о которых мы с вами уже размышляли. Есть и такая причина малодетности современных семейств: у некоторых молодых супругов при решении дилеммы — дети или вещи, комфорт, свободное время, решение принимается в пользу бытовых удобств и удовольствий. Дети обычно оказываются врагами вещей, их «конкурентами». Потребительский ажиотаж этих родителей заставляет жертвовать живым бессмертием ради торжества вещественных ценностей.

В редакционной почте встречается немало писем мужей, сетующих на то, что жена отказывается иметь двух или трех детей при том, что все условия для этого созданы и муж готов делить все трудности по воспитанию. Недовольство мужей в данном случае вполне законно. Если здоровая женщина отказывается родить ребенка, она, по существу, выступает как человек, насильно захвативший то, что ему одному не принадлежит. Она присваивает право одной решать вопрос о бессмертии мужа и благополучии старшего поколения. Решает важнейший для всего общества вопрос с сугубо эгоистических позиций.

Но бывает, что в таком решении может быть повинна не одна женщина, но и мужчина, если он исповедует взгляды того молодого супруга, чьи высказывания были приведены в главе «Маленькие пришельцы». И кого не переубедил целый синклит родни и знакомых... Впрочем, муж волен распоряжаться лишь до той поры, пока жена разделяет его воззрения. В конечном счете за ней последнее слово.

— Мужчинам легко и просто достаются дети,— можно услышать резонные возражения женщин.— Им не носить, не рожать, не кормить, не нянчить.

Все верно, тут и спору нет, что главные тяготы по воспитанию детей на первом году их жизни ложатся на женские плечи. Хотя и призывают мужчин всячески облегчать положение женщин-матерей, но они не всегда находят свое место в сложном процессе взращивания грудных малышей. Школы молодых отцов, открывающиеся в районах и городах, наверное, в будущем снимут эту проблему.

Есть и такой аргумент в споре о количестве детей в семье: карьера женщины. Многодетной матери, мол, придется отказаться от честолюбивых стремлений — достичь максимальной высоты в избранном деле. При двух или нескольких ребятишках она непременно отстанет от своих бездетных или «однодетных» сверстниц-коллег.

Очень многие факты опровергают такое мнение. Если дети родятся сразу, один за другим, то потери времени практически одинаковые. Даже сил! На первого и единственного ребенка мать «выкладывается» гораздо больше, чем на двоих, тем более троих. Во-первых, сильней всего ее изнуряет неумение, незнание азов по уходу за ребенком, его кормлению. Со вторым многие процедуры производятся почти автоматически. Во-вторых, перве-

приковывает к себе больше внимания, требует огромных расходов нервной энергии, потому что ему заняться, поиграть не с кем. Вот он и пристает к папе-маме. А когда детей двое или трое, они отлично занимают друг друга. И материальные расходы со вторым ребенком сокращаются: вещи от первого донашивает следующий. И по болезни ребенка мать с двумя сидит не на много дольше, чем с одним. Здоровье малыша во многом зависит от душевного равновесия родителей. Может ли быть спокойной мать, имеющая единственное чадо, когда она постоянно опасается потерять его, обмирает из-за каждого скачка температуры?

Наконец, о чисто профессиональных интересах женщины. В какой зависимости они находятся от количества детей? Нет надобности обращаться к экспертам, чтобы заметить: продвижение по службе матери двух-трех детей несколько замедляется, но карьера ее не рушится вовсе. Сравните женщин эдак под пятьдесят, ближе к итоговому, в служебном плане, возрасту. Они чаще всего на одних [illegible], и имеющие детей и нет. Почему?

Отставая в молодые годы, мама впоследствии успевает наверстать упущенное (если, конечно, ее профессия не имеет жестких возрастных ограничений, как, например, балерина). Зато замедляет с годами работница, что ради служебного успеха отказала себе в трудном счастье материнства.

Французские исследователи «вычислили» снижение профессиональных, прежде всего интеллектуальных способностей женщин в самом активном для деторождения возрасте — в 20—30 лет. Значит, рожает женщина или нет, организм ее отвлекает энергию от дела. Переборов в себе естественные стремления, женщина с годами начинает ощущать перебои в здоровье, падение работоспособности — так природа мстит за отступничество. Глядишь, и докторская диссертация не закончена, решающие открытия делает кто-то другой. И некогда преуспевающая женщина с тоской оглядывается на чужих малышей и печально размышляет о смысле и назначении своем в этой жизни.

...Нужны родителям несколько детей, а не единственный ребенок и для удовлетворения своих материальных потребностей в старости. Это многими не осознается в полной мере из-за того, что расчет с пенсионерами ведет государство. Но ведь все материальные и духовные ценности общества создаются вчерашними детьми и внуками, нынешними работниками. От их численности во многом зависит экономическая мощь страны, ее возможность обеспечивать нетрудоспособное свое население. Если здесь будет нарушена пропорция полноценных работников и «едоков» (пусть и заслуженных), то, естественно, характер компенсации за прошлый труд будет совсем иной, гораздо ниже желаемого. Вопрос материальных отношений родителей и детей очень серьезный и заслуживает особого внимания. И мы на нем остановимся, когда будем осмысливать экономику семьи.

А теперь поразмыслим о том, что дают родственные связи

сестер и братьев для самих детей. Ну, прежде всего, что такое братство?

Вспомним: для всех мыслителей, мечтавших о будущем царстве добра и справедливости, высшим выражением единства людей и было их братство! В давние и недавние еще года существовало такое романтическое правило: друзья, соратники, единомышленники скрепляли клятву верности кровью и становились побратимами. Братья по духу, братья по классу, братья по делу, по борьбе... Выходит, братство в своем высоком выражении может основываться не на одном кровном родстве, но и на общности целей, идей, дела. Не случайно человечество приняло это слово за эталон нерасторжимых человеческих уз.

Кровные братья остаются братьями, даже когда у каждого своя жизнь, свои стремления. Потому что в сознании их выработался «рефлекс соучастия». Этот рефлекс лежит в основе отношений между кровными братьями. Возникнув в самые ранние годы совместных игр, испытаний, даже проказ, этот рефлекс развивается на протяжении первого этапа жизни, становясь неразрушимой привычкой подставлять плечо под жизненную ношу брата, не спрашивая наград и почестей.

Ведомы нам и другие примеры, и жизненные, и литературные, когда братья являют миру свою отчужденность, холодность, а то и вражду. К слову сказать: родными братьями были прототип Иудушки Головлева и... писатель, беспощадным пером запечатлевший его страшный лик и сделавший это имя нарицательным, М. Е. Салтыков-Щедрин. Первопричиной антагонизма братьев, по всей верятности, бывает или глубокое равнодушие к детям со стороны родителей, или когда мать, отец делят их на «любимчиков» и «постылых».

Любви друг к другу братья и сестры учатся у своих родителей. Поэтому особенно важно, чтобы отношение к детям было ровное, справедливое, что встречается, увы, не всегда. Школьным учителям известно: нередко в большой семье младший ребенок бывает сильнее избалованным, эгоистичным, чем даже единственное чадо. Неравенство перед людьми самыми близкими и дорогими нередко и порождает соперничество, ревность, а то и зависть, переходящую во вражду.

...Когда мы обращаемся к истории удивительной семьи Ульяновых, то начинаем сознавать, что первоосновой, фундаментом дружбы, соратничества братьев и сестер было добросердечное отношение родителей ко всем детям. Как родители, так и дети обращали свои помыслы на помощь тому из родных, кто в этот момент больше других нуждался в поддержке. Оттого мы и воспринимаем Ульяновых как единое целое даже тогда, когда уже образовалось несколько самостоятельных семей, все жили врозь и общались друг с другом в основном с помощью писем.

Вот такого рода общность мы именуем чувством кровного родства, святым братством. Между прочим, вы не задумывались:

отчего это нет сходного термина, определяющего нерасторжимую связь братьев с сестрами и между последними? Не понятно. Ведь есть убедительные примеры глубокой и стойкой привязанности, делового сотрудничества и между сестрами. Встречаются между ними и соперничество, отчужденность — все так же, как и у мужской половины рода человеческого.

Особенно впечатляющими являются отношения между дочерьми Карла Маркса: верность, забота, готовность к безоглядному самопожертвованию и в то же время товарищество соратниц по борьбе. Может, человечество не оценило еще эти отношения и не зафиксировало их в особом слове оттого, что все же привязанность большинства женщин к собственным детям, заботы о доме полнее занимают мысли и сердце, чем у мужчин? Мы можем строить лишь предположения о причинах такой «дискриминации» в отношении сестринских свойств.

Однако надо оценить и оборотную сторону безоглядной привязанности братьев и сестер. Если мы говорим с восхищением о братстве, основывающемся на высоких благородных чувствах и целях, то не так уж редко приходится в жизни встречаться и с братством, основанным на общем злом деле. «Братья-разбойники» — это не только герои одноименных романтических поэм, но и «герои» вполне прозаических следственных протоколов. Сколько несчастий доводилось испытывать родным только из-за того, что старший брат ввязался в драку, пристáл к дурной компании и за собой увлек младшего.

Существенную роль в отношениях братьев и сестер играет возраст. Взаимосвязь сильней всего проявляется у погодок и у ребятишек с разницей в два-три года. Общие забавные заботы. В этом случае даже пол не разводит ребят по разным компаниям. Скачут, бегают, прячутся, возятся девочки и мальчики одинаково. Это большая и полезная школа, в которой ребята учатся навыкам товарищества, общежития, самоотверженности.

Особые сложности возникают в отношениях братьев и сестер, когда разница в годах между ними значительная. Ну, к примеру, десять — двенадцать лет. Надо сказать, что немало нынешних супругов, в юности побоявшихся обременить себя вторым ребенком, где-то к сорока годам спохватываются и обзаводятся малышом. Благо для него вырастили «няньку».

А у первенца сам факт появления «конкурента» нередко вызывает настоящую панику. Хотя, будучи сам маленьким, часто клянчил у родителей: «Купите мне сестренку (или братишку!)». Но с годами это желание иметь рядом с собой постоянного товарища, родное существо, остывает у того, кто испытал в полной мере преимущества единственности, в особенности понаблюдав за многодетными семьями, где приходится сверстникам делить и лакомства и родительскую любовь. Но если у матери и отца хватит такта и разумения «влюбить» первенца в меньшего, тогда

старшие сестры становятся заботливыми «маленькими мамами», а братья — опекунами несмышленышей.

Действительно, обязанности старшей дочери в многодетной семье сродни материнским. Ведь едва новорожденный появится в доме, у нее уже забот выше головы. Мать к малышу словно пришита, а старшая — и в консультацию сбегать, и в магазин, и посуду помыть, и пеленки постирать. Потом частенько ей поручают малыша в ясли отнести, забрать его, когда родители задерживаются на работе. Идет время, растет маленький. Глядишь, он к своей «няньке» тянется, пристает, уроки мешает делать, зовет играть, гулять. Как хвостик, за старшей сестрой везде плетется. Даже когда подрастет, ревет вслед спешащей на свидание сестренке: «И я с тобой».

Потом меньший идет в школу. И новые заботы у старшей.

— Позанимайся с ним, - просят родители,— мы не знаем программы (или все уже перезабыли).

А сколько шишек и ссадин принимает на себя старшая, защищая в дворовых баталиях своих подопечных! Сколько горьких слез прольет, когда ей влетает от родителей за то, что прозевала, недоглядела и шишка появится у младшего.

В будущем нынешние ее заботы обещают немалые преимущества. Первенцы в большой семье, как правило, легче и быстрее становятся самостоятельными, лучше переносят всяческие жизненные испытания. И грядущее материнство им не в тягость: все-таки немалый опыт ведения хозяйства приобретен и с младенцем обращаться научились.

Если попытаться графически изобразить динамику отношений ближайших родственников, то у многих, наверное, линии будут тесно соприкасаться в раннем детстве, постепенно расходиться в пору взросления, а затем в преклонные лета снова сойдутся, переплетутся, чтобы совместно раствориться, исчезнуть в небытии.

Жизнь позволяет нам подметить эту характерную особенность: самая неутолимая жажда общения с теми, кто с тобой вместе рос, появляется именно на закате дней, когда воспоминания детства, отрочества бывают ярче и эмоционально напряженней, чем впечатления вчерашнего дня. Тогда человек вдруг начинает разыскивать друзей детства, а с родными идет «на мировую» даже после долгих лет глухой или открытой неприязни.

Старшие в доме

Новые родственники

В предыдущих главах дела и отношения молодой семьи рассматривались несколько изолированно от старшего поколения. В жизни чаще всего полностью отгородиться молодым не удается, если, конечно, новая семья не возникает где-то далеко от родительского очага. Около 60% молодоженов из загса отправляются к родителям жены или мужа. А это значит, новая ячейка должна вписаться в прочный, сложившийся уклад жизни. Точнее, «чужеродному элементу» придется приспосабливаться к уставу и правилам, ему прежде непривычным. И «хозяевам» приходится притираться к нему.

Естественно, что подобный процесс не может проходить безболезненно для обеих сторон, не может он оставлять равнодушным и связующее их звено. Скорее наиболее тяжко достается как раз этому «звену»: связывать воедино равно дорогих, но чужих друг другу людей.

Какие здесь возникают коллизии и как они разрешаются современными семьями? Как уживаются между собой нынешние свекрови и невестки, зятья и тещи, в прежние времена дававшие повод для написания множества драматических и комических историй?

Однажды в редакцию пришло письмо старой женщины. Она рассказывала о несчастье, постигшем ее семью: погиб самый дорогой для нее человек, единственный сын. А его жена, молодая вдова, осталась с ребенком на руках. О чем же просила понесшая невосполнимую утрату мать? Помочь устроить семейную жизнь своей невестки, милой, доброй, образованной, но очень застенчивой Галочки, которая вот уже несколько лет живет затворницей. А годы проходят. «Ей нужен муж, внучке — отец, без этого не будет у них счастья, а у меня — покоя».

Свекровь обращается с просьбой к «службе знакомств», коли она уже образуется, найти тонкий, деликатный способ вывести Галочку «на люди», в интересный круг возможных партнеров или сообщить ей (свекрови) адреса тех, кто мог бы стать претендентом на руку и доброе сердце невестки.

Обычно славим мы самоотверженность, бескорыстие матерей.

Этот поступок в чей реестр заслуг занести? Матери или свекрови? Да и отделимы ли они в данном случае?

Но, к сожалению, такие свекрови в нашей жизни встречаются не так уж часто. Случайно ли, что про тещу целые «сериалы» веселых анекдотов сложено и песни поются, а про свекровь ничего подобного. Ни одной безобидной шутки-прибаутки. Но зато сколько страха, ненависти, желчи и яду в песнях и частушках. Неулыбчив фольклор, мрачны литературные образы (у Даля поговорки про нее — одна другой лютей). Неужго так уж несправедлива народная молва, готовая обычно понять и простить?

Попробуем разобраться, как складываются отношения свекрови и невестки в современной семье. На стиль отношений между членами современной семьи существенно влияет уровень образования. А он значительно вырос и у свекровей, и у невесток. Приходит понимание мотивов поведения людей, близких и далеких. К свекровям постепенно приходит сознание, что их недовольство снохой не всегда вызывается недостатками самой молодой женщины, скорее общими свойствами женской психики.

Способствуют смягчению нравов и чисто объективные причины: свекровь и невестка все чаще живут врозь и материально друг от друга не зависят. Большая часть молодоженов, живущих со старшими, обосновываются у родителей жены. Согласитесь, что при такой ситуации поводов для взаимного недовольства у свекрови и невестки гораздо меньше.

Но и в прежние времена при любых трудностях и тяготах жизни было немало семей, в которых только посмеивались над поговорками, что чернили старшую из женщин. Сноха, бывало, в таком доме и само-то слово «свекровь» выговорить не могла, таким оно ей казалось скрипучим да корявым, неправедным, «матушка», а потом «бабушка», и не делалось различия: чья она — мужнина мать или собственная.

В современных семьях редко зовут свекровь «мамой», больше по имени-отчеству. Но это не влияет на глубинные их отношения. Напротив, они становятся заметно мягче, деликатней. Нередко свекровь и невестка обретают трогательное единение, вроде того, что установилось между героинями комедии П. Бомарше «Женитьба Фигаро». Свежеиспеченная свекровь, Марселина, бросается помогать невестке, Сюзанне, в ее плутнях с графом и мужем, так характеризуя юную подругу Фигаро: «Она такое прелестное создание! Ах, когда личные интересы не вооружают нас, женщин, друг против друга, мы все, как одна, готовы защищать наш бедный, угнетенный пол от гордых, ужасных... *(со смехом)* и вместе с тем недалеких мужчин».

И все-таки сам факт того, что только 1/3 молодоженов живет с матерью мужа, довольно многозначителен. Значит, молодой семье у матери жены живется лучше, чем у матери мужа. Обе — матери, обе желают счастья своим детям, а то ли понимают это счастье по-разному, то ли точек соприкосновения и по-

...водов для раздражения у тещи с зятем меньше, чем у двух женщин на одной кухне. Ну, а если обе эти должности сходятся в одном человеке? Как тогда теща-свекровь реагирует на поведение своих новоявленных родственников?

Приведу такую расхожую байку. Разговаривают старые приятельницы. Одна рассказывает другой про жизнь своих детей. Дочке в браке повезло. Зять попался внимательный, заботливый, трудолюбивый. Молодая жена не успевает сон с ресниц стряхнуть, а он уже в булочную сбегал, завтрак приготовил, кофе сварил — все успевает и умеет. Но зато уж сыну не повезло — так не повезло! Жена попалась ленивая, гонористая. Утром не соизволит встать, сыну завтрак приготовить. Он, бедный, вынужден сам себе пищу разогревать, а то и уходит на работу голодный. Ее же с колоколами не добудишься.

В этой притче, наверное, выражена особенность материнской психики: одинаковую ситуацию оценивать совершенно по-разному. Что хорошо для собственного дитяти, то и вообще хорошо, даже если кому-то не очень удобно и приятно. Все, что хоть в малом ущемляет интересы моего чада, должно быть отринуто и осуждено, даже если справедливо.

Может быть, отношения двух женщин, свекрови и невестки, порой не складываются оттого, что у старшей женщины глаза затуманены любовью к сыну и у молодой они не больно-то зрячи? Эмоции, не регулируемые здравым смыслом, терпимостью, могут бед натворить немало. Вот несколько примеров.

...Сын женился, не спросясь у матери, чем кровно ее обидел. А досаду свою мать перенесла на молодую жену. Та не захотела терпеть напраслину, добилась, что уехали от родителей в другой город. Потом в течение четырех десятков лет ни свекровь в дом невестки, ни та к ней — ни ногой! Сорок лет войны на расстоянии, в которую были втянуты и дети, и внуки, и дальние родственники. И не устали, не заключили перемирия даже в годы совместных утрат.

Не было бы нужды приводить подобный пример, если бы и из него, как из сказки, нельзя было извлечь «намек, добрым молодцам урок». Очень важно, чтобы муж умно и тактично ввел в дом молодую жену, не сделал ее без вины виноватой в глазах собственной матери. Надо суметь расположить своих родственников к будущей невестке, при этом не вызывая материнской ревности. Хитро? Несомненно, но ведь и дело того стоит: будет ли мир и лад в собственном доме.

Случай другой. Сын только-только отпустил усы-пушок, а мама уже в тоске и отчаянии: вот-вот появится на горизонте «она», разлучница-похитительница ее счастья, ее благополучия. Как признавалась одна знакомая, вполне образованная женщина, при одной этой мысли у нее дыхание прерывалось, комок подкатывал к горлу. Когда же и впрямь появилась «она», были слезы, истерики, были и попытки сдерживаться, из которых ничего пут-

ного не получалось, а даже еще хуже: все чувствовали себя «злодеями», которым приносится в жертву материнское сердце. Сын не выдержал, настоял на разъезде, заслужив за это обвинение в предательстве.

Мне кажется, что в данном случае материнское начало у свекрови уступает собственническому. Тогда и появляется безоглядная ревность, столько слез исторгшая из невесткиных глаз. Порой молодой муж, впитавший с молоком матери привычку к послушанию и почтению к родительнице, не желает вникать в поводы и причины распрей между двумя женщинами и занимает одну позицию — мамину. Как правило, ничего хорошего из такой односторонности не выходит, а выходит развод или глухая, прерывающаяся в скандалах вражда уже с собственной женой.

— А где мое место на самом деле? — спрашивал как-то вот такой неустроенный супруг и сын.— Разорваться мне, что ли, между ними? Вся их страсть расходуется друг на друга, на меня ни сил, ни времени, ни сердца не хватает.

Думается, что в подобных обстоятельствах лучше разъехаться и свести общение к предельному минимуму. В такого рода состязаниях заведомо не будет победителей. Чья бы сила ни одолела, пострадают семья и счастье всех участников «турнира». Вернется ли сын к матери в ее полное распоряжение, он не забудет и не простит ей разрыва с женой, тем более если без него останутся дети. Отвадит ли жена мужа от матери, ей это тоже даром не пройдет. Ведь этим она подаст пример непочтительного отношения к матери собственным детям. Как он отзовется на ней самой в недалеком будущем, можно легко представить.

Нередко жена надеется перевоспитать мужа. Но для этого от нее требуется максимум дальновидности и педагогического такта. А где молодой женщине взять дальновидность и педагогическое искусство? Тут-то она и начинает спотыкаться. Стараясь ослабить влияние матери, то и дело попрекает мужа: «Это у тебя от матери такой характер, такие замашки!» И не понимает, что достигает обратного результата. Вместо того чтобы понять и принять ее правоту, муж отмахивается от замечаний. И не удивительно: человеку ведь легче оправдать свои недостатки, тем более врожденные, привычные, ставшие натурой, чем решительно изменить себя. Из этих соображений он старается оправдать и ту, что сотворила его таким, ту, что сама обладает теми же качествами.

Даже самые справедливые претензии молодой женщины должны смягчаться сознанием, что перед ней мать и ее сын!

Любовь к матери, всякой, хорошей или дурной,— одна из подлинных человеческих ценностей. Кому, как не женщине, дорожить этим чувством.

— Хорошо, любовь к матери — священное чувство, но отчего только к собственной? Ведь я тоже мать, но уже его детей.

Значит, одной нужно поклоняться, а с другой можно не считаться, не церемониться?

Это — лейтмотив многих разговоров уязвленных невесток. И здесь есть своя логика. Разрешить подобную задачу может лишь объект соперничества, сын и муж.

Говорят, в Грузии есть такой обычай. Мужчина, приводя в дом молодую жену, сопровождает ее появление особым наставлением. Матери он говорит: «Вот моя жена, я избрал ее. И если ты любишь меня, то примешь ее как дочь. Но если ты обидишь ее, ты мне не мать». А жене он говорит: «Вот моя мать. Я люблю ее, и ты будь ей дочерью. Но если ты обидишь ее, ты мне не жена». Уверена, и в других краях найдется немало примеров случаев бесконфликтного сосуществования двух женщин. Да, собственно, с такого примера и начат был этот разговор.

Не каждому мужчине и не всегда нравится искреннее единение двух женщин. Иным из мужей, как правило, не очень морально стойким, выгоднее противостояние матери и жены: каждая старается его задобрить, исполнять капризы, потакая его слабостям. А если женщины объединяются, то нередко берут такого мужа в педагогические тиски и стараются усовершенствовать, облагородить. Приятно это ему или нет, но справедливости ради придется признать: для нравственного и физического здоровья мужчин благотворна дружба между свекровью и невесткой. Да и во всем доме атмосфера меняется, когда у хозяек лица благорасположенные, улыбчивые, веселые. Для детей-внуков доброе согласие между мамой и бабушкой что солнечный свет, «биостимулятор роста души». Их сердца минет тень соперничества, не остудит, не познобит холодность отношений между самыми любимыми людьми.

Очень полезно взять за принцип так называемую у юристов «презумпцию невиновности». Видя, что другая женщина делает что-то не так, говорит не эдак, попытаться внушить себе: не виновата! Она родилась в другой семье, в другое время, воспитана с другими привычками. Не виновата свекровь, что не может переменить вкусы и привычки, потому что годы затвердили, сцементировали характер. Не виновата невестка, что молода, неопытна, нерасторопна, много промахов делает.

Очень полезно помнить о возрасте и привычках другого человека. Лучше всего искать в поступках и словах друг друга не оплошности и недостатки, а объяснения и доводы в пользу друг друга.

...Но правильно ли все взваливать на плечи двух женщин? Ведь любую семейную роль нельзя сыграть в одиночку — это роль коллективная. В отношениях участвует все окружение: и свекор, и остальные родственники, которые либо не противятся разыгрывающимся страстям, либо утихомиривают их и помогают молодой женщине войти в круг семьи, стать желанным, равноправным ее членом.

Тут бывает велика сила и власть свекра. Он обычно более

доброжелательно бывает настроен к жене сына и в то же время имеет большое влияние на собственную супругу. И не в том дело, что он часто берет на себя обязанности «третейского судьи». Скорее он умеет быть громоотводом, оборачивая шуткой резкость, стараясь разрядить облака взаимного недовольства.

По аналогии с отношениями свекрови и невестки было бы справедливо посмотреть: какими предстают в глазах друг друга и ближайшего окружения два члена семьи разного возраста, но одного пола, тесть и зять. Но вот аналогии никак не получается. Хотя вроде бы предпосылки для сложных коллизий при совместной жизни все те же, что и в отношениях между двумя женщинами.

Молодой супруг, поселившийся в доме жены, а именно эта ситуация прежде всего интересна, поскольку наиболее нынче распространена, заставляет потесниться старших. Это — во-первых. А во-вторых, экономически он тоже бывает зависим от тестя, все еще главного кормильца во многих семьях. Браки у нас заключаются между юнцами, частенько не имеющими крепкой материальной базы. И при этом столкновения между мужчинами — довольно редкое явление. Хотя замечено: зачастую отец к дочери относится нежней, чем к сыну, прикипает к ней сердцем. И вроде бы должен испытывать жгучую ревность к постороннему парню, который «срывает цветок», взращенный его заботой и лаской.

Причина такой бесконфликтности, на мой взгляд, в том что оба частенько не имеют дома серьезного дела, занятия. А домашние мелочи: купить мебель такой конфигурации или иной, поставить шкаф в углу или у стенки, жарить или тушить овощи... и прочая и прочая, не затрагивают кровных интересов, не вызывают принципиальных возражений, а значит, противостояния. Тем более что чаще всего и решение принимается, и исполняется задуманное без их активного участия, при двух совещательных голосах.

На чем же, на какой почве порой возникают неприязненные отношения между людьми разного пола, разного возраста, разных сфер домашнего влияния — между тещей и зятем?

Надо признать, что в отношениях между этими членами семьи нередко решающую роль играет неприспособленность зятя к семейной жизни.

Что греха таить, будущие мужья нынче нередко воспитываются в тепличных условиях, боятся перегрузок самостоятельной жизни. И, став зятьями, никак не могут взять в толк: чего от них требуют родители жены? Его собственная родительница никогда не пеняла ему на невключенность в домашние заботы, напротив, всячески его оберегала от них. Значит, это родительская обязанность, а не одолжение, за которое нужно особенно благодарить другую женщину, мать жены. А если еще и молодая жена, т. е. дочь, не подготовлена к преодолению лишений и невзгод,

...ение двух единственных, двух «берущих», под крылом ... матери чревато неприятностями для всех членов семьи.

Осложнения вызывает и пристрастие зятя к алкоголю. Статистика утверждает, что основная масса разводов ныне происходит по инициативе женщин, у которых мужья обнаруживают эту слабость. И матери их, конечно, поддерживают решение своих дочерей. Честно говоря, если молодой человек появляется в семье жены уже зараженный этой болезнью, трудно ему рассчитывать на доброе отношение. В новой семье все понимают, какую неизбежную беду несет этот человек и их дочери, и ее потомству.

Совсем иное дело, когда зять потянулся к вину уже после того, как изменил свое холостяцкое житье. Тут не мешает и маме, и дочери задуматься о причине появившегося пристрастия. Да в свою сторону оглянуться: не подтолкнули ли его к рюмке? Ведь бывает, что зять чувствует себя неприкаянным не только из-за неустроенности в новой семье, но даже, напротив, из-за желания новых родичей ему угодить, освободить от трудов и забот. Нет у молодого человека своего дела в доме, нет ответственности, нет долга, нет и занятости. А, как известно, безделье — мать всех пороков.

Вот и здесь противоречие: нагружает теща зятя всякими домашними работами и заботами, может этим его обидеть, раздражить и его, и свою дочь. Освобождает от всех забот — открывает сосуд со всякими пороками. Разумная мера, видимо, и в этом случае должна стать главной судьей и советчицей.

В какой же ситуации мир и лад между новыми родственниками сохраняется на долгие годы? Да много способов и методов достичь доброжелательности с обеих сторон, когда есть обоюдное желание. На моих глазах протекали безболезненные отношения этих двух членов семьи. Притом что зять был, прямо скажем — не подарочек. Тесть его до регистрации дочери иначе, как «шалопаем», и не называл. А теща горючими слезами умылась на свадьбе. Однако на другой день было сказано, как отрезано: дело сделалось, теперь мы — одна семья, значит, все подмечать и говорить, что на добро. Ни слова — во зло. И выдержали обещанное. Иной раз уже дочка на мать сердилась:

— Почему не вмешаешься, не пригрозишь, а все его только по шерстке гладишь? И свекровь за него, и ты, родная мать, тоже. А я — одна, без поддержки и опоры, вроде бы кругом виновата.

— Дурочка ты,— смеется, бывало, мать,— Ты же — моя дочь. Ну, посердилась немного, сердце и отошло. Куда тебе от меня деться? А он запомнит и перетолкует каждое мое неосторожное слово. Потом тебя же от меня и отвадит, передо мной дверь закроет. Кому от этого хорошо станет? Тебе, ему, мне, сыну твоему? Вот и соображай! Семейная жизнь — школа дипломатии и тончайшей политики. А ты: «справедливо-несправедливо». Если бы

была единая и неделимая справедливость, тогда еще куда ни шло, а то ведь, что разумно для нас с тобой, для мужчин вовсе нет. И наоборот. Да и во времени многое для нас меняется: мы завтра, может, сами то поймем и поддержим, что сегодня принимать в расчет не желаем.

Надо воздать должное и зятю: «шалопаем» он был по молодости, а не по сущности. Сумел понять и оценить позицию родителей жены, перенять их стиль: ничего во зло друг другу. И все, сделанное для его семьи старшими, принимал с искренней признательностью, не попрекал за отказ в помощи, коли такое случалось. И теперь, когда уже нет в живых тестя и тещи, память о них в этом доме — самая добрая и неизменная.

...Теща в дом — мир в дом. Она, глядишь, печатает объявления в газете, переезжает из удобной и привычной квартиры в худшие условия, лишь бы поближе к детям и внукам. Она раньше, чем иссякнут силы и охота, уходит со службы на пенсию. Видели вы толпы терпеливых и еще не старых женщин в раздевалках обычных и музыкальных школ, стынущих на стадионах в ожидании, когда набегаются милые сердцу внуки. Летом, на даче, они живут месяцами, оторванные от собственных дел, забросив нередко своих мужей.

Чего же ждут и требуют они от своих зятьев? Внимания и чуткости прежде всего. А еще и сочувствия к волнениям неугомонного материнского сердца. Внимание для них — бальзам, благодарность и деликатность — лучшая награда. А чем может теща завоевать расположение зятя? Помочь, если может и хочет, дочери стать самостоятельной хозяйкой в его семье, работать на укрепление их союза.

Здесь получается картина, аналогичная той, что складывается в отношениях между свекровью и невесткой, с той разницей, что двум женщинам почаще нужно оглядываться на возраст друг друга, а теще с зятем — на пол. Ему не забывать о том, что теща женщина, а ей, в свою очередь, что он мужчина, пусть и молодой, неопытный, но уже с определенными представлениями о собственном достоинстве.

Как видите, не такие уж это тяжелые и неисполнимые условия. Молодая ли жена входит в семью родителей мужа, мужчина ли врастает в чужой уклад жизни — никому из них не избежать этапа притирания характеров, преодоления разницы привычек, вкусов и интересов. Но так ли уж редко нам доводится проходить через подобные испытания, чтобы делать из этого вселенскую драму? Сколько раз на протяжении даже юных лет человек меняет привычный коллектив на новый? Переходит он из одной школы в другую, из нее — в училище, техникум, вуз или поступает на работу. И там нередки перемещения. И везде приходится адаптироваться (попросту говоря, приспосабливаться) к незнакомым условиям и людям. В большинстве случаев удается найти общий язык.

Весь этот опыт, различные приемы, помогающие снимать напряжение в отношениях с одноклассниками и сослуживцами, можно будет перенести на плацдарм отношений с новыми родственниками. А тот, кто сумел и успел усвоить правила и нормы культуры общения, одолеет этот рубеж с бо́льшей легкостью, чем «необученные», и приобретет в лице еще недавно чужих людей «кровных содружников». А это, поверьте, очень ценное приобретение.

Бабушки и дедушки

Не будет преувеличением сказать, что XX в. необычайно увеличил и тем самым возвеличил два периода в жизни человека: детство и старость.

Люди долго недооценивали значение детства для последующего развития личности. А старость рассматривали всего лишь как итог жизни. И поэтому эти два периода особым вниманием исследователей не были избалованы. Да и изучать-то было некого. Продолжительность жизни в дореволюционной России была очень низкой: средняя продолжительность жизни мужчин едва превышала 30 лет, женщины жили на два-три года дольше.

Это, конечно, не означало, что все жители страны умирали молодыми или в зрелые лета. Цифры продолжительности жизни населения извлекаются из статистических данных, фиксирующих все рождения и смерти. А значит, среднее число будет тем меньше, чем выше смертность не только в зрелые годы, но и в детские. В дореволюционной России детская смертность была очень высокой. Оттого средние показатели продолжительности жизни были удручающе низкими и старики в доме были скорее исключением, чем правилом. От непосильного труда и плохих условий быта крестьяне, рабочие, ремесленники рано сходили в могилу от всякого мора и голода. Не дотягивали до старости и их антиподы — эти как раз из-за излишеств, распущенности нравов и образа жизни, разрушающего здоровье.

Нынче численность людей пожилого возраста растет быстрее даже, чем число новорожденных. Не случайно ученые-демографы говорят о постарении населения нашей страны. В 1939 г. в СССР было менее 7% жителей старше 60 лет. В 1970 г. их уже стало около 12%. Демографы предсказывают, что к началу следующего века эта цифра вырастет до 17%.

Увеличение доли пожилых людей порождает проблемы, не существующие в прежние времена: обществу необходимо выяснить и укрепить место и значимость пенсионеров в общественной и семейной жизни, поддержать их здоровье, организовать деятельность, отдых и содержательное общение.

Мы с вами затронем лишь некоторые из этих вопросов.

Пиком жизненной и трудовой активности человека многие современные исследователи считают 40—45 лет. За пятидесятью,

как правило, начинается спад. И вот что примечательно: при этом как бы в перевернутом виде повторяются этапы становления человеческой личности.

На вершине, на пике лет — резкий всплеск всех сил и способностей, наступает «вторая молодость». И мужчина, и женщина словно бы расцветают вновь. Это уже доказанный факт: почти во всех областях общественного труда ведущими специалистами, руководителями коллективов выступают люди, чьи виски густо запорошила седина. В президиумах собраний, конференций, в наградных списках прежде всего они.

Приглядитесь к нынешним странствующим и путешествующим, к посетителям музеев, филармоний, фестивалей — значительную долю здесь тоже составляет вполне солидная публика. А оглянитесь на заядлых садоводов, самодеятельных умельцев, рукодельниц и домашних изобретателей, участников клубов, студий... Иной раз остается только диву даваться: как это им удалось сохранить силы, любознательность, увлеченность, жадность до всего необычного?

Объяснение можно найти в самом их семейно-общественном положении: социальное положение достаточно прочно, разрешены самые насущные бытовые проблемы (заработок, жилье и т. д.), дети стали взрослыми, сняли груз забот с плеч родительских. Что ж, живи и радуйся, реализуй все стремления и интересы, на которые в прежние времена не хватало ни времени, ни средств, физических и материальных. Счастливая пора... для тех, кто на пути к ней не растерял своей душевной энергии и не растратил ее в погоне за мнимыми ценностями и удовольствиями.

Затем наступает время постепенного снижения жизненной активности. Ко многим возвращается «подростковая» пора глубинного осмысления назначения человека в жизни, только с «обратной перспективой» — с заглядом не в будущее, а в прошлое.

Некоторые драматически переживают эту пору. Все больше дел и удовольствий, про которые приходится говорить: это не для меня. Снова, как в отрочестве, увеличиваются «ножницы» между «могу» и «хочу»: подростки *еще* не могут осуществить многое из того, что они желают, а стареющий человек *уже* не может реализовать многие желания.

И снова, как в давние года, мучают очевидные перемены во внешности не в лучшую сторону. С той лишь разницей, что у подростков эти перемены временные, а у старика — навсегда. Со страхом вглядывается он (она) в жестокое своей правдивостью зеркало. Подросток подмечает уродующие его лицо прыщики и всяческие пигментные пятна, старики — морщины, вялость и обвислость кожи, мутнеющий цвет глаз.

Особенно тяжело эти перемены переживают женщины.

Чье это незнакомое лицо глядит на нее из зеркала? Кто эта женщина? Как она должна вести себя: как одеваться, причесываться, двигаться, разговаривать? Не ясно. Кризис жанра.

Горячие приливы крови к голове, учащенное сердцебиение, одышка, повышенная нервозность и плаксивость (прежде всего у женщин) — таковы внешние проявления этого состояния. Иногда оно оборачивается серьезным расстройством здоровья. И если подростковые муки длятся 2—3 года, климакс (так называется у медиков подобное состояние организма стареющих людей) у некоторых женщин затягивается на 5—8, а то и 10 лет.

И здесь хочется сказать об отношении окружающих к «переходному возрасту». Если переживания юной души и муки расцветающего тела взрослые понимают и стараются облегчить — помнят себя в этом возрасте, то о возрастных особенностях пожилых молодые, как правило, ничего не знают, оттого и не сочувствуют. Порой считают, что просто у «стариков» портится нрав.

Как и любой возраст, старость вызывает разные эмоции. Вы помните, как писал о ней молодой Гоголь в поэме «Мертвые души»: «...все может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости...» И так далее, всем известные слова о страшной беспощадности старости, которая, по мнению молодого писателя, хуже самой смерти.

Но вот вчитайтесь, вдумайтесь в свидетельство человека, дожившего до этих лет, кто о старости знал не по внешним и преждевременным суждениям. Писатель Вересаев, не раз упоминавшийся в наших разговорах, совсем иного мнения на сей счет: «Все мы растем в презрении к старости и в ужасе перед нею. Но если бы я тогда знал,— а кто это в молодости знает? — если бы я сам тогда знал, какою нестрашною, какою радостною и благодатною может быть эта грозная старость!..

Вспоминаю скомканную тревожность юности, ноющие муки самолюбия, буйно набухающие на душе болезненные наросты, темно бушующие, унижающие тело страсти, безглазое метание в гуще обступающих вопросов, непонимание себя, неумение подступить к жизни...

А теперь каким-то крепким щитом прикрылась душа, не так уж легко ранят ее наружные беды, обиды, удары по самолюбию, в руках как будто надежный компас; не страшна обступившая чаща; зорче стали духовные глаза, в душе — ясность, твердость и благодарность к жизни.

...Да, может быть, если бы знала молодость, какая возможна озаренная, поднимающая дух старость,— может быть, она бы менее беззаботно «прожигала» себя... Промотать все силы — и потом прийти к мутноглазой старости, харкающей, задыхающейся, с брезгливо отвисшей губой и темным лицом. И говорить юности: «Старость — это страшная, проклятая пора человеческой жизни».

Подобные же суждения можно встретить у многих мудрых старцев, которые вошли в эту долгую, гораздо более продолжи-

тельную, чем юность, часть жизни, не промотав достояние, отпущенное природой и окультуренное воспитанием: тело, ум, сердце человеческое.

Говорят: юность — это возмездие. Пожалуй, о доброй старости можно сказать: она — награда за честно, разумно и сердечно прожитые годы.

Справедливо и другое суждение: «Человеку столько лет, на сколько он сам себя чувствует». И старость — не возраст, а состояние здоровья: физического, интеллектуального и эмоционального. А уже ваш собственный опыт подскажет: кого из вашего ближайшего окружения можно отнести к молодым, несмотря на долгую и трудную биографию за плечами, а кого к пожилым, ждущим пенсионного обеспечения, хотя еще спины не согнул на общественной ниве и ничего путного на ней не вырастил. Есть ведь и среди ваших сверстников юные старцы: вроде бы уже все испытавшие, все знающие и уставшие от многознания, разочарованные в жизни, брюзжащие на ее несовершенство. Им до «мутноглазой» дряхлости ой-ой сколько идти, а у них уж скепсис глаза замутил и на белый свет смотреть неохота. Вот кого жалеть-то надо!

Но это некоторое отвлечение от основной темы данной беседы.

Современные молодые люди безоглядно именуют своих родителей стариками и считают, что те себя уже исчерпали, изжили все желания и интересы, кроме одного: как бы получше устроить свое потомство, пестовать и агукать внучат. Многие молодожены не желают вникать в то, что превращают в дедушек и бабушек людей, которых и общество, и природа еще не списали со счетов ни как работников, ни как мужчин и женщин.

Немало конфликтов возникает в новообразовавшихся семьях именно из-за непонимания состояния «стариков», особенностей их возрастной психологии.

— Бабушка, ты чего пляшешь? Бабушкам плясать не положено! — стыдила внучка свою сорокапятилетнюю бабусю, которая смотрелась совсем еще молодой, привлекательной женщиной и, действительно, забыв про свой «чин», лихо отплясывала новомодный танец на семейном торжестве.

— Ишь, наши старики — туда же, про любовь запели! — иронизируют молодые супруги, видя в острой чувствительности, в кокетстве бабушек и в галантности дедушек чуть ли не забвение моральных норм поведения пожилых людей, нечто неприличное.

Какими же они рисуются придирчивому и ревнивому взору нынешних юных и уже взрослых детей, современные бабушки и дедушки, и какие есть на самом деле?

По сказкам, по народным преданиям бабушка — это ветхозаветная старушка, тихонькая и неутомимая, как мышка, снующая по дому, всем угождающая и ничего не требующая взамен,

мастерица стряпать и ткать, шить и вязать, искусная сказительница былей и небывальщин, сочинительница ласковых колыбельных, подмога детям и утеха внукам, добрая совесть и свет дома. А дед — само собой — всевед, борода седая, глаз с хитрым прищуром, тоже неугомонный умелец и домашний философ.

Правда, столь идеальные лики и в прошлом-то не на каждом шагу встречались. Живые натуры и характеры всегда сложней идеализированных представлений. Даже такая нежно любимая, какой была бабушка Алеши Пешкова, мало похожа на иконописный лик. А дед Каширин — прямо-таки злой гном. Видимо, исторический опыт народной жизни отобрал все самое-самое важное, необходимое для лучшего исполнения этих ролей, когда создавал сказочные типажи.

Хочу обратить внимание на одну лингвистическую особенность. В английском, французском, немецком языках нет слова, аналогичного нашему, — «бабушка». Там она зовется «большой мамой», т. е. обозначена ее функция, ее главенствующее положение в семье. Как видите, в данном определении отсутствует эмоциональная окраска, отношение к той, что является мамой мамы и папы.

Русское слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «ушк» вроде бы, напротив, умаляя масштабы ее фигуры и значимости, одновременно поднимает ее на пьедестал любви. Не случайно в словаре Даля у этого слова 12 вариаций, таких же уютно-ласковых, и лишь одно — «бабка» — угловато-грубое.

Отчего это? Известно, язык отражает сложившуюся практику отношений. А все наши путешествующие-странствующие отмечают непривычную для нас особенность европейского и американского быта: отстраненность старшего поколения от взрослых детей и внуков.

Правда, и у нас в последнее время появились женщины, которые не спешат облачиться в бабушкин чепец и даже стесняются этого звания. Оглянитесь на их возраст и самочувствие в жизни — и все станет ясно. Бабушками становятся и в 28 лет (зарегистрированы такие случаи), и в 35—40, а дальше до рекордного срока земного существования. Поэтому одинаково справедливы слова о том, что современной бабушке ничто женское не чуждо, в том числе любовные переживания, желание повеселиться, принарядиться. Правильно и то, что ей могут быть присущи возрастные, старческие недостатки. Оба суждения правомерны, но лишь с точной оговоркой, что они относятся к разным категориям бабушек.

Средняя продолжительность жизни нынешних женщин держится на отметке в 75 лет. Это значит, что, став уже бабушками, они нередко остаются дочерьми, невестками престарелых родителей. Кто не испытал такого, не поймет, как подобный факт действует на самочувствие женщины. Пока есть на свете люди, что зовут тебя «дочкой», ты еще юна, у тебя еще все впереди!

Сколько бы поколений за тобой ни теснилось. А у любой жен-щины ее внутреннее, психологическое состояние отражается решительным образом на физиологии, на внешности.

Очень часто молодые бабушки и выглядят, как старшие сестры своих взрослых дочерей. И фигуры спортивные, подтянутые, и на лице косметика, и одежда ничем не отличается от молодежной. И это объяснимо: бабушки сплошь и рядом трудятся вместе с молодежью, и никто не делает скидки «на возраст», на их солидное положение.

А про дедушек и говорить нечего. Они и прежде, и тем более теперь не хотят уступать молодости.

...Главный водораздел, который определяет типы бабушек и дедушек, проходит между работающими и пенсионерами. Это часто даже важнее, [illegible]. При всем блестящем внешнем [illegible] «стариков» сложнее, [illegible] у других членов семьи. Я назвала бы [illegible] жизни действует тот же [illegible] В весеннюю пору: [illegible] веселое, беспечное время. Летом растят посеянное, радуются силе, теплу, свету [illegible] соков не будет предела. Осень смешает все: радость и страх, гордость и отчаяние, краски у нее горячечные, красота какая-то вызывающая. Одно слово: переломная пора. Вот он — желанный урожай, убирать его отрадно и грустно, а [illegible]

Смотрите. Родители к этому сроку, как мы уже говорили, достигают вершины профессионального мастерства. Соответственно самые [illegible] бывают у них. Отсюда при [illegible] требующего заботы и ухода, [illegible] не заводит о том, чтобы бабушка осталась с [illegible] дома, а она пойдет работать. Это не [illegible] общественными интересами. И денежные потери будут большими, и деловые, и престижные. И наконец, старшей маме необходимо заработать себе пенсию, обеспечить существование на то долгое время, когда она сядет дома.

Так что частенько юные мамы нынче шьют и вяжут, рассказывают сказки и снуют по дому. А многим бабушкам некогда этим заняться.

Правда, немалая часть бабушек и дедушек живет и действует как раз в рамках традиционных правил. У них с годами дом занимает все большую часть времени и сил. С работы они не знают иной дороги, кроме как за внучатами в школу, в садик или ясли, на каток или в зоопарк. И нет иного развлечения дома, кроме сидения у телевизора, в программах которого они прежде всего ищут «малышовые» передачи.

Можно ли считать такой образ жизни ущербным? Вряд ли: каждому — свое. Просто наше время предоставляет возможность

выбора поведения, не навязывая жесткие нормативы и обязательность.

На профессиональную спешку работающих бабушек и дедушек накладывается масса семейных обязанностей, тоже свойственных лишь этой поре. Вдруг резко старятся еще недавно такие бодрые, самостоятельные и деятельные родители, те, кого они тоже могли называть «стариками», тем самым отделяя себя от людей этого звания. Что такое уход за хроническими больными, немощными стариками, объяснять тягостно и не сказать нельзя. Кто не пережил медленного угасания дорогого человека, всех проблем посещения больниц, и совмещения этих забот со службой, не поймет того, что обрушивается на плечи прежде всего дочерей.

Болезни стариков, тем более их смерти, долго и мучительно переживаются стареющими детьми. Пожалуй, тяжелей, чем потери в юности. Молодость не знает, не чувствует масштаба потерь, ее от горя отвлекает и развлекает перспектива долгой жизни. А тут возникает сознание, что своим уходом родители сняли барьер, ограждающий тебя от зияющей бездны небытия. И ты остаешься один на один с тем, о чем за их спиной и думать не приходилось. .

Родители нынешних молодых бабушек уходят в вечное никуда, оставляя своих седеющих детей перед вопросом: что же такое все эти зримые знаки преуспевания, звания и названия, дома, квартиры, вещи, деньги? Они ли будут материальным, вещественным доказательством их земного существования, более важным, чем дети и внуки?

Но уходят из жизни не только старики. Зачастую и 45-летние бабушки срывают свое здоровье, покидают нас, так и не успев состариться. И все же редко услышишь призывы: «Берегите молодую работающую бабушку! Она очень полезный член общества!» Напротив, со всех сторон слышатся требования, обращенные именно к ней. «Берегите мужчин!» — это к ней адресуются демографы и медики, потому что пик мужской смертности приходится на молодых дедушек. «Берегите молодую семью! Она без помощи старших может развалиться!» — и это к ней. Она ведь играет в семье главную роль, как мать, как свекровь и теща. И, наконец: «Берегите внуков! Они — ваше продолжение, ваше бессмертие!» Все верно, все правильно. Кому же, коли не ей, беречь всех, заботиться обо всех. Ведь это время ее высшей самоотдачи. Но в страду, как известно, одному со всеми работами не управиться. Есть поддержка, есть взаимность — силы множатся, нет — гаснет желание везде поспеть. Наоборот, копится усталость и потребность заслуженного отдыха, тихих радостей. Вот когда нужна добрая подмога и мужа (дедушки), и детей, и прочих родственников — всех, кому она дорога.

Я намеренно отодвинула разговор об отношениях бабушки с внуками, чтобы было ясно: еще до того счастливого мгнове-

ния, когда она склонится к изголовью детской кроватки, бабуся уже запыхается, исполняя множество других обязанностей и ролей.

В предсмертном письме С. А. Толстая обращается со словами любви и прощания ко всем родным и близким. Но особенно прочувствованные строки отнесены к внучке, Тане Сухотиной: «Совсем особенно отношусь к тебе, моя дорогая, горячо любимая, милая внучка Танюшка. Ты сделала мою жизнь особенно радостной и счастливой. Прощай, моя голубушка! Будь счастлива, благодарю тебя за твою любовь и ласку. Не забывай любящую тебя бабушку, С. Толстую».

В народе говорят: внуков любят больше, чем собственных детей. Не знаю, больше ли, но по-иному. Более осмысленно, более бескорыстно и сосредоточенно. В старости у человека есть время и охота всмотреться в маленькое существо, вслушаться в его лепет, открывая много такого, что в суталоке будней, наполненных работой, было упущено, не замечено в собственных детях. А именно на заинтересованности взрослого и строится ответный интерес, доверие, открытость ребенка, который очень точно знает, кому важны его заботы, его переживания, а кому — нет.

Эта сердечная доверчивость малышей бывает особенно дорога тогда, когда собственные взрослые дети закрыли души для матери и отца, сведя все общение к набору ритуальных слов и знаков уважения.

Обостренное чувство к внукам нередко испытывают бабушки и деды, не насытившие своего родительского желания, имеющие единственного ребенка. Им бывает мало одного внука или внучки. Они молят молодых подарить еще возможность нянчить, растить малышей. Однако все чаще слышат решительный отказ: им пеняют на их собственный пример. Упрек справедливый. И не докажет родитель юным головам свое запоздалое раскаяние, опасение за их собственное благополучие при единственном ребенке.

Степень близости старого и малого нередко прямо пропорциональна разнице в возрасте. Чем дальше на шкале жизни отстоят они друг от друга, тем теснее связь. Может, оттого, что у ребенка все радости и печали складываются из самых простых и естественных впечатлений бытия, и у стариков — тоже. И те, и другие радуются солнышку и снегу, зеленой травке, пробивающей асфальт.

Иное дело отношение внуков, вошедших в расцвет сил, к теряющему последние силы старому человеку. Тут могут возникнуть и отчуждение, и разлады, и взаимное раздражение. Стариковские бесконечные «почему?», «зачем?» не имеют ничего общего с детскими наивными вопросами. Дитя спрашивает, чтобы знать, «предок», чтобы укорить, а то и осудить. В самом этом вопросе, почему ты так поступаешь, говоришь, одеваешься, заключен очевидный подтекст: «Почему любишь не то, что мне

нравится? Значит, ты предпочитаешь иное, а иное — это дурное».

Пространные объяснения часто ни к чему не приводят: тут говорят два разных поколения, две разные эпохи. Попытки уходить от ответов расцениваются как оскорбление. Постепенно утрачивается нежное взаимопонимание. Хорошо, если сохраняются сочувствие и забота о здоровье и благополучии обеих «сторон». Нередко и этого не остается.

Теперь все реже старики бывают главными советчиками для внуков. Молодежь порой знает столько, сколько бабушке, да и дедушке тоже, и мыслью не объять. Есть у внуков другие советчики по всем жизненно важным вопросам, обладающие более широкой эрудицией и абсолютным авторитетом: писатели, ученые-мыслители, и, конечно, газеты, журналы, телевизор — весь этот могучий арсенал просвещения, который аккумулирует общечеловеческий опыт. Но помимо общих сведений и суждений любому из нас важен опыт, накопленный собственной семьей. В последнем романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» человек, лишенный родовой памяти, превращается в безвольного раба-манкурта. А некоторые нынешние молодые, что не интересуются живой историей семьи, душевными переживаниями стариков, сами обрекают себя на эту долю безответных манкуртов.

У многих современных писателей в чести именно древние старухи, хранительницы семейных преданий, поэзии и морали. Особенно удались они Валентину Распутину в повестях «Последний срок» и «Прощание с Матёрой» и Виктору Астафьеву в «Последнем поклоне». Но ведь надо уметь видеть и слушать сердцем, чтобы разглядеть их нравственное богатство. Увы, не каждому из нас это дано, но всем необходимо к тому стремиться.

Наконец, старики, как и дети, не дают угаснуть в душе людей теплу благодарности, поддерживают способность к самопожертвованию, культивируют снисходительность и терпимость.

Становясь немощными, как дети, старики сохраняют свои претензии на решающее мнение и авторитет в делах семьи. Это — изначально конфликтная ситуация. Но выходят из нее с достоинством многие доброжелательные и рассудительные люди.

Все реже под одной крышей живут представители трех, тем более четырех поколений. И в городах и деревнях, в рабочих семьях и у интеллигенции, в много- и малодетных кланах тенденция общая: жить врозь. Можно сожалеть, вздыхать, но, видимо, есть в такой настроенности свой резон: молодая семья жаждет, как воздуха, самостоятельности. И государство идет ей навстречу, поставив задачу — обеспечить каждую семью отдельным жильем.

Но чем больше расстояние, отделяющее стариков от молодых, тем слабее родственные связи. Уже проверено временем и доказано исследованием: общение бабушек и дедушек с внуками в больших городах во многом зависит от местожительства тех и других. Если дорога занимает час и больше, то можно с уверен-

костью говорить, что вся нагрузка в общении ляжет на телефон. Видеться родственники смогут лишь по выходным и торжественным дням или в дни общей беды.

Многие семьи стремятся преодолеть эту «полосу отчуждения», переселяясь поближе друг к другу. Это и почитается нынче за оптимальный вариант отношений между сородичами: жить рядом, но не вместе. Ленинградские архитекторы проводят экспериментальное строительство домов для семей, которые хотят жить в тесном соседстве, но опять-таки самостоятельным хозяйством. Так, к примеру, возводятся квартиры с двумя кухнями и местами общего пользования (для старшего и младшего поколений). Короче, люди ищут разумное решение возникших сложностей.

Эликсир жизни для любого нормального человека в любом возрасте — сознание своей нужности близким людям, возможность любить и быть любимым. Коли у старого человека есть такое сознание и чувство, можно считать, что судьба к нему добра, даже если иссякли силы и здоровье, если не каждый день и час видит он около себя родные лица и чужая рука подает ему лекарство.

Во время встреч с вашими сверстниками я не раз замечала, что разговоры о детях и стариках меньше всего находили душевный отклик в аудитории: не наши, мол, это заботы. И приходилось напоминать, что подлинная гуманность общества ли, семьи или отдельной личности определяется прежде всего отношением к детям и старикам, к самым беззащитным и нуждающимся в помощи нашим сородичам. И для самопознания, для постижения скрытых черт и свойств собственной натуры самые точные критерии — сочувствие, добросердечное внимание не только к тем, кто имеет и умеет, но и к тем, кто уже все отдал.

Приглядитесь, как обращается ваш друг (подружка) со своими «предками», может, и пуд соли не придется вместе съедать, чтобы разглядеть за внешним лоском черствость, эгоизм, а за показной грубоватостью — заботу о больной бабушке или одиноком деде.

И еще. Попробуйте воспроизвести свое «родовое древо», проследить историю своей семьи. Кого из дедов-прадедов и прабабушек вы хорошо знаете, о ком только слышали. Попытайтесь вспомнить: много ли внимания вы уделили старикам и как они отзывались на вашу заботу? Может, еще не поздно вернуть тепло прежних отношений, если они почему-то охладели, согреть сердца бабушек и дедушек искренним интересом. Ведь это люди, давшие жизнь вашим родителям, вынесшие на своих плечах тяжкие испытания войной, разрухой, голодом и выстоявшие в них.

Потребности естественные и искусственные

Название главы вам уже объяснило, что здесь разговор пойдет о вещах, вроде бы вовсе лишенных живого чувства, романтики, а потому далеких от восторженной юности, ее бескорыстных мечтаний. Рубли-копейки, счеты-расчеты, кому это интересно?!

Однако домашняя экономика никак не отделима от материй более сложных, чем примитивные расчеты денег от получки до получки. Экономика тесно связана с тем, что мы именуем жизненными потребностями, от них во многом зависит удовлетворение и самых насущных материальных желаний, и развитие высоких духовных запросов.

«...Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. ...» — писал Ф. Энгельс (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 350). Более того, без перечисленных житейских условий человек не может создать семью. Так что высокомерие к бытовым нуждам — либо притворство, либо легкомыслие, густо замешанное на паразитизме, не ведающем, где и как произрастают булки, откуда берутся вещи и для чего надобны деньги.

Однако существует и другая крайность в отношениях людей к бытовым проблемам: когда только деньгами и вещами, едой, питьем и квадратными метрами жилья измеряются все жизненные ценности, даже достоинства жениха или невесты. Найти разумную, человечную и нравственно оправданную меру и в этой сфере семейной жизни — задача, разрешение которой ищут долгие века ученые, мыслители, экономисты и моралисты. Естественно, что мы не в состоянии будем на ограниченном пространстве этого раздела книги вникнуть во все сложности домашней экономики. Но попробовать понять основные механизмы, которыми она управляется, и способы разумного построения собственного маленького хозяйства, нам необходимо.

Совместная жизнь молодоженов начинается со свадьбы. На этом торжестве уже очевидно проявляются материальные потребности и возможности двух семей. Вот родня невесты лихорадочно бегает по магазинам, комиссионным, по ателье в поисках какого-то особого материала на свадебное платье. Спросите

в такой момент мать девушки, что она ищет и чем ей не по вкусу то, что лежит на прилавке или предлагается в ателье.

— Такое-то добро у каждого может быть. А мы хотим, чтобы у нас было лучше, чем у соседей и знакомых.

Приглашаются в ресторан десятки, а в некоторых регионах и сотни гостей, родственников, друзей, знакомых, с кем в иные времена едва здороваются или вовсе не знаются. Зачем? Одни для того, чтобы с большим числом людей разделить семейную радость, потому как известно: радость разделенная прибывает, а горе — убывает. Другие раздувают событие, чтобы продемонстрировать свои имущественные возможности, широту и размах натуры («Пусть не думают, что нам жалко для собственного дитяти денег»).

Это в городе. В деревне свои критерии того, как должно и прилично справлять свадьбу, а мотив расходов, масштаб празднества один и тот же: чтобы было, как минимум,— не хуже, чем у других и, как максимум,— лучше.

В этом, как в капле воды, отражается сложный спектр чувств, стремлений, желаний, которыми руководствуются члены семейства, когда они строят свои материальные отношения и способы их удовлетворения.

Цели и средства. Как видите, снова мы упираемся в эти основополагающие понятия, которые и в чисто материальной сфере определяют наши успехи и поражения, благосостояние тела и души или разбазаривание всего семейного благополучия.

Цель совместного хозяйства объяснит и ребенок: оно требуется, чтобы утолить голод, жажду, чтобы не ходить босым и голым, чтобы было тепло и удобно, по возможности уютно и красиво, чтобы в этих условиях растить и воспитывать потомство, набираться сил, здоровья для трудов праведных. Потребности, которые здесь перечислены, именуются витальными, т. е. жизненными, от латинского слова «вита» (жизнь). Иначе их еще называют естественными. А вот способы их удовлетворения и масштабы их расширения могут быть разумными или неразумными, искусственными и даже извращенными, вызванными не насущными нуждами, а исключительно соображениями самолюбия: вот этим самым — чтобы «как у всех», «не хуже других», «лучше других».

Голод. Он удовлетворяется пищей простой, незамысловатой, не требующей особых ухищрений с приготовлением, сложной и дорогостоящей сервировки. Аппетит — уже совсем иное дело: он требует порядка, искусства, разнообразия. Есть еще и гурманство, т. е. особое пристрастие к еде. Тут еда становится культом, ей подчиняются все прочие желания. Иногда такое пристрастие оборачивается болезнью — обжорством, с полным нарушением и физических процессов, и моральных установок. Своего рода наркомания. Бывали случаи, когда «проедались» целые состояния.

О питье речь та же. Естественную жажду утолить проще

простого: ладошка, подставленная под струю ручья, вот и «посуда», вот и отрада. В деревне колодец, ковш, самовар и чашка. В городе стакан и водопровод. Дальше — чайник и заварка: то ли из доморощенных трав, то ли из заморского чая. Или домашний квас, морс, сок... А дальше все, как с едой. Потребности возрастают, а с ними расходы: такой-сякой чай, кофе, шипучие, крашеные, престижные лимонады, «колы», тоники. Затем неестественные, привитые человеку дурными примерами потребности в алкогольных напитках, самых-самых изысканных или, напротив, самых-самых крепких, хоть и нечистых, отравляющих организм, разрушающих ум и личность.

Одежда-обувь. И здесь та же картина: когда-то возникшая с целью обезопасить тело от холода, от ранений и царапин, защитить от ветра и солнца и потому, действительно, естественная, она с развитием цивилизации приобрела дополнительное, искусственное значение: знака, символа принадлежности человека к определенному роду-племени. Со временем она все больше превращалась в своеобразную зримую анкету: кто сей человек, из какой страны, какой нации, беден или богат, а еще — как воспитан, развит ли вкус, привержен ли общим правилам или действует сам по себе. Короче, «по одежке встречают». И по сию пору бытует такой принцип. И здесь нет ничего противоестественного.

Но одежда для некоторых людей становится всепожирающей страстью, способом самоутверждения. Впрочем, так же как и другие предметы обихода: и сами дома, и их утварь, средства передвижения, произведения искусства, средства передачи информации, художественные произведения... Возникла давно и до сей поры существует многозначность вещного мира. И порой, вместо того чтобы занимать подобающее им место, средства существования — вещи становятся целью.

Такая тенденция закрепилась с разделением человеческого сообщества на разные кланы, группы, классы. Сами определения «имущие классы» и «неимущие» вбирают это основное различие людей, во всем прочем нередко ничем друг от друга не отличающихся. При этом материальное воплощение преимуществ может быть самым разнообразным и несопоставимым: от каких-то особенных ракушек у полинезийских дикарей — до сокровищниц Великих Моголов, ломящихся от золота и драгоценных камней; от дымного, но украшенного шкурами песца чума богатого камчадала — до пышных дворцов европейских владык. Да и внутри одного племени, одной нации всегда были свои градации, свои ступени богатства и бедности.

У всех народов постепенно установилась власть имущих. Отсюда прочно сложившееся представление о вещах, как о зримых знаках социального преимущества и преуспевания, силы и власти. Такой взгляд в течение многих веков не удавалось одолеть ни пророкам, ни философам, ни поэтам, без устали атаковавшим эту

[illegible] разделяющую людей на враждующие лагеря. [illegible] вспомним реакцию русского общества на причуду Льва Толстого разрушить имущественные барьеры. Что особенного сделал граф? Стал пахать, ходить в простой [illegible] одежде, спать на жестком ложе, ходить босиком или в сапогах собственного изготовления, есть простую пищу. И уверял, что самый здоровый образ жизни — и физически, и нравственно — тот, который ведет труженик — крестьянин. Какую бурю вызвала эта «причуда» знаменитого писателя у имущих! Хоть миллионы россиян жили именно так, никого это не волновало и не шокировало. Но как можно смешать образ жизни разных социальных слоев?! Это же самая настоящая революция!

Теперь-то мы знаем, что писатель действительно ратовал за здоровый режим и образ жизни. Но ведь и понятие здоровья тоже категория социально значимая. Одно дело добытое и сохраненное своим трудом и собственными усилиями, а другое — врачебным уходом, усилиями прислуги, [illegible] на водах и другими средствами, опять же [illegible] превосходством. Получается, что [illegible] классовыми предрассудками, готов [illegible] что ему в пользу, лишь бы не уподобиться [illegible] на нижней ступени социальной лестницы.

С этой позиции станови[illegible]ное беспокойство российской верхушки (и да[illegible] самого Льва Толстого — его жены, например, Софи[illegible] если имущие в быту будут жить точно так, как и [illegible] все их преимущества — все эти звания, чины, деньги и [illegible]ности? А без них немыслимо утверждать свою вл[illegible], кто всегда считался рабочим скотом.

Вот какие революционные последствия виделись аристократии в таком внешне простом акте, как еда и одежда великого человека.

Вещи — знаки отличия. Это свое качество они порой сохраняют и поныне, отравляя родственные, дружеские, товарищеские отношения. И в то же время вещи позволяют проявиться нашей профессиональной, художнической фантазии, нашему стремлению к совершенствованию быта, к комфорту и красоте.

Историческое развитие человечества в сфере материальных потребностей идет от естественных, простых, здоровых форм ко все более усложненным, во многом искусственным. В развитых странах люди все дальше уходят от необходимых продуктов и вещей к избыточным и престижным, «знаковым». Происходит это в прямом согласовании с развитием человека: от существа в основном биологического к существу социальному, для которого законы общества становятся основными законами.

Вот как воспринимали эту эволюцию потребностей философы-просветители: они считали, что человек, самой природой созданный таким образом, что не может останавливаться в

…ной деятельности, в любознательности, в стремлении к новизне. Удовлетворив естественные потребности, он бывает вскоре вынужден создавать себе совершенно новые потребности или, вернее, его воображение делает старые потребности более утонченными. «Естественные потребности» неизбежно заменяются потребностями, которые мы называем мнимыми или условными; последние становятся столь же необходимыми для нашего счастья, как и первые.

Марксистская философия вскрыла нерасторжимую связь, зависимость потребностей личности от всего общественного развития и прежде всего от развития общественного производства. И действительно, мы можем получить в собственное распоряжение только такие вещи, услуги, которые люди научились создавать. К примеру, что проку было бы далеким нашим предкам испытывать потребность в горячем супе, вареных овощах, коли еще не были открыты и созданы огнеупорные материалы, в которых и стало возможным варить разнообразную пищу. Да они, наверное, и не испытывали подобной потребности. Скорее, она и возникла лишь после того, как были открыты новые материалы, появилось искусство изготовления посуды.

Сейчас уже трудно определить, что рождалось прежде: потребность в вещах или производство их, которое нередко «провоцировало» потребность. Возьмем для примера такие ультрасовременные предметы, ставшие для большинства из нас необходимыми, как радиоприемники, телевизоры и телефоны. Они призваны удовлетворять естественные наши стремления к общению, к получению новой информации, новых впечатлений, интересного зрелища и развлечений. Но кто из нынешних бабушек и дедушек воображал, что получат именно такие средства утоления своей вечной жажды новизны? Кто взывал к ученым: создайте для нас такие аппараты, без них нам жизнь не в жизнь?

Еще несколько десятилетий назад доступ к этим благам цивилизации был открыт лишь незначительному числу людей. Эти аппараты были символами социального преуспевания. Теперь они — обычные элементы нашего быта. Около 90% семей в нашей стране располагают телевизорами и еще больше — радиоприемниками. Отстает пока что телефон, но тоже, наверное, не долго остается ждать максимальной телефонизации городов, потом и деревень. А может, возникнут новые средства связи. Кто знает?

Но давайте раскрутим назад, как кинопленку, процесс возникновения этих вполне материализованных желаний и сложные пути их удовлетворения.

Пытливые умы ученых должны были прежде проникнуться потребностью открыть способ передачи информации на расстояние. Когда были достигнуты очевидные успехи, потребовалось создать опытные и мелкосерийные производства, поскольку для крупномасштабных еще не были созданы предпосылки и условия: не было ни промышленных возможностей, ни рыночного спроса.

Понадобилось развить добывающую промышленность, поставляющую различное сырье и материалы, расширить и оснастить новым оборудованием обрабатывающую промышленность, а для всех сопутствующих производств разработать научно-технические данные и, естественно, повысить уровень управления всем многоступенчатым механизмом производства.

Решение столь сложных экономических, производственных и научных задач потребовало огромного числа специалистов разного профиля и достаточно высокой подготовки. Без среднего образования, которым бы располагала многомиллионная армия работников, ни одна из отраслей не смогла бы сделать подобного рывка. Только на основе всеобщего среднего образования и всевозрастающего специального (среднего и высшего) осуществим прогресс в любой сфере современного хозяйства.

Значит, надо было еще и сориентировать молодежь на получение специального образования, возбудить в ней потребность к труду именно по такой специальности. Возбудить, по сути, духовную потребность в производстве вполне материальных ценностей, которые призваны служить удовлетворению духовных же потребностей миллионов наших сограждан... Вот какой круговорот в природе наших потребностей и способов их реализации совершается сплошь и рядом. И заметьте, сколько раз мысль воплощается в вещи и, наоборот, вещи стимулируют появление новой идеи. *Все, что мы создаем и потребляем, марксисты называют «овеществленными отношениями» человека к природе, к другим людям и к самому себе.*

Исходя из такого убеждения, мы и начали разговор о домашней экономике с выяснения отношений. И здесь законы, действующие на пространных площадях страны и на крохотном плацдарме семейной жилплощади, проявляют себя сходно. И один из законов, действующих в нашем обществе — это закон о постоянном возвышении потребностей, а соответственно о постоянно возвышающемся производстве.

— Но разве возможно исполнить все фантазии, все мечты и потребности человека, если они не имеют границ и меры? Кто и каким образом может их регулировать?

У первобытных людей регулятором их желаний выступала природа, как и у животных. Она учила своих детей: не бери больше, чем надо для поддержания жизни, в другой раз не получишь и необходимого. Будешь переедать — зверя не догонишь или сам от него не убежишь. Будешь голодать — то же самое. Не запасешься едой впрок — помрешь в пору непогодья и бескормицы. Все животные — запасливы: кто под кожу жирок закладывает, кто в норки, в соты добро собирает, а кто и пасет свой корм, вроде муравьев, дельфинов. Пока все распределение благ решалось собственной силой человека, его ловкостью, сообразительностью, люди жили по законам, так сказать, экологической справедливости и целесообразности. Законы эти закреп-

лялись в нравственных принципах, характерных для жителей данного региона. К примеру, для обитателей мест, где природа щедра и благодатна, где можно без особых усилий добыть себе пропитание, не было нужды в развитии особой бережливости, не было надобности городить и сложное хозяйство, создавать особую утварь, строить капитальные здания. В таких регионах медленнее развивалось производство вещей и технической оснастки, которые остро необходимы в краях с более суровыми климатическими условиями. У народов северных зон, в особенности там, где каждый клочок земли поливается потом и кровью земледельца, отношение к земным плодам, естественно, было иным, чем в странах, где финики и бананы сами падали в рот. Оттого северяне бывают более бережливыми, запасливыми, расчетливыми, но и более хваткими, инициативными в добывании средств существования.

Отношение к материальным ценностям определялось еще и плотностью населения, размерами жизненного пространства. Скажем, в тундре, тайге, пустыне, в труднодоступных горных местностях, в глухих деревнях, где встреча с чужим человеком счастливая (или опасная) редкость, гость — священная личность. Ему все: тепло, почет, лучший кусок, дорогой подарок.

С появлением городов появилась и иная установка. Здесь, как говорится, на каждый чих не наздравствуешься и каждого, стучащего в твою дверь, не ублажишь.

Вам не в новость слышать разговоры о национальных особенностях быта у каждого народа: одни нации отличаются щедрым гостеприимством, другие более прижимисты. Некоторые с охотой высмеивают собственную скупость, как, к примеру, иронизируют на свой счет финны и жители города Габрово в Болгарии. Традиционное отношение к материальным ценностям сказывается во всем жизненном укладе и не может не влиять на характер подрастающего поколения, даже если это поколение в школах, книгах, кино встречается с совершенно иными установками на этот счет. Нередко в городской семье царят деревенские порядки, коли ее предки недавно покинули прежнее место обитания. И восточные традиции сохраняются в семьях, давно переселившихся в западные республики, и т. д.

Правда, если проанализировать наиболее распространенные принципы, укоренившиеся в сознании и поведении людей разных народов, то можно обнаружить и нечто их объединяющее. Моральные заповеди, повелевающие добывать хлеб свой в поте лица своего, не красть чужого, не завидовать неправедному богатству, помогать ближнему своему, можно встретить во многих сказках, мифах, песнях южан и северян, жителей западного и восточного полушарий. Жадность, хвастовство богатством — самые страшные пороки, которые всегда посрамляются и наказываются в сказках. Имущий, в народном представлении, всегда хуже, глупей умеющего, но бедного, хотя именно богач стал на

тысячелетия хозяином положения. Умеющий — соавтор природы, ее поверенный, ему служат солнце, ветер и вода, звери и птицы, вещи и машины.

Труженику всегда известна подлинная стоимость продукта, товара, как они достаются их создателям, насколько от них зависит жизненное благополучие людей.

Крестьянская семья в России, например, обычно к еде относилась, как к священнодействию: был свой торжественный ритуал, с которым домочадцы принимались за трапезу. «Хлеб — всему голова», «хлебушко-батюшко» — каких только ласковых названий ни давал народ хлебу насущному, добрых прозвищ кормилицам — коровам, курам-несушкам. Точно так же труженики относились к своему дому и ко всякой утвари: ничего зря не бросали, не ломали — берегли.

Однако... народ же исповедовал вроде бы противоположную истину: «Не хлебом единым жив человек». И не щадили живота своего, не то что имущества, когда приходила общая беда. Ради свободы, чести и достоинства, верности идее не раз жертвовали всем достоянием, накопленным тяжкими усилиями. Многочисленные примеры этому найдутся в истории любого народа.

Кроме высших духовных потребностей, людям всегда были ведомы и простые житейские радости, которые дают рукотворная красота труда, общение с родичами и друзьями. И нередко получалось так, что утоление естественных материальных потребностей облекалось в праздничную форму, становилось фактом искусства. К примеру, народ каждое трудовое действие сопровождал играми, торжествами, будь то начало или завершение сева, жатвы, сенокоса или возведение новой избы, забивание скота или, напротив, приобретение буренки. Всякий праздник имел свое «вещественное» и «пищевое» воплощение.

Надо признать, что искусство вообще родилось и выросло на трудовой и хозяйственной основе. Вслушайтесь в песни своего народа, в них то и дело встречается перечень полевых работ, беседы с домашними животными, с полем и лесом. Вглядитесь в национальные танцы, и вы увидите, насколько они повторяют многие рабочие движения и ритмы: на охоте и на пашне, за прялкой и шитьем. Первыми художниками, скульпторами, архитекторами были безвестные строители и украшатели жилых домов и всей их утвари.

Так что потребность в духовной пище, в этих нематериальных ценностях такая же врожденная и неистребимая в человеке, как и потребность в удовлетворении телесного голода. И определенное время их никто не разделял, как неразделен был их создатель и потребитель — простой труженик.

Постепенное, все возрастающее разделение труда развело по разные стороны создателей и их продукцию, быт и искусство, опыт и науку. Любое производство ныне расчленено на множество процессов, которыми занимаются сотни и тысячи порой

никак между собой не связанных людей. Несомненным благом является то, что с ним несоизмеримо возросло коллективное мастерство и производительность труда во всех сферах нашей жизни. То, что не под силу было самому расторопному кустарю, стало под силу артельному, фабричному, заводскому объединению. Промышленное производство сделало товары, некогда считавшиеся предметами роскоши, общедоступными. Выше мы уже приводили примеры с телевизорами, но можно привести и примеры с любым домашним предметом, хотя бы и с самими домами, с квартирами, с их оборудованием, освещением и отоплением. Таких ванных комнат, которыми ныне оборудованы самые обычные городские квартиры, не было у дворян и бояр, даже у принцессы Цербстской, то бишь Екатерины Великой.

Всеми современными благами, а также неимоверно возросшими потребностями мы обязаны развитию промышленных форм общественного производства.

В условиях развитого хозяйства, естественно, возросло значение денег — этого необходимого средства товарообмена. Деньги спрятали, укрыли усилия, затраченные на изготовление того или иного продукта и товара. Они свели их к номинальному символическому виду: столько-то бумажек такого-то рисунка за такую-то вещь. Знаки эти и их количество могут резко отличаться в зависимости от местности, от страны, от фирмы, изготовившей товар, в то время как сам товар будет одинаковым. Так оказалось, что самое существенное в вещи — ее жизненная необходимость — постепенно перестало быть определяющим в оценке людей. Все большую значимость таким образом приобретали даже не столько материальные и духовные ценности, сколько их рыночная стоимость.

Деньги изменили человеческие отношения, существовавшие в пору натурального хозяйства. С установлением их мирового господства миллионы людей стали работать не ради создания определенной ценности, которая нужна и важна самому создателю или другим людям, а ради того, чтобы получить денежные знаки, с помощью которых можно удовлетворить свои потребности.

Деньги же стали постепенно основным регулятором, который разжигает аппетит или сдерживает стремления к обладанию всякого рода достоянием. В эксплуататорских обществах наличие денег или их отсутствие меньше всего связано с личным трудовым вкладом человека в общественную мошну. Напротив, основными капиталами всегда владели люди, не умеющие ни хлеб вырастить, ни дом поставить, ни ребенка выучить, ни больного вылечить.

Только социалистическое общество сделало своим принципом народную установку: «Кто не работает — не ест», «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Это значит, что и наши потребности могут удовлетворяться в зависимости от того, как мы трудимся на общую пользу.

Правда, при социализме сохраняется различие в характере труда и в том, как он вознаграждается. Критерием здесь служит признаваемая государством общественная надобность данной работы и степень мастерства ее исполнителя. Однако и при равных заработках характер потребностей и способ их удовлетворения нередко различаются самым решительным образом. Вот тут и проявляется *личность* со всеми своими врожденными и воспитанными свойствами.

Рассмотрим несколько наиболее типичных вариантов домашней экономики. Ну, прежде всего наиболее распространенный, связанный с народными традициями. Не будет особым затруднением его воспроизвести. Все доходы добываются честным, добросовестным трудом. Цель его — обеспечить себя и семью всем необходимым для жизни и реализовать свое профессиональное умение. За лишним рублем в такой семье не гонятся, но и от заслуженной премии не отказываются. К дому, ко всему, что в нем есть ценного, относятся бережливо, но не коленопреклоненно. Нет погони за эффектными безделушками, вещи предпочитаются долгосрочные, надежные, чтобы служили честно, как и их владельцы. Люди из такого дома, как правило, составляют прочный костяк и трудового коллектива, и родственного клана. Они трудятся, чтобы жить достойно, и живут достойно, чтобы трудом своим украсить жизнь.

Именно на них держится благополучие и материальное и моральное любой нации, они — словно земля, из которой произрастают и хлеб, и простые ромашки, и разные экзотические цветы. До той поры, пока масса тружеников держится разумной и честной установки, у народа есть свет впереди, как бы ни были тяжки данные времена. Но если разрушить этот плодоносящий слой, развратить его жадностью, своекорыстием, суетной погоней за призрачными ценностями, тогда и все общество обречено на крушение.

Есть и другие формы ведения домашнего хозяйства, в которых переплетены сложные отношения к собственному труду и к плодам труда чужого. Это встречается в семьях, члены которых озабочены реализацией прежде всего своих творческих способностей. Дом и все заботы, с ним связанные, имеют подчиненное значение: они лишь средства для осуществления больших жизненных планов. Соответственно этой цели будет вестись и домашнее хозяйство. Дело требует воздержания, скромности, даже аскетизма — пожалуйста, готовы. Палатка для жилья, консервы, зуд комариный, вместо соловьев,— нет проблем. Точно так же не смущает преображение в модный костюм из штормовки для какого-нибудь торжества, общественного собрания. Не вызывают особых эмоций роскошные апартаменты гостиниц, уютные кабинеты в собственных квартирах и даже кофе в постель. Все возможно и приемлемо, поскольку не самое главное. Лишь бы не мешало, не отрывало от дела.

Третья жизненная установка: прожить безбедно, в свое удовольствие. Значит, и работа, и домашние условия будут оцениваться именно по этой шкале. Все, что приносит пользу: удобства, комфорт, будет равно важно и желанно: то ли успех на службе, то ли красивая вещь, вкусная пища, интересная книга, увлекательный спектакль. И уж, конечно, самоограничения, трудности воспринимаются как беда, переживаются тяжко. Терпеть их можно только в надежде на скорую и полную компенсацию: новым назначением, квартирой, машиной и прочими благами.

Четвертая ситуация: семья, у которой главная жизненная цель — накопить побольше денег и дорогих вещей, чтобы чувствовать свою власть и силу, чтобы не знать забот о черном дне. Ради этого можно свои сегодняшние нужды и желания завязать в тугой узел. А то и увеличивать домашнюю мошну за счет сторонних приработков, не всегда достойных и чистых. Работа оценивается исключительно «приваром», домочадцы — своим вкладом или расходом. Про эту экономику можно сказать, что она самая расточительная при вечной скаредности. Тратятся годы в ожидании грядущих веселых щедрых лет. Но именно такие потребности не знают насыщения. В русском народе про такую страсть обычно говорят: прорва! Что ни дай, ни получи — все мало. Утрачивается вкус истинных человеческих ценностей: любви, дружбы, заботы друг о друге. Все закрывают собой вещи и деньги. Они — кумиры. Именно такую жизненную установку именуют мещанством, которое не может быть аттестовано наличием определенных вещей, но только отношением к ним. К сожалению, с ростом общего благосостояния заметно возросла эта категория людей. Впрочем, разговор о них — дальше.

А может быть установка прямо противоположная этой. Все материальные интересы сведены к минимуму, нет и честолюбивых стремлений. Люди хотят прожить тихо, скромно, в любви, согласии, внимании друг к другу. И работа, и хозяйство воспринимаются как средства для вот такого независимого, достойного, честного, но несколько отстраненного существования.

Бывает «богемная» семья. Тогда в доме будет шум и гам, дым коромыслом, дорогие книги, украшения, цветы и картины, обильные застолья в праздники и сухомятка в будни, самые-самые эффектные, ни на что привычное не похожие вещи.

И наконец, семейство, вовсе лишенное какого бы то ни было собственного взгляда на вещи и жизнь. Тогда его позицией, если только здесь применимо такое слово, становится мода, подражание тем, кто впереди, кто на виду. И не важно, чем достигается это первенство и преимущество. В таком семействе и работа, и домашний быт будет трясти и лихорадить вечная погоня за очередным кумиром. Модно быть физиком, будут жилы тянуть, чтобы «приобщиться», стать физиком при явных способностях, скажем, к биологии, и наоборот. Модно ходить в отребье, будут платить за чужие обноски бешеные деньги,

отказывая себе в самом необходимом. Модно отращивать волосы — перестанут стричься, когда изменится пристрастие — обреются наголо. И так в суете протянут всю жизнь. Впрочем, зачем мы перечисляем возможные варианты подобных превращений. Достаточно вспомнить знаменитую Эллочку-людоедку из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и образ готов.

В абсолютно чистом виде подобные ситуации встречаются не так уж и часто. Гораздо чаще — смешанные типы семейства и их жизненно экономической позиции. Более того, при внимательном анализе возникает такое впечатление, что есть и некая *возрастная* закономерность в том, как люди ведут свои домашние дела. Подражание, свойственное, как известно, по преимуществу подростковому возрасту, наиболее распространено в семьях с малым супружеским стажем («подростков»). И это естественно: свой стиль еще не выработался, а стиль родителей повторять не хочется. Вот и пробуют то один, то другой вариант бытия.

И богемные замашки — возрастная «болезнь» молодой семьи. В пору же, когда устанавливаются крепко и в служебных делах, и в домашнем быту, начинают появляться настроения, которые можно было бы назвать эпикурейскими: во всем люди ищут и находят удовольствие. Позднее [illegible] крен делается в сторону профессиональных достижений и интересов, бытовые проблемы отходят на третий план. Когда намечается спад трудовой энергии, все больше хочется тишины, душевного тепла и уюта. И наконец, когда все земные страсти испробованы, испытаны, некоторые люди, особенно пожилые, в вещах, драгоценностях находят замену живым радостям и отношениям. Недаром скупость в воображении художников накрепко связана со старостью физической и оскудением душевным.

Молодость, зрелость и т. д.— понятия относительные, мы уже с вами это обсуждали. Теперь нам важно помнить, всякому овощу — свое время. Когда семья до скончания дней гоняется за призраками моды, это значит — она так и не вышла из подросткового состояния, осталась духовно незрелой, несмотря на возраст домочадцев. Когда семья, только-только возникшая, все оценивает в рублях-копейках, значит, сошлись старички, даже если по паспорту молодоженам двадцать лет.

Подвижность наших натур может существенно влиять и на характер ведения домашней экономики. Сложилась у вас, к примеру, полезная и достойная привычка бережливого отношения к плодам собственного и чужого труда — к вещам и деньгам. Однако незаметно для вас самих бережливость перерастает в скопидомство, скаредность. И вот уже добродетельная черта «перевернулась» в свою противоположность — в серьезный моральный дефект. Точно так же широта души, бескорыстие могут обернуться бездумным мотовством, которое иных приводит к унизительному положению вечного должника.

— Что ж, значит, необходимо запасаться впрок молчалинскими добродетелями — «умеренностью и аккуратностью»?

— Умеренность — добродетель, утверждавшаяся всеми знатоками человеческой натуры и общественного устройства. Однако не в молчалинском понимании ограниченности, определяемой социальными возможностями. «В чинах мы небольших» — вот истинный мотив его скромности. А уж когда такой доберется до больших чинов, он сбросит, как поношенный сюртук, всякую скромность и развернется во всю ширь.

Подлинная нравственная воздержанность и умеренность предполагают самоограничение тех, кто имеет большие возможности удовлетворить свои потребности, но сознательно ограничивает себя в целях собственного физического здоровья и в целях справедливости, заботы о ближних и дальних людях. Потому что уже известно: если ты берешь себе с избытком, значит, у кого-то не будет и необходимого.

Повторим, личность, ее природные и воспитанные установки определяют, в конце концов, будет ли домашняя экономика целенаправленной или хаотичной, расточительной или бережливой, скопидомной или аскетичной, помогающей человеку развиться или закрепощающей его в тисках материальных забот. «Хочу, могу, должен» — какое содержание мы вкладываем в эти понятия, таково будет и наше отношение к доходам и расходам. Насколько наше «хочу» соотносится с «могу» и «должен», настолько мы сами будем удовлетворены тем, как ведется наше домашнее хозяйство.

Доходы и расходы

«Экономика должна быть экономной». Эти слова мы ежедневно слышим по радио, телевидению, читаем в газетах, об этом ведутся разговоры дома, за обеденным столом. Наверное, поначалу такое суждение вам казалось странным: вроде бы говорят, что масло должно быть масляным. Но вышеприведенный «набор» вариантов ведения домашних дел убеждает, что хозяйствование может быть и расточительным, и скупердяйским. И то и другое неэкономно.

Как лучше вести семейное дело? Здесь нам не обойтись без цифири. Естественно, что оперировать придется статистически усредненными данными. Обратимся за этими сведениями к специалисту, доктору экономических наук Б. В. Ракитскому, выпустившему очень интересную и поучительную книгу, которая так и называется: «Стратегия благосостояния».

Нас интересует: какими возможностями располагает средняя советская семья? Экономист говорит, что важнейшими при формировании материальных условий жизни семьи являются два фактора: уровень доходов и состав семьи. Разное соотношение в семье работающих и иждивенцев (детей, инвалидов, пенсио-

неров с небольшой пенсией) решительно сказывается на «получ-
ном» доходе. Вот как это выглядит на примере: в одной семье
взрослые получают довольно солидную зарплату, скажем, по
200 руб. папа и мама. Но в семье пять детей и бабушка, полу-
чающая маленькое пенсионное пособие. А в другой семье ро-
дители получают по 120—150 руб. в месяц, но у них на иждивении
один ребенок. Простой подсчет обнаруживает, что в первой семье
на каждого члена придется по 50 руб., а во второй — по 90 руб.
Таким образом, нижеоплачиваемые работники могут оказаться
более обеспеченными, чем вышеоплачиваемые.

«В любом обществе существует понятие высокой, средней
и малой обеспеченности семей, а соответственно — высоких,
средних и низких доходов в расчете на одного человека. Понятно,
что со временем, по мере повышения уровня жизни, происходит
повышение критериев каждой из [illegible], так что сегодняш-
ний средний уровень обеспеченности — [illegible] вчерашний высокий
и завтрашний низкий. Это [illegible] и та же зарплата
в разное время дает нам во[illegible] вести свое
хозяйство»,— пишет Б. В. Ракитский и приводит динамику роста
благосостояния советской семьи за [illegible] два десятилетия.

За период с 1966 г. по 8[illegible] населения
удвоились. К примеру, [illegible] семей в нашей
стране имеют средний дох[illegible] 100 и больше
рублей. А еще в 1965 г. [illegible] около 4%.
Малообеспеченными [illegible] доход исчис-
ляется в 50 и менее рублей [illegible] число только за
70-е годы сократилось при[illegible] и имеет заметную
тенденцию к дальнейшему [illegible] предсказы-
вает, что к концу столетия [illegible] считаться доход
в 200 руб. на каждого члена семьи. [illegible] такой достаток имеет
меньшая доля населения страны.

Существенно меняются и наши расходы. На продукты пита-
ния мы теперь тратим в сумме больше, чем прежде, но в про-
центном отношении меньше, чем несколько лет назад. Понятно,
почему? Заработная плата неукоснительно растет, а государствен-
ные цены на большинство продуктов не меняются. Суммарно
увеличиваются расходы на продукты еще и из-за того, что меня-
ется их состав: сокращается потребление дешевых и менее ка-
лорийных продуктов, вроде хлеба и картофеля, которые раньше
в России потреблялись в большом количестве. Растет в нашем
рационе доля более дорогостоящих и более калорийных продук-
тов: мяса, рыбы, масла, яиц, колбас, молока, а также овощей
и фруктов.

В среднем наша семья тратит на питание от 1/3 до половины
всех доходов. Приблизительно такая же доля приходится на
промышленные товары. И в их количестве и качестве происходят
заметные сдвиги. Растут расходы на предметы долгосрочного
пользования (а значит, более дорогие): холодильники, телеви-

...оры, мотоциклы и автомашины, мебельные гарнитуры, ковры, меха и т. п. Чаще происходит смена одежды, обуви, все больше внимания уделяется современным моделям, а не лишь бы ноги были обуты да тело укрыто, как это еще было совсем недавно.

Нынче сельские жители стали такими же активными потребителями промышленных, да и многих продовольственных товаров, что и горожане. Экономика селян претерпела самые решительные изменения. Поэтому и требуется сейчас различных товаров во много раз больше, чем еще три десятилетия назад. В этом проявляется закон справедливого выравнивания жизненного уровня советских людей, где бы они ни жили, в городе ли, в деревне. Но в этом процессе, как и в любом другом, есть и свои негативные стороны. С «корабля современности» сбрасываются устои, привычки, выработанные многовековым опытом народа, приспособившимся к определенным жизненным условиям. В крестьянской среде бытовал обычай: ничего не покупать, что можно сделать и добыть самим, ничего не выбрасывать, что еще может сгодиться в хозяйстве.

Крестьянская бережливость и оборотистость в условиях энергетического дефицита, сокращающихся запасов полезных ископаемых, возможностей земли прокормить и одеть растущее население планеты оказывается наиполезнейшей привычкой. Но, к сожалению, и сами крестьяне постепенно изменили эти свои обычаи, имея перед собой пример городской семьи и все увеличивающееся количество и совершенствующееся качество товаров потребления, с которыми, конечно же, не может состязаться кустарь-одиночка, самодельный мастер.

Нынче в нашем общем хозяйстве — в государственной экономике — утверждается тенденция: промышленное производство должно стать безотходным, таким, в котором отходы одного предприятия и хозяйства становились бы сырьем для другого. Но это положение не сможет стать всеобщим, коли в нашем собственном доме и хозяйстве мы не приобретем навыков бережливости и утилитаризации всего, что устаревает, выходит из моды. А в характере современных молодых (и не очень молодых) людей уже утвердилась расточительно-небрежная манера обращения с вещами, изменить ее будет ой как непросто.

С ростом возможностей забываются и такие принципы разумного хозяйствования, как «по одежке протягивать ножки». Нынешние молодые супруги нередко, начиная совместную жизнь, понятия не имеют о том, как распределить собственные доходы, чтобы не бегать по родственникам и знакомым перед зарплатой, перехватывая в долг десятку.

Здесь уже были названы основные цифры расходов на питание и одежду: не больше 80% от общего дохода. Нужно еще учесть ежемесячную плату за квартиру, электричество, газ, расходы на транспорт, на культурные занятия и развлечения, на спорт, на путешествия в отпуск, на праздники и подарки.

Любопытны в этом отношении советы, которые давал женщинам Н. В. Гоголь. Вот некоторые выдержки из его экономических рекомендаций: «Не ведите общей расходной книги, но с самого начала года сделайте смету всему вперед, обнимите все нужды ваши, сообразите вперед, сколько вы должны издержать в год сообразно вашему достатку, и все приведите в круглые суммы. Разделите ваши деньги на семь... куч. В первой куче будут деньги на квартиру, с отопкою, дровами и всем, что не относится до стен дома и чистоты двора, во второй куче — деньги на стол и на съестное с жалованьем повару и продовольствием всего, что ни живет в вашем доме; в третьей куче — экипаж: карета, кучер, лошади, сено, овес...; в четвертой куче — деньги на гардероб, то есть все, что нужно для вас обоих затем, чтобы показаться в свете или сидеть дома; в пятой куче будут ваши карманные деньги; в шестой — деньги на чрезвычайные издержки, какие могут встретиться... Сделайте так, чтобы эти семь куч пребывали у вас несмешанными, как бы семь отдельных министерств. Ведите расход каждый особо, и ни под каким предлогом не занимайте из одной кучи в другую. Какие ни представлялись бы вам в это время выгодные покупки и как бы ни соблазняли они вас дешевизною — не покупайте...

Укрепясь в деле вещественного порядка, вы укрепитесь нечувствительно в деле душевного порядка».

Вполне современно изложены старых рецептов. Изменились лишь предметы быта, но не характер распределения средств. Вместо платы повару — расходы на питание в столовой, вместо кареты с кучером и вечно дорожающим овсом, можно иметь в виду мотоцикл с гаражом и горючим для него, тоже неизбежно дорожающим, с мастером-ремонтником и т. п. А так очень удобная система бухгалтерского учета. Можно в специальных конвертах хранить деньги, предназначенные на удовлетворение повседневных нужд. И действительно, не поддаваться соблазнам перезаема у самих себя. Это отменный тренаж силы воли и разумного регулирования собственных желаний и порывов.

— А как быть, если хочется приобрести дорогую вещь, но в один месяц денег на нее не соберешь, в другой же ее можешь не встретить?

Не стану от своего имени давать советы, снова обращусь к Гоголю: «Все у нас теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в истинном смысле. Эту свободу один мой приятель... определяет так: «Свобода не в том, чтобы говорить произволу своих желаний: «да», но в том, чтобы уметь сказать им «нет». Он прав, как сама правда».

Выслушаем эту не очень приятную правду от великого человека, ведь она имеет касательство и к некоторым из нас.

За редким исключением (строительство дома или коопера-

тивной квартиры) нет таких вещей, которые стоят дорого, чтобы они были жизненно важными. Как говорят в народе: «Все, что необходимо,— дешево, все, что излишне,— дорого».

Если же покупка или расход требует многомесячного накопления, что ж, будем откладывать и экономить, но так, чтобы не во вред остальным статьям расходов. Каким образом? Заменим одни потребности и траты более скромными. К примеру, хочется нам отправиться летом в путешествие, которое требует значительных расходов: деньги на дорогу, на путевки, на спортивное и «представительское» снаряжение. Заводим особые статьи в названных прежде разделах бюджета («кучах») с ориентацией на отпуск. В разделе одежда, культурные интересы и развлечения, в питании даже — свои отчисления в кассу будущей поездки.

. Можно сократить расходы на необязательные продукты, например на заморские фрукты, и при этом не понести урон в необходимых витаминах, поскольку известно: в апельсинах меньше витаминов, чем в нашей северной капусте, тем более квашеной. Сократить можно и потребление жиров, если не жарить продукты. Жареная пища более вредна, чем вареная. И вообще, натуральные продукты, чем менее они подвержены обработке, тем больше сохраняют питательных веществ. Значит, в домах, где отопление оплачивается в соответствии с расходом дров, электричества, газа, экономию денег на топливе тоже можно будет переадресовать в графу самого-самого желанного расхода. Но только экономию в средствах, а не в необходимых калориях.

Разумно предложение Гоголя воздерживаться от необязательных покупок, даже если они дешевы, тем более — если дороги: Вещи, как и их владетели — люди, не терпят одиночества, им требуется «достойное общество». К примеру, купили мы нежданно-негаданно встретившийся... ну, скажем, сверхмодный плащ. А к тому плащу нет туфель, которые бы по цвету и фасону подходили к обновке. Значит, покупай туфли. Но они могут «не состыковаться» ни с одним платьем или костюмом, что уже есть в вашем гардеробе. Выходит, предстоят новые расходы или туфли будут одеваться только на улицу, в помещении же их придется менять. А еще нужна и сумочка под стать плащу и туфлям. Там, глядишь, и зонт окажется в кричащем раздоре с обновками. И туалет потребует смены цвета губной помады...

Та же история может произойти с приобретением новой люстры, нового дивана, ковра, даже с оклейкой стен какими-то особыми обоями. И придется признать: чем оригинальней и эффектней вещь, тем капризней у нее норов, тем значительней разрушительные последствия ее появления в доме.

Кандидат философских наук Л. Г. Борисова, как и полагается человеку такого звания, попыталась подойти к женскому гардеробу с научной точки зрения и создать схему, которая помогала бы нам избегать таких оплошностей и не попадаться на

удочку ненужных, но соблазнительных вещей. Главный принцип ее методы: не покупать вещей-одиночек, не имеющих сродства с тем, что наличествует в доме. Каждое приобретение должно соединяться с максимальным числом других компонентов: по цвету, по стилю, по месту использования и назначению. Нет в гардеробе вещей спортивного назначения, знайте: приобретение одной желанной куртки будет истинным разором. Нет в обиходе вещей, которые созвучны, скажем, розовому цвету, не покупайте розовую кофту, как бы она вам ни нравилась. Несоединимы пестрые платья с кружевным воротником, а строгих у вас еще не бывало, — удержитесь от покупки даже недорогого воротника. И ставьте себе пятерки каждый раз, как сумели одолеть соблазн. Более того, сумейте порадоваться преодолению своей слабости, как торжеству Красоты и Разумности.

Экономии помогает и обычай [illegible] отходы. Сколько денег тратим мы на приобретение [illegible]ных средств для ухода за своей внешностью: [illegible] мыла и шампуни, кремы и лосьоны. А ведь [illegible] отговаривают нас от погони за новинками. Масса [illegible] на этом болезни волос, кожи, аллергию. Куда [illegible] использовать сухой хлеб для мытья головы, остатки [illegible], сметаны, майонеза для втираний в кожу рук. [illegible] и овощей используйте для питательных масок. Мы [illegible] все это выбрасываем в помойное ведро, выбрасывая [illegible] и свое здоровье (поскольку через кожу в организм [illegible] поступают питательные вещества), и свои деньги, и чужие труды по добыванию этих продуктов.

Сократить вроде бы обязательные расходы можно всегда, как всегда можно компенсировать огорчения от несостоявшейся покупки. Вспоминаю, как отреагировала моя знакомая на возникший вдруг ажиотаж вокруг ковров. Денег у нее на подобную обнову не было, да и не предвиделось. А тоже захотелось украсить стены дома. Она взялась «стряпать» свой, рукодельный ковер из старых шерстяных одеял, платьев, прикупила только отделочные материалы. И соорудила такое панно, что всех владельцев стандартных красавцев-паласов только зависть брала.

В последнее время во всем мире обнаруживается крен в сторону именно рукодельных изделий. Они на рынке значительно дороже промышленных изделий. И это понятно: когда у всех может быть то же, что и у меня (а при миллионных тиражах разного рода товаров неизменно появляется набивающий оскомину стандарт), тогда непременно появляется желание иметь нечто уникальное. Таким может быть лишь ручное изделие мастера. Вот вам и возвращение к кустарщине, к самодеятельному рукомеслу, которым совсем недавно владели наши деревенские бабушки и дедушки и у кого не спешили перенимать их умение охочие до модных новинок детки и внуки.

О том, что самодельные вещи и услуги — источник весьма су-

щественной экономии на вещах и услугах платных, мы уже говорили прежде. К сожалению, любительский труд занимает еще очень незначительную часть нашего досуга. Если на просмотр телепрограмм и слушание радиопередач мужчины и женщины тратят около 28% свободного времени, то на любительский труд всего около 1,5%.

...Экономика — понятие нравственное. Это со все большей остротой мы начинаем познавать, когда из категории малообеспеченных переходим в разряд обеспеченных. Здесь мы размышляли о том, как вести дела при ограниченных возможностях. Обычно считалось, что отсутствие материальных затруднений снимает с души все заботы и проблемы. Покупай, что душе угодно, пользуйся благами жизни в свое удовольствие. Все это так. Но лишь для людей, которые не задумываются о том, какими будут они сами и в особенности их дети в обстановке вседоступности. Ведь если это деньги честно заработанные, то достаются они специалистам высокого класса. Такими обычно становятся люди выше среднего уровня знаний и умений. Они на виду, на них оглядываются, им подражают те, кто следует за ними. Значит, они должны подавать пример разумных потребностей и нравственного их удовлетворения.

Можно с уверенностью говорить о том, что немало специалистов, имеющих высшую зарплату (больше 250 руб. на каждого члена семьи), ведут разумный образ жизни и своих домочадцев приучают к сдержанности в потребительских желаниях. Мне неоднократно доводилось бывать в домах видных деятелей науки и культуры, знаменитых рабочих и видеть, как непритязательны они в одежде, еде, в меблировке своих комнат. Самые главные ценности для них — это общение с интересными людьми, книги, разного рода произведения искусства. Некоторые, правда, увлекаются собиранием коллекций, требующих огромных затрат. Но все чаще мы узнаем, что такие собрания дарятся родному городу или селу, откуда родом данный деятель.

Слышали вы, наверное, из газет, как знаменитый поэт Расул Гамзатов большие суммы денег передал в Фонд мира, а эстрадная певица Алла Пугачева отказалась от премий международных фестивалей в пользу детей и организаций, борющихся за мир.

Такого рода взносы заслуживают всяческого одобрения. Их нельзя называть пожертвованиями, потому что жертвы в глубинном смысле этого слова тут нет: люди отказались не от необходимого, а от избытка. Часто добрый пример подают имеющие достаток ненамного выше среднего, когда спешат поделиться с теми, кому необходима помощь: с малообеспеченными родственниками, с друзьями, попавшими в беду, отдают скромные сбережения на помощь воспитанникам детских домов, на благоустройство улиц, на сохранение природы, памятников старины и т. п.

Умение извлечь истинную радость из отказа от своих удо-

вольствий в пользу блага другого человека — это и есть нравственная экономика при возрастающих возможностях.

Не будем кривить душой: далеко не все из высокообеспеченных людей склонны к самоограничению. Многие, напротив, находят именно в своем материальном преимуществе смысл и цель всех профессиональных усилий и достижений. Бывает так, что не только дальнему помочь — норовят у ближнего еще что-то отхватить.

Страсть накопительства — одна из сильнейших человеческих страстей. Бороться с нею в условиях, когда представляется такой выбор товаров, услуг и благ, как ныне, которые можно приобрести за деньги, значительно трудней, чем во времена «великого комбинатора» Остапа Бендера. Тот, обретя миллион — «голубую мечту идиота», никак не мог им воспользоваться в условиях того времени, когда распределение всех благ строилось не столько на денежном, сколько на корпоративно-профессиональном основании.

Но, скажите, какие обоснованные претензии мы можем предъявить к людям, чье благосостояние добыто честным трудом. Мы ведь все разные по своим погрешностям, пристрастиям, привычкам и чудачествам. Оказывается, и это наше неосознанное стремление к выравниванию домашнего быта лежит в природе общественных отношений.

«Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — определенная *ограниченная мера*»,— писал К. Маркс (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 114—115).

«Грубый коммунизм», искаженное представление о равенстве, о должном и приличном не только в частной, но и в личной собственности еще далеко не изжиты в нашем быту. Поспешно выносятся приговоры непрошеными судьями по чисто внешним признакам благополучия: вот сосед обзавелся машиной, вот купил ковер, а у меня ни того, ни другого. Значит, он дурной человек, обыватель-собиратель. И при этом мало кто сознает: своим «судом» он нарушает одну из гарантированных свобод — неприкосновенность личности и ее частной жизни, которая охраняется государством, Конституцией СССР. Только в том случае, если известны и доказаны нечестные источники приобретения ценных вещей, человек может быть подвержен официальному осуждению и общественному порицанию. Во всех иных случаях оскорбленный честный труженик имеет право привлечь своих хулителей к ответу.

Ученые предостерегают тех, кто ратует за уравнительную политику распределения благ. Это было бы нарушением основополагающего принципа социализма: «каждому — по труду».

Опыт, который наше общество извлекло из периода военного коммунизма, отвергает такой подход. В принципе наше государство стремится к сближению размеров заработков разных категорий работников. К сближению, но не к уравниловке.

«Государство стремится избежать уравнительности, при которой игнорируются реальные различия в квалификации, в тяжести работы, ее престижности, условиях деятельности. Все эти моменты, представляющие... жизненный интерес, должны быть учтены при распределении благ... Моральным стимулам, энтузиазму, творческому горению коммунисты всегда придавали и придают немалое значение. Но, будучи материалистами, они вслед за В. И. Лениным считают материальную заинтересованность основой привлечения людей к труду, опорой коммунистического строительства. Всякие же теории и идеи, призывающие игнорировать материальные интересы людей, принадлежат не марксистам-ленинцам, а левацким ревизионистам прежде всего троцкистского толка». Так пишет Б. В. Ракитский, объясняя очевидное различие и в материальных возможностях и в потребностях политически равноправных граждан нашей страны.

— Что же это такое получается? Потребности по природе не имеют конца и краю. Производство им вроде потакает и даже их возбуждает. Не в этом ли причина новомодного явления, получившего название «вещизм», когда молодые люди, да и вполне зрелые тоже словно бы вовсе головы потеряли: из-за барахла готовы душу Мефистофелю заложить!

Опасения эти заслуживают серьезного внимания, тем более что тревогу испытывают все: и те, кто пристрастен к вещам, особо редким, дефицитным, и те, у кого погоня за модой вызывает лишь ироничные усмешки.

Мода! Мода! Мода...

Что за чудище объявилось на свете? Что за чародей и злой волшебник, перед которым вроде бы пасуют все воспитательские усилия, все разумные доводы?

Приходится признать, что мода явилась не «вдруг» и не из ничего. Она всегда существовала (как и ее антипод — традиция). Она есть ни что иное, как удовлетворение естественной человеческой потребности в новизне, в переменах, точно так же как традиция всегда была удовлетворением естественной же потребности в устойчивости бытия, в повторяемости образа жизни, вкусов и привычек, выработанных предками и переданных потомкам. Оба эти явления при всем их различии — дочери одного отца: подражательного рефлекса. И дочери с трудными характерами: не каждая традиция может быть признана разумной и достойной сохранения на все времена и не каждая мода — глупой и заслуживающей немедленного искоренения. Вечное со-

перничество между ними — еще один пример действия закона единства и борьбы противоположностей.

Но вот масштабы их влияния изменились в последнее время заметно. При натуральном хозяйстве, до наступления эры промышленной революции, главенствующее положение было за традицией. Теперь все чаще одолевает мода. Традиция была столпом малоподвижного общества, мода стала двигателем промышленного производства и его необходимым компаньоном.

Было время, когда понятие традиции совмещалось с понятиями народа, нации. Понятие моды с аристократией или с толпой. Нынче нет такого жесткого деления. Мода заметно демократизировалась. Далеко ходить за примерами не придется. Джинсы! Еще совсем недавно они были самой обычной рабочей одеждой, которую носили американские пастухи (т. е. ковбои, что в переводе означает «коровьи парни»). Теперь их носят президенты, «академики, и мореплаватели, и плотники», мужчины и женщины, пожилые и дети, на Западе и на Востоке.

Одежда все меньше несет в себе национально-классовой информации, все реже исполняет роль социальной анкеты. Советский механизатор, шведский рабочий носит такой же костюм, как, к примеру, японский император. Привычка по одежке встречать начинает терять под собой почву. И очень хорошо. Может быть, такая стандартизация привьет людям обычай к любому встречному относиться с упреждающим вниманием, как к самому почетному гражданину и самой знаменитой женщине.

Хотя... некоторые хамоватые индивиды склонны действовать с обратным прицелом: во всех неброско и недорого одетых предполагать недостойных доброго слова ничтожеств. Оттого вопрос: «А ты кто такой?», который мы порой слышим в служебных кабинетах, у торговых прилавков, задается не только с сердечной заинтересованностью, но, случается, и с наглой заносчивостью. Мол, кто ты такой, чтобы с тобой обращаться вежливо и доброжелательно.

Однако вернемся к нашей героине: ее величеству Моде! Подумайте, могла бы она приобрести такой размах и такую всеобщность, не будь развита мировая промышленность до таких гигантских размеров, что стала способна в довольно ограниченный срок изготовить одну и ту же модель миллионными тиражами. И получила бы мода широкое распространение, не будь у нее столь мощного пропагандиста, как, к примеру, телевидение, кино, газеты, журналы?

И кто, как не мощная промышленность, заинтересован в миллионном потребителе? Только крупные партии товаров дают наивысшую прибыль. Значит, необходимо раззадорить желания покупателей, внушить, что обладание данной вещью дает им какие-то важные жизненные преимущества. На знании механизмов человеческой психологии строится сложнейшая работа рекламных агентств. Их задача — убедить в том, что именно такой

фасон брюк делает человека элегантным, красивым, уверенным в себе. Через некоторое время они же убедят вас, что данный фасон — признак убогости, консерватизма, если к той поре популярность модели себя исчерпала и на подходе партия иных изделий.

В нашей стране многие негативные явления массового производства сглаживаются плановым ведением хозяйства, но не могут быть изжиты полностью. Представьте, что сталось бы с мощной современной индустрией, работающей на удовлетворение материальных нужд нашего населения, если бы все мы, подобно прабабкам, носили вещи десятилетиями, более того, передавая их по наследству следующим поколениям!

Не сама мода страшна, опасно наркотическое ее воздействие на неокрепшие души. Вот попробуйте провести такое исследование, лично сами или всем классом, как надумаете. Извлеките из шкафов, из чуланов, с антресолей вещи, которые еще недавно были предметами страстных вожделений: ваших ли, старших братьев и сестер или родителей. Устройте им смотр-парад. Можно дополнить экспозицию фотографиями из семейного альбома, где в одежде прошлых лет запечатлены ваши родичи старшего поколения.

Вглядитесь в вещи, которые периодически провозглашались эталонами красоты, совершенства, были «самыми-самыми». Оцените: стоили ли они пролитых слез, мук зависти и отчаяния? В конце концов, всех и различий-то: шире — уже, длиннее — короче, в обтяжку — свободно, косо — прямо, пестро — гладко... Подивитесь способности человеческого ума к самообману: ведь вчера самыми красивыми и желанными казались сапоги на высоком каблуке, потом — на низком, на тонком — на широком, с высоким голенищем — с укороченным. Что же мы за флюгеры такие! Это даже обидно.

— А для чего наша промышленность стремится к увеличивающемуся количеству и разнообразному качеству товаров, если это все погоня за миражами и самообман? Надо ли ему потворствовать или, напротив, сдерживать?

Долгое время тяга миллионов людей к вещам, к продуктам и питью, которые не возвышают личность, а напротив — роняют ее, объяснялась у нас исключительно «пережитками прошлого» в сознании людей. В последние годы обществоведческие науки стремятся выявить закономерности этого явления, определяющиеся современными условиями нашего бытия, его не разрешенными пока противоречиями.

«...Наличие товарно-денежных отношений в социалистическом обществе, необходимость выполнения плана товарооборота еще обусловливает производство товаров, потребление которых не способствует формированию всесторонней личности»,— признает философ Н. Н. Михайлов в книге «Социализм и разумные потребности личности».

«В этом, все еще болезненно протекающем процессе борьбы старого с новым мы должны отдавать себе отчет, чтобы, не уповая на всесильное время, которое, мол, все перемелет, по-большевистски прямо и принципиально оценивать все плюсы и минусы нашей нравственной атмосферы. Причем оценивать не с оглядкой, не поверхностно, а честно доискиваться до социальных причин, порождающих и в условиях зрелого социализма антиподов коммунистической морали. Последние справедливо называются пережитками капитализма, когда имеется в виду их чужеродность социалистическому сознанию. Но, употребляя термин «пережитки» для того, чтобы объяснить, почему они, эти антиподы до сих пор существуют и каким образом воспроизводятся, их относят лишь на счет идейного влияния прошлого или же вражеских действий из-за рубежа. Вряд ли такой подход может дать нам полную истину по причине явного нарушения требований диалектико-материалистической методологии познания и объяснения явлений социальной действительности; ведь наше современное общественное сознание таким образом отрывается от нашего же современного общественного бытия».

Эту цитату я извлекла из редакционной статьи в журнале «Коммунист». Такие публикации объяснят нам, какое сложное и противоречивое явление имеем мы в нашей повседневности: когда государственные интересы предполагают интенсивное развитие производства, которое дает людям возможность трудиться, а значит, производить все новые массы товаров, которые, естественно, должны быть приобретены покупателями (иначе зачем их и создавать?), но, покупая, человек при этом решает не только хозяйственно-бытовую, но и нравственно-психологическую задачу: кто он, приобретающий, скажем, модную одежду, новый автомобиль, дорогую мебель, произведения искусства, украшения? Достойный уважения труженик или презренный мещанин, зарящийся на «престижные ценности», даже если он покупает эти ценности не из соображений престижа, а просто из-за того, что вещь эта ему интересна, удобна, удовлетворяет его эстетические потребности. Если же эти товары никто не будет приобретать, то не станут ли таким же объектом осуждения и насмешек товары, менее дорогостоящие, но тоже выражающие особое пристрастие данного индивида?

Вспомните, ведь еще совсем недавно можно было услышать насмешки такого рода: — а еще в шляпе!.., когда хотели уличить в мнимой интеллигентности. «Буржуем» называли человека, надевшего галстук.

И тут мы вынуждены признать, что потребительские страсти нередко подстегиваются и провоцируются таким неблагородным чувством, как черная зависть. Они, словно два сиамских близнеца,— неразлучны. Избавление от стяжательства немыслимо без избавления от зависти к вещам. Толстой, к примеру, говорил, что бедняк, завидующий богачу, ничем не лучше последнего.

Впрочем, все это вы сами в своей среде имели возможность наблюдать множество раз. Скажем, есть в вашем классе ребята из высокооплачиваемых семей. Они то и дело поражают своих товарищей новыми «фирмовыми» вещами, которые большинству недоступны либо из-за высокой своей стоимости, либо потому, что привезены из-за рубежа, куда не все родители и не каждый день могут ездить. Конечно, ребята эти поступают не по-товарищески, возбуждая в своих однокашниках низменные чувства. Но и тот, кто испытывает зависть, сам того не сознавая, толкает обладателя «дефицита» на такие противоколлективистские поступки.

Чего ради, в конце концов, обряжаются ваши сверстники в одежки и обувки, которые, бывает, сплошь и рядом доброго слова не стоят, с трудом напяливаются на тело и ноги, стесняют движения, требуют осторожности и оглядки, как бы не испачкать, не порвать столь драгоценную вещь? Ради чего все эти муки? Да именно ради вот этого: чтобы увидели и ахнули!

Вот если бы все мы, и взрослые, и подростки, и совсем малые дети, перестали испытывать это унизительное чувство при виде любой новинки в чужих руках, все бы изменилось в системе человеческих отношений. Если бы мы еще и научились испытывать бескорыстную радость от того, что у другого появилось нечто небывалое, то-то была бы моральная революция!.. Революция, значение которой для всего общественного хозяйства, чье развитие тоже зависит от нашей ненасытности, представить даже невозможно.

— Вот будет установлено коммунистическое общество, тогда каждый сможет получить «по потребностям», т. е. чего и сколько захочет, и зависть сама собой исчезнет, - так думают представляющие себе коммунизм этакой страной волшебных осуществлений. Всем — по скатерти-самобранке, по ковру-самолету, по чудесной палочке, которой только скажи: «Хочу того-то» — и все исполнится в лучшем и единственном виде.

Во все времена и при любом уровне общественного производства новые товары всегда будут изготавливаться и существовать в меньшем количестве, чем число возможных потребителей. А значит, всегда будут дефицитные вещи и всегда будут неудовлетворенные желания. Автор уже цитировавшейся книги «Социализм и разумные потребности личности», философ Н. Н. Михайлов считает, что такая ситуация свойственна будет и коммунистическому обществу на высшей фазе его развития.

— Так что же тогда считать разумными потребностями, если все так сложно? Если и природные инстинкты работают против морали и рассудка?

Н. Н. Михайлов считает, что разумными в условиях социалистического общества следует называть потребности, удовлетворение которых:

«а) обеспечивает условия жизнедеятельности человека;

б) способствует всестороннему и гармоничному развитию личности;

в) не противоречит потребностям общества и способствует его прогрессу.

И напротив, неразумными потребностями в условиях социализма становятся запросы, удовлетворение которых мешает нормальному функционированию и развитию человеческого организма, ведет к деградации личности, служит источником противоречий индивида или социальной группы с более широкими социальными общностями и обществом в целом. В этом смысле неразумные потребности могут быть названы патологическими. Это и физиологическая патология (антивитальные потребности в алкоголе, курении, наркотиках и т. п.) и патология социальная, проявляющаяся в антиобщественных потребностях, удовлетворение которых сопряжено с антисоциальными действиями и поступками субъекта».

Выходит: ни количество, ни качество вещей не может быть положено в основание определения разумности домашнего хозяйства. Но учитывать следует только то, как вещи служат или мешают человеческому индивиду существовать и развиваться физически и духовно. Тут сразу начинают выстраиваться четкие позиции, которые путались и мешались, когда мы адресовались к частным примерам.

Чем больше вещей в доме, тем больше они занимают места, отнимают воздуха, света, так необходимых нашему организму. Тем больше они занимают времени и сил для ухода за собой. Уход за дорогостоящими и сложными агрегатами предполагает высококвалифицированное, а значит, и дорогое обслуживание. Если это вещи, способствующие развитию физических и интеллектуальных задатков: спортивные принадлежности, костюмы, велосипеды и т. п. или книги, картины, репродукции, разного рода приемники, проигрыватели, то они только в том случае являют собой разумные приобретения, когда действительно соответствуют своему назначению. И становятся неразумными, когда ими забиваются стеллажи, «стенки», когда они насыщают лишь тщеславное самолюбие их владельцев, способствуют развитию и утверждению низменных страстей человека, а не его совершенствованию. В таком случае можно с полным основанием говорить о патологическом и антисоциальном потреблении.

Подобное превращение может произойти с любым созданием фантазии и рук человеческих. Природа вещей такова, что разумными и неразумными их делает сам человек, их обладатель. При таком взгляде в одном ряду вполне заслуженно могут оказаться люди, считающие себя антиподами: собиратели богатств и их расточители, ценители древних и старинных вещей и безоглядные ловцы новинок. Все проявления крайних пристрастий, идущие во вред человеку и его окружению, одинаково противопоказаны нам.

Даже алкоголь, никотин, наркотики имеют двоякую ценность. Когда они применяются в медицинских целях, они благо, когда потребляются в быту — великое зло. Так же и любой продукт: сахар и соль, хлеб и мясо, масло и мед, овощи и фрукты. В определенных условиях, в определенном количестве они человеку на пользу, в иных — во вред. Сахар и соль в последнее время прозвали «белыми убийцами». Но они не большие «убийцы», чем солнце, ветер и вода. Убивает безмерность, мера — живит. А мера — дело личное, индивидуальное.

На Крайнем Севере, например, питание традиционно основывается на натуральном мясе и рыбе. Именно продукты, обладающие высокой калорийностью, помогают перенести тяготы суровых бессолнечных зим и коротких, холодных летних сезонов. Попробуйте переведите жителей тундры и Арктики на среднестатистический рацион европейца: обеспечены тяжкие заболевания, истощение организма.

Точно так же и с одеждой. Во время своего путешествия по Енисею до Диксона я узнала, что слепое следование европейской манере одеваться привело к увеличению простудных заболеваний у местных жителей. Девушки, которые носили красивые сапожки и короткие пальтишки, вместо привычных торбасов, валенок и меховых кухлянок, поплатились женскими болезнями, иные даже остались бездетными.

А избыточное потребление мяса жителями южных городов, в особенности представителями сидячих профессий, ведет к нарушению обмена веществ. Появляются болезни всех любителей плотно поесть: ожирение, подагра, преждевременный склероз, ранняя гипертония и прочие «прелести». В нашей стране около 50% населения страдает избыточным весом. Возникла даже такая шуточная байка: «Наши женщины озабочены двумя проблемами: где добыть дефицитные продукты и как избавиться от лишнего веса».

А ведь и здесь многое зависит от разумно дифференцированного питания. В нашем быту оно сплошь и рядом не согласовывается с природными нуждами, с временами года хотя бы. В холод можно было бы есть более калорийную пищу, в тепло ограничиваться рыбой, овощами, фруктами, хлебом грубого помола и нежирным молоком. Мне вспоминается, что именно такую систему использовали жители парижского района Вильжуиф, с которыми мне довелось познакомиться еще в 1959 г. И вовсе не бедные парижане.

Даже в одной семье можно выработать систему питания для разных ее членов. Детям — одну (даже мальчикам и девочкам нужен разный рацион), людям физического труда — свою, интеллектуального — тоже. Старикам и больным — щадящая диета, здоровым — питание покрепче. И людям разной конституции нужна разная по количеству и качеству пища.

Спросите: кто же будет готовить такое множество блюд?

7 Заказ 206

Да может, и не велика будет разница в блюдах, скорее в наборе блюд, продуктов, их объеме и частоте приема.

Видимо, наиболее разумным и справедливым будет *энергетический* подход к питанию и ко всему потреблению в целом. Сколько энергии мне необходимо, чтобы исполнить свое назначение и не расстроить, а укрепить свое здоровье, — это и есть максимум, который я могу себе позволить. Сколько энергии, физической и душевной, потребует приобретение и эксплуатация той или иной вещи и чем она возместит эти потери, — это и будет критерием отношения к ней. И вообще, *вставать из-за стола с легким ощущением голода — самая здоровая мера и в материальном, и в духовном питании. Пресыщение в любой сфере так же нездорово, как и вынужденное голодание, насильственный аскетизм.*

Если же встать на более высокую ступень морального отношения к материальным благам, то отдавать нужно больше, чем получаешь, все равно чего: энергии, света, тепла, внимания, удобств и удовольствий. Только тогда это будет и разумно и рачительно. Отдавать взятое в долг у природы, полученное авансом у прошлых поколений и уж, конечно, не «заедать» век грядущих, не потреблять без оглядки на тех, кто придет после нас. То есть постепенно сглаживать разрыв между экологической и экономической мерой потребления.

— А как же закон возрастающих и возвышающих потребностей? Как его совместить с такого рода суждениями?

Давайте вместе перечитаем положения основополагающих документов, принятых на XXVI съезде КПСС.

«В восьмидесятые годы Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей» (Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 136).

Трактовать это можно только одним образом: неуклонный подъем материального уровня народа означает не то, что вместо одного обеда каждый будет съедать два и вместо квартиры или дома у каждой семьи появится дворец. Это означает, что условия жизни народа будут достаточными для всестороннего развития личности. И неуклонный рост культурного и нравственного воспитания поможет человеку обрести сознание, что *возвышение* потребностей предполагает именно *сокращение* низменных желаний и возрастание возвышающих личность стремлений. На этой шкале обладание представляет низшую ступень потребностей, а самореализация, созидание и творчество — венец всех мечтаний людей.

«Глубочайший смысл воспитательной работы... заключается в отборе и воспитании человеческих потребностей, в приведении их к нравственной высоте, которая возможна только в бесклассовом обществе и которая только и может побуждать человека к борьбе за дальнейшее совершенствование». Так думал замечательный советский педагог А. С. Макаренко. И эти его мысли полезно помнить всем нам, и взрослым, и подросткам.

Я предложу вам провести еще одно исследование. Попробуйте обозначить свои повседневные потребности — в еде, в одежде, в труде и развлечении, в творчестве и общении — и определить, какова их мера и содержание, каковы причины, их пробудившие: естественные они или искусственные, достаточные или избыточные, подражательные или самодеятельные, возвышающие или принижающие собственное достоинство. Подумайте, что лучше: добиваться удовлетворения вредных для собственного здоровья и вызывающих нездоровые отношения окружающих потребностей, тратя на них силы, время, энергию, или употребить свои способности на выработку и реализацию возвышающих вас и ваше окружение потребностей.

Практическое осуществление внутренней задачи — самосовершенствования в сфере потребления — самое трудное дело. Может, начать с отказа от неразумной антисоциальной и разорительной потребности в куреве, к примеру?

— Вот привязались, — наверное, проворчит не один мой читатель.

Да как быть, коли всем понятно: кто не умеет беречь и сохранять собственное здоровье и не сознает свое благо, где же ему быть бережливым в отношении к другим людям, к вещам, даже к природе, когда он сам и есть высшее творение природы: «Человек — мера всех вещей».

— Значит, нам необходимо изобрести такой счетчик-калькулятор, который бы учитывал каждую употребленную калорию и указывал, где и на что ее можно истратить?

— Да никогда нам не вылезти из долгов. Вон в газетах нас постоянно упрекают в иждивенческих настроениях. Нынешние молодые норовят, мол, до собственной пенсии на маминой-папиной шее сидеть. А нас в школе держат до 17 лет, потом еще лет пять учат. Большинство молодых действительно прежде собственными детьми обзаводятся, чем получают возможность самих себя кормить. К кому же идти за помощью, как не к родным?

Узнали голоса вечных оппонентов? Очень полезная в нашем деле публика. Они нам не дают успокоиться на одном каком-то решении. Теперь они требуют обсуждения материальных отношений, которые могут строиться у нынешних молодых людей с их родителями, естественно, более материально обеспеченными, чем они сами.

Выше мы заметили, что доход семьи представляет дробь, в числителе которой сумма общего заработка, в знаменателе — число домочадцев. Вроде бы мы были неправы, когда утверждали, что современной семье непременно нужно иметь не одного,

[illegible] детей. Арифметика доходов вроде бы протестует против такого утверждения. Но бухгалтерия здесь весьма хитроумная, потому что коли ребенок будет один, то со временем на его плечи ляжет содержание двоих родителей.

— Это в старой семье дети были кормильцами стариков. Нынче те получают пенсию от государства. И еще сами подкармливают молодоженов.

Действительно, деньги пенсионеры получают у государства. А вот реальное обеспечение этих денег: продукты, одежда, топливо, развлечения, уход и защита — все достигается трудами вчерашних детей и нынешних внуков. От количества и качества их труда во многом зависит экономическая, оборонная мощь страны, культурный, образовательный уровень общества, всех его членов независимо от возраста и личной обеспеченности. В условиях современного производства человек к 35 годам полностью возмещает все прошлые расходы на свое воспитание и начинает создавать запасы для грядущих поколений.

Если будет нарушена пропорция работников и едоков (пусть и заслуженных), естественно, характер компенсации за прошлый труд будет совсем иным. Как справедливо заметил социолог, доктор исторических наук И. В. Бестужев-Лада: деньгами никого не накормишь, в них никого не оденешь и ими никого не согреешь.

Так что просидеть сиднем на шее у престарелых родителей нынешним единственным тем более не удастся, что у них не будет подмены. Впрочем, статистика показывает, а наш личный житейский опыт подтверждает: у нас работают или учатся все, все трудоспособное население. Только несколько миллионов мам выключены из общественного производства, но они заняты ответственным делом: пестуют будущих граждан. Откровенных тунеядцев у нас не так уж и много, чтобы на их примере делать заключения о целом поколении. Кого же тогда имеют в виду те, кто говорит о вечных иждивенцах? Спорщики не осмотрительно пользуются терминами. Иждивенчество — это когда нетрудящийся человек находится на полном обеспечении семьи. А временная поддержка, которой пользуется учащийся или труженик, который почему бы то ни было имеет низкий заработок,— совсем иное дело. Это называется родственной помощью. Такая помощь не только не осуждается, но приветствуется всеми. Рассмотрим некоторые виды и мотивы родственной поддержки.

Молодые муж и жена — студенты. Надо ли особо объяснять, что родительская поддержка в этом случае нередко суровая необходимость. Относительно благополучен только студент-холостяк. Молодой же семье жить на стипендию невозможно. Уверена, многие молодые ребята с охотой совместят дневную учебу с вечерней работой, если будут созданы условия для такого совмещения. Но у нас долгое время существовало странное правило: работающему создавались условия для вечерней учебы, а учащемуся запрещалось систематически работать. Теперь многое ме-

няется в лучшую сторону: труд студентов находит себе применение в разных областях. Некоторые стройотряды города Днепропетровска, к примеру, создают фонд материальной помощи для семей товарищей, строят удобные общежития для молодоженов и детские садики. Такая взаимопомощь студентов со временем смягчит остроту вопроса о помощи родителей своим взрослым детям-студентам.

Есть, конечно, и немало молодых людей, которые совсем не нуждаются в помощи. Это прежде всего рабочие дефицитных профессий. Привычное объявление: «Требуются шоферы автобусов, гарантируется заработок 220–250 руб. в месяц». Какая тут нужна доплата? Такое же положение и у строителей, механизаторов сельского хозяйства, не говоря уже о сталеварах и шахтерах.

Во все времена и почти у всех народов старшее поколение помогало молодоженам встать на ноги: построить свой дом, обзавестись необходимым скарбом, рабочим инвентарем, всякой живностью. Крестьяне выделяли сыновьям земельный надел, имущие классы — часть наличного капитала и т. п. Приданое для дочерей готовилось загодя, много лет. Если же делить и отдавать было нечего, то делили крышу и хлеб, нужду и труды.

Нынче у нас приданое загодя не готовят и капиталы для будущего «дела» не дают. «Приданым» и «капиталом» становится ежемесячное пособие, которое получают молодые после свадьбы от родителей.

Основной Закон нашей жизни — Конституция СССР обязывает родителей содержать детей до их совершеннолетия, но не в зрелые лета. Тут уж дело добровольное. И претензий никаких быть не должно. И дети обязаны содержать своих родителей, если те утратили работоспособность и не могут сами зарабатывать или имеют пенсию, которой не хватает для удовлетворения насущных потребностей. Родительские обязанности ограничиваются 18 годами, а дочерние и сыновьи — нет, до скончания жизни. И в этом глубокий смысл и высшая справедливость: дети все равно не могут отдать самую большую ценность, что получили от родителей в дар: саму жизнь!

Впрочем, мы незаметно перешли рамки разговора и вторглись в иную сферу (и главу) — юридические основания семейного уклада.

Давайте же закончим эту тему афоризмами, обращение к которым поможет нам в трудных обстоятельствах:

«Человек, который думает только о себе и ищет во всем своей выгоды, не может быть счастлив. Хочешь жить для себя, живи для других». *(Сенека)*

«Мудрец счастлив, довольствуясь немногим, а глупцу всего мало». *(Ф. Ларошфуко)*

«Люди обыкновенно не столько наслаждаются тем, что им дано, сколько горюют о том, чего им не дано». *(В. Г. Белинский)*.

По законам чести

Когда в силу вступает закон

Естественным образом мы с вами подошли к юридической стороне семейных отношений. Самым убедительным свидетельством того, что эти личные отношения накрепко связаны с общественным укладом, служит наличие у всех народов кодекса законов о семье и браке. Кодекс этот может быть записан на папирусе, высечен на камне, а может — воплощен в ритуально-театральном действии. Он может быть принят единоличной волей диктатора: «быть по сему», или общим решением племени, голосованием народа,— во всех случаях он требует от членов сообщества неукоснительного подчинения ему. «Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принужден *подчиняться законам брака,* раз он вступил в брак»,— настаивал К. Маркс (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 162). Без обязательного правила, уложения личные отношения превратились бы в хаос, а хаос и есть самая страшная для общества разрушительная сила. Потому ослушание так или иначе осуждается и наказывается. И меры наказаний за проступки у каждого народа свои.

Во всех прежних главах прямо или косвенно мы касались принципов и норм, которыми руководствуются граждане нашей страны в своих материальных, моральных стремлениях и действиях. Здесь мы познакомимся с основными положениями Конституции СССР, адресованными семье. Конечно, воспроизведем мы лишь дух нашего законодательства, но не его букву. Для этого у нас слишком ограничены возможности.

Одно из существеннейших изменений, происшедших в последние годы в общественном сознании и в законодательных документах,— *признание высокой и непреходящей ценности семьи.* В последней Конституции СССР есть статья, которой не было в предыдущих: в ней говорится, что государство защищает интересы семьи. Это очень важный пункт. Раньше государство устанавливало законодательным путем систему отношений между гражданами и гражданками без учета их семейного положения, тем самым оно как бы выводило семью за скобки своих интересов и обязательств и ставило ее в положение частного дела мужчины и женщины. Но семья, как мы уже знаем, никогда не была абсолютно автономной

ячейкой. Поэтому включение статьи об отношении государства к своей ячейке явилось фактом юридической целесообразности и справедливости.

И действительно, многие десятилетия существует тенденция в распределении общественных средств — давать немалые преимущества семейным людям перед холостыми и бездетными. Последние несколько десятилетий платят налог за бездетность. Если мы подсчитали, что собственные доходы семьи тем меньше, чем больше число едоков приходится на каждого кормильца, то в отношении общественных фондов картина получается обратная: чем больше детей в семье, тем больший процент дотации получает она по таким статьям, как расходы на питание (вам ведь известно, что государству каждый килограмм мяса и молока обходится дороже, чем он продается населению), на родильные дома, на оплату отпусков по беременности и родам, по уходу за больным ребенком, по содержанию его в яслях и садике, на обучение детей в школе, на пионерские лагеря и т. п.

Преимущества получает многодетная семья и при распределении жилья. А государство записало в Конституции как принцип — помощь ей в воспитании подрастающего поколения. Для этого будет расширяться сеть детских учреждений, совершенствоваться служба быта и общественного питания, будет увеличиваться фонд материального вспомоществования за счет пособий при рождении каждого ребенка и т. д.

И положения многих других статей Конституции, казалось бы, на семью не направленных и ей не адресованных, имеют прямое касательство к устройству нашей личной жизни. Когда мы читаем статью, в которой говорится о том, что Советское государство способствует усилению социальной однородности общества, стиранию существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, дальнейшему сближению всех наций и народностей СССР, то не можем не осознавать: такие меры служат и стиранию принципиальных противоречий в мировоззрении нынешних и будущих супругов, воспитанию единых социальных и нравственных установок у подрастающего поколения, которые, как мы уже говорили, и способствуют тому, что и наши «мезальянсы» становятся удачными.

Так же в интересах каждого гражданина, а значит — семьи, записаны статьи, закрепляющие наши общие права на образование, труд, отдых, охрану здоровья, на жилище; статьи, охраняющие человека от посягательств на его имущество, достоинство и честь, на тайну его личной жизни. И, естественно, важнейшей для семьи является статья о равенстве прав мужчин и женщин.

Если внимательно вчитаться, то окажется, что все гражданские свободы, направленные на справедливое распределение благ и обязанностей, учат нас честному и достойному поведению и по отношению друг к другу.

Мы уже говорили о том, что государство кровно заинтере-

совано в укреплении и развитии первичной ячейки общества. Это значит, что материальная помощь семье не может расцениваться как благотворительность: льготы и пособия берутся из общего нашего кармана, который до той поры щедр, пока все члены большой советской семьи добросовестно исполняют свой гражданский, профессиональный и человеческий долг. Оттого-то рядом со статьями о правах граждан записаны статьи о наших обязанностях. Родители обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить их достойными членами социалистического общества. Дети должны отвечать заботой о престарелых родителях.

Но, кроме конституционных норм, существует еще и особый свод законов — Кодекс о семье и браке, который более детально определяет характер отношений всех членов семьи и их обязанностей друг перед другом. Это своего рода точка отсчета права и справедливости, ниже которой начинается нечестность и беспорядок, выше которой — подлинное достоинство, благородство.

Вот, к примеру, в этом Кодексе говорится о том, что муж и жена располагают равными правами на обладание имуществом, нажитым во время совместного проживания. А конкретному супругу Н. досталась в жены девица, ничего не умеющая и, главное, не желающая делать ни на общественной ниве, ни на семейной. Ее представления о браке сродни тому, который высказала мадам Кукушкина, героиня комедии А. Н. Островского «Доходное место». Она считала, что жены существуют за тем, чтобы мужья их одевали как нельзя лучше, любовались на них, доставляли все наслаждения, исполняли каждую прихоть.

Супругу подобная ситуация с годами стала невыносимой, и он решил расторгнуть неудачный брак. По закону совести и чести жена не должна была бы предъявлять никаких имущественных претензий к бывшему супругу, еще и спасибо сказать, что ее — тунеядку — терпели так долго. Но она адресуется к юридическому закону, и тот обязан присудить ей определенную долю супружеского имущества, за исключением того, что принадлежало обоим до брака и что было получено в подарок, в наследство каждым из них.

Некоторые мужья, оказавшиеся в подобном положении, пытаются установить справедливость самостийно: начинают утаивать сбережения, выносить из дому и прятать вещи — и этим добиваются того, что теряют собственное лицо, человеческое достоинство. Все-таки лучше по закону потерять, чем такой ценой приобрести.

Бывают и противоположные случаи: жена занимала более высокую ступеньку на общественной лестнице и высокомерно взирала на супруга, который хоть и вносил немалый вклад в общую кассу, но был, по ее мнению, ей не пара. Отношения обострились до крайности, и муж ушел, взяв в руки чемодан с немудря-

щим скарбом, оставив и жилье, и машину, и дачу жене и детям. Этот поступок, по юридическим нормам, вроде бы противозаконный, но человек вправе поступать благородней предписаний, и тут ему никто не указ, он не вправе только поступать бесчестно.

Вы спросите: отчего оба примера взяты с мужьями? Разве жены не попадают в подобные обстоятельства? Попадают и действуют аналогично. Особенно часто оказываются в положении эксплуатируемых и обираемых жены алкоголиков. При разводе суд, как правило, им присуждает большую часть имущества, так как при всем равенстве прав и обязанностей закон защищает интересы того супруга, с кем остаются дети.

Случается, отцы и доказывают, что могут справиться с обязанностями воспитателя ребенка не хуже матери. Но все преимущества по-прежнему остаются на стороне матери. Тема эта волнует общественность: действительно, сложившаяся практика вроде вступает в противоречие с Основным Законом, утверждающим абсолютное равенство мужчины и женщины. Кодекс о браке отнюдь не застывшая в непреложности глыба, он уже неоднократно изменялся под влиянием живой, подвижной практики нашего общества. Вполне может статься, что и эта проблема найдет свое юридическое разрешение.

Приведенные здесь примеры могут подвести к мысли, что Кодекс этот вступает в действие только тогда, когда на семью обрушивается беда. Скорей напротив, он присутствует неосязаемо во всех ответственных и справедливых наших действиях, но становится очевидным тогда, когда мы от него отклоняемся. Знание его необходимо и в профилактических целях. Печально видеть, как вполне взрослые и образованные люди обнаруживают невежество относительно норм поведения в своей повседневной жизнедеятельности. Был, к примеру, случай, когда муж отказал в материальной помощи жене, ставшей инвалидом. И на суде негодовал за то, что его обязали платить ей алименты: «Я, мол, не обязан ее вечно содержать, коли она потеряла трудоспособность не по моей вине. И вообще, я с ней развожусь». Но Закон есть Закон. И перед его лицом, как и перед лицом общественной морали, сей муж оказался в весьма плачевном виде. Потом он пытался оправдать свое поведение «юридической безграмотностью», да уже поздно: уронил свое человеческое достоинство.

Перед судом нередко предстают родители, вовлекшие своих детей в пьянство. И бывает странно слышать, как оправдываются в таких случаях виновные: мол, наши деды и отцы так поступали и никто их не осуждал. Разве родитель не хозяин своей семье и детям? И судьям приходится растолковывать азы социалистической морали и права человеку, который родился и вырос в социалистическом обществе, объяснять, что он живет не при домострое и в семье нет «хозяина», чья необузданная воля закон для домочадцев.

Родители отвечают по всей строгости закона за жестокое обращение с детьми, за то, что оставляют их без внимания и заботы, за то, что несовершеннолетние становятся преступниками. Беспечные и безответственные взрослые порой отказываются кормить и воспитывать свое потомство. Тогда они лишаются родительских прав. Государство забирает у них детей, помещает их в детские дома или передает на воспитание тем, кто достоин общественного доверия. А с нерадивых пап и мам взимаются алименты на содержание ребятишек. И уж, конечно, закон освобождает детей от обязанностей перед подобными родителями, когда те оказываются в нужде и состарятся.

Самыми частыми делами, с которыми члены семьи обращаются в суд, являются просьбы о расторжении [illegible]

Развод. Распад семьи. Катастр[illegible] семьи, для всего ее окружения. Масштаб этой драмы [illegible] сравнить разве что со смертью близкого человека. Пое[illegible] разводов затрагивает немалую часть нашего [illegible] рассмотрим ее особо.

Развод по-[illegible]

В литературе, в кино, в газе[illegible]ациях вы, наверное, не раз встречались с истори[illegible]торых нам представляли очередной вариант р[illegible]-итальянски, по-арабски, по-московски... Уже с[illegible]того «по» говорило о том, что здесь мы имеем д[illegible]о отклонением от общепринятого явления, с аномалией, [illegible]. Хотя, если вспомнить, нигде и никогда не был представлен сам «образец», «эталон» такого сложного и болезненного процесса, каким является разрыв семейных отношений.

Получается такая же картина, как и с благополучными семьями. Мы много знаем о том, что есть «болезнь», отклонение от нормы, неблагополучие в доме, но ничего определенного не можем сказать о самой норме.

Читая и слушая рассказы о мучительных и скандальных разводах, мы нередко восклицаем: «Как это ужасно! Ну неужели нельзя расстаться по-хорошему?!» Хотя, если спросить: что значит «по-хорошему», ответы будут тоже очень разными. А те, что перенесли эту процедуру, непременно усомнятся: существует ли вообще такой эталон «благополучного» развода? «Хорошей» операция может быть только с точки зрения стороннего наблюдателя или хирурга, но не для больного. Он не хуже успокаивающих его друзей знает: не век длиться страданиям, все пройдет, перемелется. Жизнь на этом не остановится, появятся новые радости и — не исключено — новая семья. Однако в самый момент «операции» грешно от него требовать олимпийского спокойствия, когда рушится им созданный мир и над головой полыхает крыша.

Есть поговорка: «Уехать — значит немного умереть». Перефразируя ее, с полным основанием можно сказать: «Развес-

тись — значит немного убить». Убить не только того человека, которого оставляешь, но что-то убить и в сознании, в чувствах детей. Убить и себя, ту область своей души, своей памяти, своего организма, наконец, где в каждой клетке запечатлена часть жизни, прожитой совместно с бывшим мужем или бывшей женой. Сжигается все, чему поклонялся, а сюда входят и отношения с близкими и дальними родственниками, со многими друзьями и знакомыми, которых человек приобретает вместе со спутником жизни и которых тоже ранят осколки разбитого вдребезги.

— А нельзя избежать подобных страданий, отменив вообще разводы?

Несколько столетий христианская религия именно так решала проблему: брак заключается раз и навсегда. В России развод разрешался только в особых случаях: когда один из супругов оказывался бездетным, когда совершалась измена и она была доказана свидетелями прелюбодеяния, когда один из супругов оказывался душевнобольным или был осужден на длительный срок.

Какими муками оборачивалась невозможность развода и для супругов и для детей, когда ненавидящие друг друга люди оказывались осужденными на вечное пребывание под общей кровлей, можно только вообразить по трагическим повествованиям (Анна Каренина — хрестоматийный пример).

Революция решительно разрушила такую установку. В. И. Ленин считал, что право человека на свободное заключение брака должно непременно подкрепляться и правом на развод, когда супружеские чувства себя изжили. Был период (после Великой Отечественной войны, он и вызван был великими потрясениями и потерями, которые понесла советская семья), когда оформить распад семьи законодательным образом было делом затяжным и унизительным. Но жизнь убедила: у погасшего огня и супруги не согреются и детей остудят.

Изменение закона о разводе привело к увеличению числа расторгающих брак. Стали разводиться не только плохие жены с плохими же мужьями, но и хорошие с хорошими, переставшие быть нужными и милыми друг другу. Так получается, что разводы все меньше воспринимаются как скандально-катастрофическое событие. Чаще всего — со вздохом облегчения с обеих сторон.

Приходится слышать недовольство упрощенностью юридической процедуры. Дескать, нужно, чтобы муж и жена жертвовали при разводе чем-то серьезным. Может, остановились бы, задумались, а там — злость прошла, вот, глядишь, и помирились. Не уверена, что тут многое изменит сама процедура. Да она и ныне все равно не из приятных, и время дается супругам на размышление. Право на развод — высокое завоевание человеческого рода. Как говорил В. И. Ленин: «...на деле свобода развода означает не «распад» семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном об-

...стве демократических основаниях» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 286).

Возросшее число разводов некоторые исследователи зачисляют в разряд доказательств «кризиса семьи». Думается, что это явление скорее означает не упадок ее авторитета и возможностей, а рост требований супругов друг к другу, к стилю и образу совместного бытия. Значит, семья со временем будет расти качественно и обретет новую ценность и привлекательность. Но, несомненно, что ни мужчину, ни женщину видимость семейных отношений, «лишь бы замужество, лишь бы дом», — теперь не будет устраивать. Они ищут подлинно человеческое, гуманное, высоконравственное соединение. Разводами они не семью отрицают, отрицают формальный брак во имя подлинного.

И вообще, нам пора признать: семейные радости и труды — удел не всех и каждого. Как в прошлом, [illegible] были женщины и мужчины, считавшие себя «не созданными [illegible] ства», так и всегда будут. И винить их в этой неспособности — напрасные хлопоты. Но, конечно, позволять им вторгаться в наш дом с проповедью своих установок как единственно верных и лучших, нельзя. Семья у нас находится под охраной государства и в этом смысле — в смысле пропаганды и агитации в ее пользу, а не ей во вред.

Государство сделало немало для того, чтобы нейтрализовать или вовсе уничтожить социальные корни развода: этому способствуют упоминавшиеся уже права — уравнение женщин с мужчинами и свободный выбор пар, запрещение насильственных браков, осуждение расчетливых отношений, снятие национальных и религиозных препятствий для супружества и т. д. Что же касается природных корней развода (непостоянства влечения друг к другу мужа и жены, например), то попытки «исправлять» ситуацию в законодательном порядке не дали добрых результатов.

— Но что приводит к разводам, если 90% современных браков заключается по любви?

Ответом на этот вопрос может быть статистика.

Самое большое зло для семьи — алкоголизм, именно эта причина чаще всего всплывает на судах. В особенности когда инициатором развода выступают женщины, они же ныне подают почти $^2/_3$ заявлений о расторжении брака.

К этим цифрам нечего добавить: они сами говорят о том, что такой порок, как пьянство, несовместим с семейной жизнью, с нормальными условиями для воспитания детей.

Около 25% разводов из-за супружеской неверности. И тут тоже ничего не возразишь, никакими новомодными теориями не прикроешься. Никогда и нигде не терпели люди измену: ни в дружбе, ни в любви, ни в отношениях деловых, ни в отношениях к своему народу, к Родине-матери. Все можно простить: ошибку, оплошность, недомыслие, даже нечаянное падение, но не преднамеренное предательство!

Отчего человечество так непримиримо к этому пороку? Потому что ни одно совместное деяние невозможно совершать без веры друг в друга. Роду не выжить, нации не устоять перед чужим натиском, если нельзя положиться на самого близкого. Что же, выходит, муж и жена навечно прикованы друг к другу, как каторжники? А если любовь ушла?.. Здесь есть противоречие идее свободы развода.

Разлюбил человек — бывает, мы по природе своей — увы! — не однолюбы. Иначе не было бы первой и других влюбленностей, не выходили бы вторично замуж и не женились разведенные и вдовые, не посещало бы нас, как самое мучительное наказание, влечение замужней или женатого к чужому мужу или жене. Что тут делать? Наверное, прежде всего нужно временем, разлукой испытать новое чувство — прочно ли это, не просто томление тела и души, принятое за глубокое чувство.

А еще нам полезно помнить, что любовь имеет свои приливы и отливы, свои периоды бурного цветения и временной остуды. Биоритмы присущи всему живому, они определяют, по мнению медиков, 90% физиологических процессов, в том числе потребности в физиологической близости с супругом или супругой. Кандидат философских наук В. И. Зацепин в книге «О жизни супружеской» рисует своего рода диаграмму подъема и спадов любовного влечения у разных индивидов. Он обнаружил, что повышенная конфликтность возникает между супругами, у которых накладываются друг на друга волна прилива и пора спада чувства.

Вот бы знать супругам о подобной цикличности и на период непременных осложнений и охлаждений отправляться в командировку, в отпуск, отвлекаться, наконец, каким-нибудь интересным занятием, короче, отходить друг от друга на безопасное расстояние. Глядишь, значительно реже вспыхивали бы «немотивированные» стычки и поослабло бы влечение к другому объекту, который оттого, может, и стал привлекателен, что временно немилой стала «половина».

Можно использовать эти знания и в отношениях между друзьями, влюбленными. Эти отношения ведь тоже подвержены биоритмическим колебаниям, и тогда между всегда душевно близкими людьми словно черная кошка пробегает. Ссорятся из-за чепухи и понять не могут: что с ними происходит? Им бы тоже на время отойти друг от друга без обид и упреков, тогда и возвращение было бы радостным.

Мы уже говорили, что по-настоящему и измены, и ссоры, и недоразумения, которые потом сводятся к стандартной фразе в заявлении о разводе — «не сошлись характерами», чаще всего — дань нашему невежеству, незнанию самих себя, своей природы и природы другого человека, ставшего самым близким, но не самым понятным. Слишком дорогая дань. Об этом свидетельствует ученый, специалист по проблемам семьи из Литовской ССР, где

очень высок процент распадающихся браков, Н. Я. Соловьев; он рисует убедительную картину, как тяжко переносят развод и сами супруги, и их дети, а самое главное — как легкомысленно на него решаются многие молодые люди.

«Спешим, братцы, спешим... И самое горькое, что многие понимают: развод не принес им счастья! По зарубежным исследованиям, даже спустя два года 25% женщин и 20% мужчин жалели, что расстались. Вот и плачут по ночам в подушку: «Вернись, я все прощу». Прощать бы раньше — и упреки, подозрения... Думаю, не каждое увлечение ставит под сомнение брак, не всегда оно — измена, хотя, видимо, всегда — обман доверия. Что ж, мы призываем быть терпимым к недостаткам другого — возможно, в каких-то случаях это относится и к неверности. Но, подчеркиваю: если она случайна, если [illegible] любовь».

Но этот же ученый категорич[illegible] всепрощение, которое проповедуют не только писа[illegible]графисты, художники, но и некоторые деятели на[illegible]ных стран. Оно немыслимо в доме, где растут дети. [illegible]овка их растлевает. Когда сходятся и расходятся [illegible] проблемы и их дело: кому что прощать или нет. Но [illegible]бенка, как указывал В. И. Ленин, представляет обществ[illegible] интерес, и общество требует от отца и матери соблю[illegible]ех норм и правил нравственного поведения.

Снова цитирую Н. Я. Соловьева: [illegible]разводная, и послеразводная ситуация наносит [illegible] непоправимый вред... После развода родителей трех-[illegible] дети испытывали чувство вины и самоуниженения, [illegible]летние — злость и обиду, главным образом на отца, десяти-[illegible]надцатилетние — обиду на обоих родителей. Более трети детей [illegible] хуже учатся, нарушают дисциплину, некоторые начинают конфликтовать со всеми, даже с друзьями, иные убегают из дома».

Таким образом дети протестуют против произвола родительских чувств и отношений. И справедливо: они нуждаются в обоих родителях, а не в одном, как бы тот его ни любил, ни баловал. Дети и есть главные страдальцы при распаде семьи. Поэтому, когда мама или папа решаются не переступать крайней черты в неизбежных спорах, они проявляют не только дальновидность, но и подлинную любовь к своим детям.

Но уж если невыносимо совместное житье, то нужно постараться расторжение брака по возможности обезболить и облагородить разумом. Ищем же мы и находим средства, помогающие обезболиванию родов, хотя это естественный процесс. И первым таким средством, на мой взгляд, является убеждение: человек является кузнецом не только своего счастья, но и своего несчастья. Сама «операция», бывает, от его воли не зависит. Но зато целиком от него зависит, будет ли она проведена «малой кровью» или обескровит и его и близких людей в бессмысленных и недостойных баталиях.

Попытаемся сформулировать некоторые условия «благополучных» разводов, иной раз прибегая к доказательствам методом от противного. Хочется обратить внимание на возможность разумных поступков, когда сердце бывает оскорблено и непримиримо. (И снова обращаю внимание ваше на то, что суждения о разводящихся супругах вполне применимы к дружеским связям, к отношениям между влюбленными.)

Медея, героиня древнегреческого мифа, чтобы отомстить изменнику Ясону, убивает своих (его) детей! Попытки различных мыслителей и писателей понять и оправдать убийцу-мать, так и не достигли цели. Конечно, большего предательства со стороны мужа и вообразить нельзя. Ясон оставил не просто жену, он оставил женщину, которой был обязан исполнением своей исторической миссии, славой, успехом и даже спасением своей жизни. Он предал ту, которая сложила к его ногам все, чем богат, тверд и крепок человек: любовь отца, свои идеалы (своих богов), она оставила родину, сменила царское достоинство на горький хлеб изгнанницы. Мера преступления Ясона должна была получить соответствующее возмездие. И Медея его нашла. Однако, как это нередко бывает не только в искусстве, но и в жизни, карающий меч оказался обоюдоострым.

Мне думается, эта легенда несет в себе очень важное предостережение всем смертным. Как бы велика ни была жертва, принесенная на алтарь любви и супружества, как бы велико ни было предательство и неблагодарность, нельзя самому́ потерпевшему выступать в роли судьи. Наказывая изменника, можно жестоко ранить невинных и замучить себя. Нравственный опыт человечества подсказывает нам первую «бракоразводную заповедь»: не суди да не осужден будешь. Передай в беспристрастные руки решение спорных дел: виновен — не виновен, в какой степени и как наказать? На то и существует суд: государственный, людской, наконец, суд совести самого предателя. Пострадавшей стороне больше присуще гордое терпение.

Многому учат нас и более близкие к нам исследователи человеческих судеб. Например, Н. Г. Чернышевский и Л. Н. Толстой искусно воспроизвели поведение необычных, «новых» людей в таких довольно традиционных обстоятельствах, как осознание горькой истины, что ты нелюбим, что тебя предпочли другому. Дмитрий Лопухов (герой романа «Что делать?») и Федор Протасов (герой драмы «Живой труп») поступили на удивление одинаково: симулировали самоубийство и исчезли с глаз своих честных, порядочных, но не любящих жен. Вдумчивый читатель нам возразит: у первого еще не сложились отношения с женой, супругами они были только юридически; у второго эти отношения уже распались и тоже оставались супружескими лишь по документам. И значит, у обеих пар «делить» было нечего. Надо было привести форму в соответствие с содержанием, что и было сделано весьма деликатным образом.

Все это так. Но есть, по-моему, здесь определенный нравственный урок. Жертвуют своим благополучием не «виновные», а «потерпевшие», не те, кто предпочел другого партнера (пусть лишь в мыслях, в душе, а не в поступках), но те, кто осознал: выбор сделан не в их пользу.

Какая же в этой жертве мудрость и справедливость?

Мудрость та, что оба супруга предпочли доброе отношение, уважение и благодарность жены [illegible] ненависти, презрению, унизительным выяснениям отношений — [illegible], что сопровождает обычно попытки насильно [illegible] половину», усугубляя чувство ее вины за [illegible] влечение к другому человеку.

В. А. Сухомлинский справедливо писал, что чем чаще ребенка судят и осуждают окружа[illegible] него остается совестливости, тем больше [illegible] виноватыми, «тоже плохими» своих [illegible] бы представить их таковыми в собственн[illegible] эта применима и к взрослым. Виноватая «пол[illegible] нередко ищет средства уличить, обвинить партнера, чтобы [illegible] вовсе дурной.

Вот сама собой напраши[illegible] заповедь, которую неплохо бы помнить нам в любых конфликтных и критических ситуациях: не умножай зла, не усугубляй [illegible] виноватого. По совести признать, заповедь очень [illegible]ная.

В процессе распада семьи люди [illegible] раскрываются с самой неожиданной стороны даже для самих себя. Всегда бескорыстные вдруг становятся мелочными. Мягкие, всепрощающие — непримиримыми ненавистниками. Как говорят медики, в патологии нередко выявляется то, что было скрыто в норме. Скрыто... Но не отсутствовало же вовсе. Катаклизмы обнажают пласты чувств и отношений, но не привносят что-то невиданное. Поэтому истинная цена супружеских связей, их культура и порядочность как раз и обнаруживаются в период разрыва. И когда мы слышим о скандальном разводе «вполне порядочных» людей, можно с большой долей основания поставить их порядочность под сомнение. При всем при том не будем смешивать со скандальностью мучительность, болезненность развода. Это совершенно разные понятия. Первое — общественное поведение, а второе — душевное состояние.

Многие мужчины и женщины находят мудрые и гуманные решения, когда расстаются. Они не отказывают друг другу в уважении, дружбе. Их дети продолжают любить и ценить обоих.

Тут, пожалуй, самое место и время рассказать об одной ситуации, когда делить было что (неизжитое чувство жены, ребенок, трудом доставшееся жилье) и все же супруги избежали унизительных сцен. Заслуга в этом прежде всего принадлежала женщине. Как объяснила «потерпевшая», помогло знание, пусть и дилетантское, основ самовнушения, аутотренинга.

В момент признания мужа, что он любит другую, она

чуть было не потеряла голову. Потом сдержалась, вспомнила советы психологов: в любом, самом отчаянном положении можно отыскать точку нравственной опоры, зацепившись за которую удержишься, не сорвешься в бездну отчаяния. Надо только ее отыскать. Эту точку опоры она обрела в мыслях о том, что у нее *была любовь*, у нее *есть* ее плод — *ребенок*. Не каждому так везет в жизни. То есть сосредоточивала она свои мысли не на том, что она теряла, а на том, что имела.

Ее былые радости, счастье, воспоминания о них никакой суд и развод не отнимут. А ведь человеческое самочувствие не одним сегодняшним днем питается. В него крепко вплетены вчерашние страсти и надежды на завтрашний успех. Когда же впереди неизвестность и даже тем более — печаль, особенно бережно стоит хранить свет, идущий из прошлого.

Это самовнушение помогло ей обрести равновесие, а потом и новые, снимающие боль, доводы появились. Она начала приучать себя смотреть на мужа, как на «чужого» мужчину, которого она любит, а он ей не отвечает взаимностью. Что же, разве такое случается редко? Но никто же при этом не выставляет свои переживания напоказ, не тычет пальцем в сторону «виновного». Как, впрочем, не демонстрируют обычно и счастливую любовь. Значит, надо скрыть раны, скрыть боль от окружающих и прежде всего от ребенка. Ему вообще ни к чему знать о сердечных переживаниях матери. Для него папа просто живет отдельно.

Из этой истории можно вывести еще одну заповедь: не топтать свое счастливое прошлое. Оно даст силы пережить тяжелое настоящее. Тогда же записала я и такое правило: в материальных делах держаться норм, определенных законом. Что и кому положено — отдавать без дискуссий. Если кто-то недоволен, пусть спорит с гражданским кодексом. Как объяснила та женщина, и в этом бескорыстии есть свой «расчет».

— Я решила, если стану ущемлять его законные права, этим только сниму с его души сознание несправедливости содеянного им, предпочтения меня другой женщине. Это сознание и будет для него самым тяжким наказанием.

Не стану лукавить: счастливого конца у этой истории не было. Как я уже говорила, женщина осталась одна. Но процесс распада семьи не отнял у нее лишних сил, здоровья, нервов, собственного достоинства. Все она сохранила. Как сохранила и уважительное отношение бывшего мужа к себе и заботливого отца своему ребенку. На мой взгляд, это и есть один из вариантов «развода по-человечески». Известны и многие другие случаи. Их не так уж мало, вопреки общему впечатлению. К сожалению, искусство (и наука), повторяю, интересуется лишь громкими драмами и трагедиями. Тихий развод? На нем ведь вниманием и интересом читателей и зрителей легко не овладеешь.

Поскольку мы признаем многовариантность любви, поскольку

можно ожидать и многовариантность «благополучных» разводов. Смягчить вину двух людей, не сумевших построить общий дом, может убежденность: они утратили лишь часть былых связей, они перестали быть возлюбленными, но отнюдь не перестали быть родителями своих детей, друзьями, не перестали быть порядочными людьми, наконец.

В этой главе мы касались самых болевых точек в семейных отношениях. Точнее — их части. Потому что, действительно, истина — одна, а заблуждений — тысячи. Закон — общий, а нарушения его индивидуальны. Так, к примеру, мы оставили в стороне острые для нашего времени вопросы отношений мачехи и отчима к неродным детям.

...В какой мере все эти проблемы имеют отношение к вашей нынешней жизни? В самой прямой и [illegible]родственной. Мы уже столько раз говорили: в семье главное — [illegible] настрой, нравственный климат. И творится он каждым членом независимо от возраста, пола, состояния здоровья и м[illegible]ного обеспечения. Именно вашего сострадания и не [illegible] старшим, когда они, случается, попадают в тяжкие тен[illegible] ссор, неудач. Когда в доме беда, ее не чужими руками ра[illegible], а собственными. И в ваших силах либо помогать тушить пожар, либо подливать масла в огонь, «грея руки» на этом огне.

Наверное, подлинным проявлением [illegible] человеческой зрелости может быть решение видеть в неполадках, в крушении семьи не чью-то злую волю, а ск[illegible]йное бедствие. И стойко, мужественно преодолевать его ра[illegible]тельное воздействие: спасать в душах своих родных все [illegible], что прежде объединяло их, напоминать о светлых рад[illegible] праздниках, о поддержке и участии со стороны «враждующ[illegible] сторон». И уж, конечно, пересиливать собственную боль и растерянность, желание укрыться, спрятаться от навалившейся беды.

Вам теперь известны настроения и чувства, которые овладевают детьми при разводе родителей: помогайте младшим братишкам и сестренкам одолеть отчужденность от взрослых и сверстников, их дерзкую конфликтность, помогите обрести особый интерес в учебе, в занятиях спортом, искусством. Короче, не замыкайтесь сами и не позволяйте и старшим, и младшим замкнуться на горестных мыслях.

Иногда именно стойкость подростков и юношей является той «соломинкой», которая позволяет тонущим взрослым добраться до спасительного берега.

Одиночество: беда или вина!

— Скажите, почему общество во всем отдает предпочтение семейным гражданам. Ведь уже доказано: жить семьей труднее и счастливей, чем в одиночестве. Надо ли еще досаждать всяческими ограничениями тем, кто и так обделен судьбой?

Действительно, статистика последних лет убеждает: бессемейные мужчины несут на себе тяжкий груз напастей. Они умирают от болезни сердца в 3,5 раза чаще, чем живущие в кругу родных людей. Дорожные катастрофы с первыми случаются в 5 раз чаще. Самоубийством кончают холостяки и разведенные вкупе чаще семейных в 6 раз! Еще 150 лет назад было зафиксировано: ни один холостяк не попал в число долгожителей. Даже в сравнительно молодом возрасте, 20—30 лет, смертность среди холостых мужчин на 2[illegible] [illegible], чем среди женатых.

Удивительные эти [illegible] наводит на мысль: широко бытующее представление, будто [illegible] больше всего нужна женщине, не подтверждается [illegible] кие женщины менее драматично переживают сво[illegible]. Средняя продолжительность их жизни не на [illegible] от имеющих семью. Выходит, для мужчины [illegible] положение куда тяжелей, чем все семейные тревоги [illegible]

А впрочем, [illegible] удивительного? *Мужчина, который нужен многим, от* [illegible] *труда и благополучия которого зависит благополу*[illegible] *ных им людей, ведет себя по-иному, нежели «перека*[illegible]. *Он и осторожней в рисковых ситуациях, он и строже в нравах, наконец, ему есть на кого опереться в* трудную минуту.

Но, несмотря на очевидные преимущества семейного бытия, и прежде немало людей оставалось холостыми и незамужними, а в последние годы число таких заметно возросло. Можно ли считать, что нынешние молодые люди готовы столь дорогой ценой оплатить свою «свободу»? Или их к тому вынуждают объективные причины?

Проблема эта не раз обсуждалась массовой аудиторией, поскольку не может быть счастливым все общество, когда значительная часть населения страны лишена необходимейшего для человеческого счастья достояния — семьи.

Были раскрыты такие причины бессемейности молодых людей, как наличие у нас городов и сельских мест, где остро не хватает мужчин и «незамужние ткачихи (доярки, птичницы, учителя, врачи и т. д.) составляют большинство». Одновременно растет число новостроек, где чрезвычайно низок процент молодых женщин в сравнении с количеством мужчин — строителей, лесорубов, моряков... Существуют в старых городах преимущественно мужские или женские производства: металлургические комбинаты, шахты или предприятия легкой промышленности. Там встретить будущего супруга или супругу чрезвычайно трудно, а то и невозможно. Значит, встретиться потенциальные женихи и невесты могут лишь на досуге. А для этого нужны молодежные клубы, танцевальные залы, туристские базы, которых и в столичных центрах меньше, чем требуется, про небольшие городки и новостройки и говорить не приходится.

Мешают созданию молодых семей и материальные трудности, и

нехватка жилья. Возникла и такая причина роста холостяков: экономическая и моральная независимость женщин, что обеспечивает тем, кто прежде непременно стремился бы укрыться за мужниной спиной, возможность выбора образа жизни и стиля поведения.

Как мы говорили выше, холостыми остаются и мужчины, для которых супруга всего лишь универсальная прислуга. Такие девушки ныне редкость, зато к услугам холостяка множество всяческих ателье, столовых, контор, которые позволяют ему вести собственный дом и без женской помощи.

Однако стоит приглядеться повнимательней, как заметишь: в абсолютно одинаковых условиях одни молодые люди создают семью, преодолевая все объективные сложности, другие — так и остаются неприкаянными, ходят греться к чужому огню. Значит, существуют и какие-то субъективные, личностные причины, приводящие к одиночеству. Наверное, нам полезно осмыслить именно это явление.

— У моих родителей есть родственники и приятели, которые не имеют семьи, однако не производят впечатления больных, несчастных, тем более обреченных. Напротив, многие из них преуспевают во всех делах и выглядят энергичными, жизнерадостными. Мои мама и папа порой даже завидуют их вольной жизни,— как-то возразила одна старшеклассница во время беседы на эту тему.

Тут требуется уточнение: кого мы именуем одинокими, бессемейными. Нередко в эту категорию мы заносим людей, имеющих множество разнообразных родственных связей. Знакомые и родственники, про которых говорила девочка, вполне может статься, сами имели родителей, к которым были очень привязаны и чье внимание, забота питали их сердце любовью и кому они платили тем же чувством. Были у них и сестры-братья с детьми, которого они воспринимали столь горячо и заинтересованно, как иные не принимают и собственных детей. (Предлагаю читателям вспомнить своих или родительских теть и дядь, без коих не проходит ни одно важное событие в их доме.) Конечно, такого рода связи не могут в полной мере заменить настоящую семью и кровных детей, но все же в определенной степени снимают остроту чувства неустроенности и неприкаянности, которое переживает вовсе одинокий человек.

Известны и такие случаи, когда лучшие друзья семейного дома становятся почти родичами: в радости ли, в беде — они тут как тут. И берут на себя ношу потяжелее, а награду находят в успехах своих приятелей. И тем самым обретают самый ценный статус — дорогого, необходимого человека. А это очень важно для внутренней устойчивости, для того чтобы не сетовать на судьбу.

Еще одна категория одиноких, не испытывающих душевного дискомфорта: люди, одержимые какой-то страстью, которая запол-

няет сердце, помыслы, стремления. Иногда это деятели просвещения, науки, культуры, искусства, исследователи, путешественники, военные. Они ясно сознают, что не могут совмещать два ответственных занятия: любимую профессию и воспитание детей. И честно делают свой выбор. Успехи в работе придают им силы, бодрости, жизнерадостности. Однако разбитые профессиональные надежды переживаются ими куда тяжелее, чем семейными людьми. Опереться-то, кроме дела, не на что.

Есть большая категория женщин, которая обзаводится всеми хлопотами родной матери, так и не создав собственной семьи. Это — бездетные и незамужние няни, воспитательницы чужих детей. Литература всех времен и народов запечатлела доброе тепло, сердечную мудрость нянюшек, выпестовавших многих великих людей, и те обессмертили некоторых из них своей любовью и признанием. Например, А. С. Пушкин именно Арину Родионовну звал мамушкой и ей, не матери посвятил самые проникновенные и ласковые строки:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Марина Цветаева признавалась, что хотела бы быть для Поэта тем, чем была ему Арина Родионовна, и лучшей доли не пожелала бы: не матерью, не возлюбленной, не женой, а именно няней-подружкой.

Приведенные примеры и те, которые вы отыщите в своем окружении, лишний раз подтвердят, что к любому явлению нужно подходить не шаблонно, а вдумчиво. Дальше мы будем анализировать состояние и поведение людей, несчастливых в своем одиночестве.

Попробуем разграничить их по особенностям характера и по отношению к семье.

К первому типу одинокого человека можно отнести тех, кто хочет завести семью, но не может.

Второй в принципе не прочь обзавестись семейным кругом, но может обойтись и без него. Семья для него «меньшее зло», чем одиночество, но отнюдь не желанное благо.

Третий принципиальный противник семейной жизни, хотя имеет все объективные и субъективные возможности для ее создания.

Четвертый не хочет обзаводиться семьей и не может.

Четвертый из обнаруженных типажей, по всей вероятности, нам здесь придется обойти молчанием. За невозможностью и нежеланием создать семью кроются чаще всего серьезные невзгоды, болезни тела и души, может, даже трагические обстоятельства. По крайней мере, это единичные случаи.

Первый типаж очень распространен среди одиноких. Главным образом его составляют люди застенчивые, робкие, скромные по природе и воспитанию. Поскольку этими свойствами бы-

[illegible] наделяют в первую голову девушки, поговорим именно о них, хотя все сказанное юноши легко могут перевести на свой счет, как и последующие примеры, когда поведение представителей разных полов мало отличается.

В любом зале, где шумно веселится молодежь, легко заметить девушек, которые жмутся к стенке, прячутся за колонны весь вечер, наблюдая [illegible] чужим весельем и успехом. Они уходят в тень, чтобы скрыть свои истинные или, что чаще всего, вымышленные и уж, конечно, преувеличенные недостатки, внешние и внутренние. Однако, [illegible] остаются в тени своих более бойких подруг, [illegible] их не превосходят.

То, что незамеченными и отвергнутыми остаются нередко девушки, обладающие [illegible] ми искони женскими, что предпочтение оказыва[illegible] [illegible] ставляет некоторых усомниться: так ли [illegible] Иначе самыми желанными невестами [illegible] они: застенчивые, скромные. А [illegible] мы, наверное, стали бы многие из них!

В таком же положении нередко [illegible] ются и более энергичные, самостоятельные, даже дел[illegible] ушки и женщины, но имеющие вполне определенный иде[illegible] зможного друга и супруга. Нередко его портрет «срисовывают» с отца или брата — мужчин, горячо любимых и чтимых. Они вид[illegible] большинство подружек, некогда тоже мечтавших о [illegible] без страха и упрека, мирятся с реальностью и, выйдя з[illegible] [illegible] всю жизнь старательно воспитывают св[illegible] [illegible] по [illegible] представлению о должном. Но [illegible] сердце не откликается на зов человека, далекого от намеченного образца.

Если подобные «идеалистки» и отваживаются на замужество без высокой страсти, то, неспособные к компромиссу, а точнее, не готовые к трудам по перевоспитанию себя и других, нередко разводятся и снова остаются в одиночестве.

Когда же грядет сорокалетие, многие из них охотно начинают участвовать в клубах «Кому за 30», обращаются в службу содействия созданию семьи («службу знакомств») с просьбами о помощи.

Обратите внимание, и здесь мы встречаемся с благородными характерами и установками. Такие девушки и женщины не кидаются на шею первому встречному и поперечному. Они не смиряются с прозябанием в браке без любви и уважения. При этом они готовы истово трудиться на благо близких, любимых людей, тоже будут преданными женами и самоотверженными матерями. За малым дело встало: найти идеального мужа. А ими — увы! — не рождаются, ими становятся в процессе совместного духовного творчества.

К этому же типу относятся и женщины бесхитростные, простые, но постоянные в своих чувствах и поступках. Психологи про таких говорят, что у них основные нервные процессы доволь-

но устойчивы, даже инертны. Одинокими они остаются, потеряв мужа, возлюбленного, сохранив в душе вечную к ним привязанность (и при этом не всегда бывает и важно: умер ли он, ушел к другой). Не предпринимают повторных попыток создать семью, когда обожглись на совместной жизни с пьяницей, грубияном.

Встречаются среди одиноких единственные, неповторимые мамины и папины любимицы. Им хорошо, уютно под родительским кровом. И так не хочется от него отрываться, хотя они не мыслят свою взрослую жизнь без дружной собственной семьи. Но при этом чтобы в привычном укладе ничего не менялось. Когда же они все-таки выходят замуж, то редко становятся самостоятельными хозяйками и мужу не позволяют обрести независимость от родительской воли и опеки. Для них муж — мамин зять. Оттого случается возвращение в родные пенаты без вины виноватых, разобиженных на всех [illegible] маменькиных дочек.

Точно такая же ситуация складывается и у многих единственных маменькиных сынков. Если же под общей крышей сходятся двое единственных и [illegible], то удержать их друг около друга может разве что [illegible] спайка старшего поколения, занимающего вокруг юной [illegible] круговую оборону и защищающего взрослых детей от любой [illegible].

Представительниц первого типа можно узнать по внешности. Они, как правило, редко [illegible] на «крик моды», ждут, когда модель войдет в разумное русло. И так приспособят ее к себе, что она будет выглядеть вполне для них обычной. Косметика у них сдержанных тонов. Они никого не поразят неожиданной окраской волос, стрижкой, прической. Так же как и в собственной внешности, они не терпят резких перемен во всем прочем: в литературных увлечениях и развлечениях, в еде, в месте обитания. Инерция, т. е. постоянство, во всем. Она их доблесть и... помеха в создании семьи.

Пока их энергичные сверстницы дали исходят, семь башмаков истопчут в поисках суженого, подобно Василисе Премудрой, девицы-скромницы и идеалистки семь платков исплачут в ожидании, когда к ним в окошко постучится добрый молодец. Им бы выбраться из теплого обжитого угла, сменить работу, а то махнуть на новостройку либо в растущую деревню перебраться, где, слышно, нынче в избытке незамужних мужчин-механизаторов. Но... инерция, робость: что скажут другие? Вот, мол, за женихами подались! Неловко, неудобно, неприлично. Так в нашей жизни все переплетено: что мы считаем добродетелью, может оказаться и недостатком, если взглянуть с другой стороны.

Второй типаж одиноких, как мы уже условились, представляют мужчины и женщины, которые выбирают брак как меньшее, чем одиночество, но тоже зло, пусть и общепринятое. Значительное число в этом ряду составляют молодые люди, выросшие в так называемых неполных или полных, но неблагополучных семьях. Думаю, что читатель сам улавливает логику подобного

[illegible] семьи, [illegible] стремится прежде всего те, кто [illegible] и [illegible]. [illegible], кто привык находиться [illegible] под [illegible] и добрым крылом и просто не мысли[т] себе иного образа жизни.

Опиcываемый здесь типаж объединяет людей вовсе самых разных. Тут встретятся и инертные, и энергичные, и какие угодно. Общее у них — нежелание жить семейным кругом. В последнее время ученые [illegible] достаточно убедительные доказательства того, что даже инстинкт материнства в женщине, отцовства в мужчине [illegible] в детстве перед ними [illegible] о детях со стороны обоих родителей.

К данной [illegible] матери прожили свой век [illegible] всего дети и внуки вдов военной поры. Вон где еще достает нас война! Миллионы девочек, родившихся в конце 30 [illegible] первой половине 40-х годов видели отцов лишь на [illegible] фотографиях, на память заучивали с [illegible] треугольников. Они не знали, как можно и нужно строить отношения в семье, где рядом с матерью [illegible] и копировали стиль и поведение [illegible] и неумелыми женихами и [illegible] молодые парни, выросшие в подобных [illegible] другие потом воспроизвели свое неведение уже в собственных детях.

Третий типаж [illegible] все возможности и условия для создания семьи [illegible] отвергает такую перспективу. Это, так [illegible] «холостяки», как правило, преуспевающие в [illegible] обставить свой быт с комфортом и вкусом, [illegible], интересующиеся литературой и искусством [illegible] своей внешностью и здоровьем. Иногда они уверяют, [illegible] бы о своем положении, если бы не [illegible] родных и знакомых по поводу их одиночества.

Принципиальное неприятие семейного образа жизни в последнее время находит [illegible] число сторонников, более того — делаются попытки подвести под него теоретическую базу. Иные спешат объявить именно таких людей подлинно современными, чуть ли не «знамением прогресса», соответственно зачисляя антиподов в разряд «традиционалистов», отсталых элементов.

Первый довод, который очень часто приводится в их пользу: они, мол, более добросовестные, толковые и энергичные работники, чем их семейные и «детные» коллеги. Потому государству более выгодны. Утверждения такого рода обычно не опираются на официальную статистику. Поэтому и мы с вами имеем основание оперировать собственными наблюдениями и данными, тем более что мы уже сопоставили семейных и одиноких, стоящих ближе к пенсионному возрасту, по их должности, квалифика-

ции, заработку. И убедились: в подавляющем большинстве одинокие ничего не выигрывают в этом состязании. Кроме того, материально-экономическая и оборонная мощь страны все-таки зависит от числа рожденных и воспитанных граждан.

Второй довод иного, нематериального свойства: дескать, «принципиальные холостяки» являются аккумуляторами духовных ценностей, они приобщаются к достижениям культуры, искусства, на освоение которых у загруженных бытовыми заботами семейных ни сил, ни времени нет.

О количестве прочитанных книг, просмотренных фильмов, посещений выставок и фестивалей до последнего времени никто не спорил. А теперь, социологи ставят под сомнение это соотношение. И то, что именно холостяки имеют основание именоваться носителями духовных ценностей, требует доказательств. Разве что принять за истину бытующий среди полуобразованных людей предрассудок: ставить искусственную, т. е. отраженную жизнь выше подлинной.

По этому канону действительно читать о чужой любви более «возвышенно» и «духовно», нежели самому испытывать глубокую любовь. Восторгаться мадоннами Рафаэля и Леонардо «благородней», чем самой быть матерью-мадонной. Сочувствовать трудам и подвигам, самоотверженности театральных и киногероев «предпочтительней», чем самой переживать тревоги и волнения, преодолевать трудности и невзгоды. Рассуждать о чьих-то судьбах, кем-то пережитых, затем осмысленных художниками, и бежать от своей собственной.

Все это почему-то именуется интеллигентностью. Хотя само слово «интеллигент» означает «понимающий сущность бытия». Оттого встречаются подлинные интеллигенты не очень-то образованные. И напротив, бывают бездуховные, поверхностные книгоглотатели, что заставляют дивиться: как же все великие и мудрые слова о Матери человеческой могли оставить сердце холодным, а ум настроить на отрицание, неприятие этой высочайшей женской миссии?

Из числа опрошенных 85% замужних женщин заявили, что для них семейные обязанности и производственная деятельность представляются одинаково главными. Вот это воистину знамение времени!

Какой вывод можно сделать из всего сказанного об одиноких женщинах и мужчинах? Можно ли и нужно ли отвечать на поставленный вопрос: беда или вина — одиночество? Вроде бы виноватых тут нет, есть только потерпевшие: от войны ли, от условий быта, от недальновидного воспитания, от врожденных свойств характера... И все же это не совсем так: фатальность вполне могут преодолеть те, кто сердцем прочувствует, умом поймет свое земное назначение — любить дорогого человека, дать жизнь, свет и радость новому существу. Тогда и воля обнаружится, и умение отыщется. Было бы желание, будет и счастье.

Завершая наш [illegible] молчанием ближние и дальние перспективы [illegible] которые видятся ученым. Тем более что все признают: сем[illegible] переживает свой переходный период, пору исканий [illegible] справедливого, разумного и достойного образа жизни. [illegible] не зная цели, не видя горизонта,— [illegible]

По логике [illegible] стать самой емкой. Но на деле получится наоборот.

Напомню: сущ[illegible]ние, что семья отомрет вместе с отменой [illegible]сти и государства. Образ такого семейного [illegible] оем романе-проекте «Туманность Андромеды» со[illegible]нтаст Иван Ефремов. Впрочем, в его предполо[illegible]яние картин, созданных Н. Г. Черны[illegible] сне Веры Павловны, героини [illegible] отомрет, дескать, необходимость совместного [illegible] исчезнет и длительная общая семейная жизнь. [illegible]не будут свободно соединяться для коллективного труда, [illegible] и веселья, дети будут воспитываться тоже сообща. Никто ни к кому не будет привязан никакими юридическими узами, кроме чувства любви, взаимного влечения.

Сама стратегическая идея-мечта, по всей вероятности, ни у кого не может вызывать возражений: всеобщая любовь, братство, сотрудничество, исчезновение всего, что разобщало людей на враждующие классы, группы, кланы,— величайшая цель всего человеческого развития. Но предполагает ли эта цель разрушение молекулы во имя создания монолита? И возможно ли такое? И может ли человек, не на словах, а на деле, возлюбить все человечество, не испытав глубокой привязанности к тем, кто его породил?

Именно это обстоятельство и вынуждает нас в разговоре о будущем семьи оперировать опытом прошлого и настоящего и из него извлекать то полезное, что сгодится и в обозримом грядущем.

Создатели теории научного коммунизма в силу знания законов диалектики не строили иллюзий относительно природы человеческой, как и природы вообще. В коммунистическом завтра не ис-

чезнут противостояние нового старому. Биологические различия людей, стремление человека к продолжению своего рода, к индивидуальной любви. А все это предполагает и возможность конфликтных отношений. Только мотивы таких конфликтов будут неимущественного характера. И форма их внешних проявлений, по всей вероятности, решительно изменится; будет менее агрессивной и членовредительской, чем сегодня. Но, вполне станется, еще более мучительной для души, которая, как известно, тем дольше и резче резонирует, чем тоньше она устроена.

Однако давайте спросим современников, ученых, исследующих эту сферу человеческого бытия: каким видится им завтрашний день семьи?

Вот что думает специалист по социальному прогнозированию доктор исторических наук И. В. Бестужев-Лада: «Прежде всего хочется напомнить, что в конце 70-х годов семья нашим государством была официально провозглашена *непреходящей ценностью*. И тем самым была поставлена точка над бесконечными спорами о будущем семьи: ей пребывать во веки веков! Ей входить в пору нового своего расцвета и силы, разумности и гуманизма.

Что касается конкретных воплощений ее, то здесь я выскажу лишь собственную позицию, которую могут не во всем разделять мои коллеги и ваши читатели. На мой взгляд, семья сохранит нынешнюю многовариантность. Будут существовать и благоденствовать мать, отец и их собственные дети. Будут жить вместе мама с ребенком без отца и, напротив, отец и ребенок — без матери (это неполная, но тоже семья). Будут жить вместе супруги, воспитывающие детей от другого брака или вообще приемных ребятишек. Будет с ними вместе делить труды и радости старшее поколение: бабушки, дедушки — и будут такие семьи, где старики живут самостоятельно. Короче, все возможные сочетания будут иметь равные и законные права перед обществом.

Однако оптимальным вариантом была и остается полная семья, причем — с тремя детьми. Старшее поколение живет в пределах досягаемости, но не обязательно вместе. Трое детей наилучшее число для любой семьи, любого региона и нации: хоть для северной, хоть для южной, для эстонской, узбекской, русской, как и для любой нации за пределами нашей страны.

Мы сознаем, что такое единообразие вряд ли в реальной жизни достижимо. Усредненность этой цифры очевидна. Складываться она может из следующих соотношений: уже теперь ясно, что не каждая вышедшая замуж женщина может и хочет стать матерью. Если сохранится нынешняя пропорция, то одна из десяти женщин останется бездетной. Каждая десятая будет иметь одного ребенка, 3—4 женщины будут иметь двух-трех детей, 2—3 от четырех до шести детей.

Известно, что около 20—30% женщин испытывают стремление родить и воспитать семь и больше детей. И это законное желание должно быть удовлетворено. А общество должно помочь осущест-

[illegible] т. е. ... обеспечив мать-воспитательницу всем, что получает за [illegible] и ответственный труд специалист высокого [illegible] созданы благоприятные условия труда и быта, [illegible] обеспеченье в старости, путевки в санатории и дома [illegible]. И все это будет даваться не только по числу детей, [illegible] и по качеству ухода за ними, в зависимости от их физического, [illegible] и нравственного развития. Обществу так или иначе придется найти способ вознаграждать семью не только за количество детей, но прежде всего за качество их воспитания.

Домашний труд, который ныне нередко вызывает споры и раздоры между членами семьи, наконец, станет всеобщим и нераздельным на женский и мужской.

И сам характер труда и его нагрузки со временем изменятся. Каждый дом получит разные комбайны-автоматы.

Все необходимые дела будут исполняться в 1—1,5 часа, оставляя массу свободного [illegible], вы заметили, что перечисленные [illegible] еще уже существуют в наших домах. Но [illegible] усовершенствованы, менее громоздки и энергоемки, [illegible], нежели нынешние тяжеловесные, все [illegible] в обращении машины.

Однако сказанное здесь [illegible] труд вообще должен быть выведен за стены семьи [illegible]. Труд по самообслуживанию просто должен уступить [illegible] времени, сил и средств любительскому, творческому труду по интересам.

При всей радости коллективного труда и отдыха человеку всегда будет необходимо уединение и индивидуальные занятия. И такая возможность будет все больше предоставляться и малому, и старому. Родственники научатся уважать индивидуальные увлечения и пристрастия друг друга.

По моему убеждению,— продолжает ученый,— даже мужу и жене нужна дверь между их комнатами, которую они могли бы закрыть за собой и заняться, чем хочется. А открывалась бы она только по желанию владельца комнаты.

Впрочем, в решениях партии и правительства предполагается, что у каждого члена семьи в грядущем будет своя комната плюс общая для коллективного досуга.

Конечно, все это осуществимо лишь при дальнейшем развитии всего общественного уклада, энергичном росте нашей экономики, совершенствовании управления, образования.

Лишь общее развитие и благосостояние государства может развязать сложнейшие узлы проблем, в которые попадают ныне многие молодые семьи.

Значит, всем нам предстоит крепко потрудиться для осуществления столь обширной программы. Естественно, что общие и сложные задачи можно решать всем миром, как в свое время в деревне строили дом для новой семьи; помогает всяк, чем может».

Другой специалист по семейной проблематике, писатель Ю. Б. Рюриков, в ином ракурсе рассматривает необходимые преобразования для утверждения семьи грядущих дней.

«В основном я согласен с социальными прогнозами И. В. Бестужева-Лады. Хотя мне думается, что дело не столько в автоматизации домашнего быта, сокращении труда в семье, сколько в изменении стиля и характера отношений между ее членами, взгляда на собственное назначение в жизни. Сейчас мы находимся в положении людей, которые еще только подходят к самым важным для себя знаниям в области педагогики, психологии и сексологии. Я назвал это состояние — докультурой. Впереди мне видится переход к подлинно культурным отношениям, когда люди будут знать законы собственного развития, своей природы, уважительно относиться к ней, как и к природе, что вокруг нас, и разумно пользоваться ими на общее благо.

Что касается нравственных установок, то все их множество я бы свел к такому универсальному принципу: максимум добра и минимум зла максимуму людей».

Как видите, ученый и писатель предполагают не столько кардинальные перемены, сколько совершенствование современных благоприятных тенденций и условий семейного бытия. Однако приведенные выше прогнозы касаются прежде всего *средств* достижения лада в человеческом доме. А каковы будут *цели*, жизненные установки семьи в коммунистическом далеке и чем они будут отличаться от современных? С таким вопросом автор этих строк обратилась к социологу З. А. Янковой:

«Все процессы, происходящие в семье, нам непременно следует соотносить с процессами, происходящими в современном мире и нашем обществе. На необходимость такого подхода нам указывал В. И. Ленин. «В области брака и половых отношений,— говорил он в беседе с К. Цеткин,— близится революция, созвучная пролетарской революции» (Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1970, т. 5, с. 37—59).

По мере продвижения к коммунизму в нашем обществе все более отчетливо проявляется марксистская позиция: считать высшей и в конечном счете единственной целью всех социальных преобразований *человека* — его развитие, реализацию всех его способностей, возможностей, сил. Именно эта цель определит основной смысл и суть жизнедеятельности семьи при коммунизме. Да и ныне, насколько семейные условия и отношения позволяют каждому индивиду совершенствовать себя и отдавать свои способности на общее благо, настолько данная семья приближается к грядущему идеалу.

Совершенно очевидно, что небывалая нравственная, мировоззренческая установка предполагает решительное изменение всех функций семьи: воспитательной, хозяйственной, трудовой, условия отдыха и характер общения. Изменятся ценностные ориентации, представления о преуспевании и богатстве. «Богатым», по марксо-

ву выражению, будет *нуждающийся* в полном саморазвитии, а самой большой роскошью — радость общения.

Семья новой формации превратится в подлинную исследовательскую лабораторию, будет своеобразным самодеятельным коллективом, в котором каждый — и творец, и исполнитель, и критик, и контролер в одном лице. И, конечно, никакой эксплуатации одного человека другим. Ведь эксплуатация, основывающаяся на любви, на добровольном самоотречении любящего во имя любимого, порой плодит такую систему «домашнего угнетения», которая может не позволить осуществиться и общественному идеалу «свободного развития каждого как условия свободного развития всех».

В коммунистической семье восторжествует гибкая система самоуправления, в ней главенствовать будут неформальные лидеры, которые решительно отвергнут все привилегии, на которые обычно претендовали лидеры в любом сообществе. Напротив, единственной «привилегией» лидера останется — брать на себя наибольший груз общей ноши.

Что касается моральных установок, то при коммунизме утвердится полностью развившаяся моногамия (т. е. единобрачие), основанная на социальном равенстве полов и взаимной любви супругов.

Должны исчезнуть из наших отношений измена, обман и прочие изъяны, которыми еще бывают поражены нынешние супружеские и дружеские отношения. А из этого всего можно предположить сокращение до минимума числа разводов. (Хотя вряд ли можно надеяться на то, что они исчезнут вовсе.) Ведь разносторонне развитая, творчески активная личность, к тому же владеющая своими эмоциями, телом и душой, сможет тонко регулировать отношения с домочадцами, будет всегда интересна своим близким, не позволит пресытиться ею. Здесь мы можем выявить глубинные влияния очень личных отношений на общую атмосферу бытия»,— заключила З. А. Янкова.

* * *

Беседы с учеными и писателями о грядущих переменах в семье, как видите, вывели нас к истокам разговора, который мы с вами ведем на протяжении всей этой книги. Мы ведь еще вначале обозначили важнейшее условие вашего счастья и счастья ваших близких — саморазвитие и самовоспитание личности. Оказывается, это важно и для осуществления вековечной мечты о всеобщем братстве, о золотом веке на нашей многострадальной планете Земля. Быть неравнодушным ко всему, что происходит с нами, вокруг нас и с нашим участием,— это и значит заражаться могучей энергией любви к людям, значит учиться любить по-человечески.

Пусть наши беседы будут ступенькой в вашем неостановимом

движении к высотам знаний и умений подлинно гуманного и нравственного бытия. Счастливого вам восхождения!

Восхождение, как известно, требует основательного снаряжения. В вашем движении им станут книги. Вот список литературы, которой вам надолго хватит, поскольку чтение это — не на бегу, не в автобусе и метро. Оно предполагает медленное вдумчивое вчитывание. Зато, одолев первые трудности, дальше вы будете искать и жаждать чтения, которое поможет ответить на важнейший вопрос: как жить достойно?

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1978.

Семья Маркса в письмах. М., 1984.

Воробьева О. Б., Синельникова И. М. Дочери Маркса. М., 1978.

Крупская Н. К. Следует ли обучать мальчиков «бабьему делу»? — Педагогические сочинения в 20-ти т. М., 1957, т. 1.

Крупская Н. К. Война и деторождение.— Там же, т. 6.

Цеткин К. Из записных книжек.— Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1978, т. 5.

Шагинян М. С. Семья Ульяновых.— Собрание сочинений. М., 1974, т. 6.

Пушкин А. С. Письма к жене.— Собрание сочинений. М., 1978, т. 10.

Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969.

Гончаров А. И. Обыкновенная история. Собрание сочинений. М., 1978, т. 1.

Толстой Л. Н. Анна Каренина.

Толстой Л. Н. Крейцерова соната.

Толстой Л. Н. Отец Сергий.

Толстой Л. Н. Исповедь.

Толстой Л. Н. Так что же нам делать?

Корчак Я. Правила жизни.— Избранные педагогические сочинения. М., 1979.

Макаренко А. С. Книга для родителей. М., 1982.

Сухомлинский В. А. Родительская педагогика.— Избранные педагогические сочинения. М., 1981, т. 3.

Азаров Ю. П. Семейная педагогика. М., 1982.

Богат Е. М. «...что движет солнце и светила». М., 1981.

Васильев К. Любовь. М., 1982.

Зацепин В. И. О жизни и супружестве. М., 1978.

Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.

Никитин Б. П., Никитина Л. А. Мы и наши дети. М., 1980.

Рюриков Ю. Б. Три влечения. М., 1967.

Соловьев Н. Я. Семья в социалистическом обществе. М., 1981.

Феофанов Ю. В. Закон и мораль. М., 1970.

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.

Ходоков Н. М. Молодым супругам. М., 1979.

Хрипкова А. Г., Колесов Д. В. Девочка — подросток — девушка. М., 1981.

Хрипкова А. Г., Колесов Д. В. Мальчик — подросток — юноша. М., 1981.

Чурбанов В. Б. Непризнанные гении. М., 1977.

Янкова З. А. Городская семья. М., 1979.

Сборники статей, очерков, посвященных семье, проблемам культуры чувств и поведения юношей и девушек, молодоженов, воспитание детей, культуры быта:

Разрешите познакомиться. М., 1978.

Азбука для двоих. М., 1981.

Мы строим дом. М., 1981.

Совет да любовь. М., 1981.

Семейно-бытовая культура. Минск, 1981.

В часы досуга. М., 1982.

Мы и наша семья. М., 1983.

Содержание

Этот удивительный учебный предмет . . . 3

«Смотрясь, как в зеркало, в другого» . . . 11

Кто есть кто? . . . —
Я — семь «Я» . . . 25
Мир за твоим окном . . . 36

Ровесники, ровесницы... . . . 48

Когда это начинается . . . —
Первая любовь . . . 60
Без плаща, шпаги и реверансов? . . . 72

Под марш Мендельсона . . . 95

Мы выбираем — нас выбирают . . . —
Молодожены . . . 105
В единой упряжке . . . 111

Мать и отец — главные воспитатели . . . 125

Маленькие пришельцы . . . —
Идеал и быт . . . 135
Семь «Я» — много или мало? . . . 142

Старшие в доме . . . 149

Новые родственники . . . —
Бабушки и дедушки . . . 157

Домашняя экономика . . . 167

Потребности естественные и искусственные . . . —
Доходы и расходы . . . 179
Мода? Мода! Мода... . . . 187

По законам чести . . . 198

Когда в силу вступает закон . . . —
Развод по-человечески . . . 202
Одиночество: беда или вина? . . . 210

Заглядывая в завтра . . . 218

Тамара Михайловна Афанасьева

СЕМЬЯ

Пробное учебное пособие для учащихся средних учебных заведений

Зав. редакцией *Н. П. Семыкин*. Редактор *Л. И. Льняная*. Младший редактор *И. Г. Антонова*. Художник *В. Н. Никульшин*. Художественный редактор *Е. Л. Ссорина*. Технический редактор *Л. М. Абрамова*. Корректоры *К. А. Иванова, Г. М. Махова*.

ИБ № 8553

Подписано к печати с диапозитивов 09.10.85. Формат 60×90 1/16. Бумага кн. журн. отеч. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14. Усл. кр.-отт. 14,63. Уч.-изд. л. 15,83. Доп. тираж 300 000 экз. Заказ № 206. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.



PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190